

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА

Том 20 № 4 (2016)

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор <i>Т.В. Ларина</i> , доктор филол. наук, профессор, РУДН, Россия E-mail: tatiana.larina@pfur.ru	Почетный редактор <i>Иштван Кечкеш</i> , профессор, доктор, Университет Штата Нью-Йорк, Олбани, США E-mail: ikeekes@albany.edu	Ответственный секретарь <i>А.С. Борисова</i> , кандидат филол. наук, доцент РУДН, Россия E-mail: borisova_as@pfur.ru
--	--	---

Члены редакционной коллегии

Лаура Альба-Хуэс, профессор, Национальный университет дистанционного образования UNED, Мадрид, Испания
Стивен А. Биби, профессор, доктор, Университет штата Техас, США
Богданова Людмила Ивановна, доктор филол. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор, Гранадский университет, Испания
Жан-Марк Девале, профессор, доктор, Лондонский университет, Биркбек, Великобритания
Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
Мария Еленевская, доктор, Технион — Израильский политехнический институт, Хайфа, Израиль
Жельвис Владимир Ильич, доктор филол. наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет, Россия
Зализняк Анна Андреевна, доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Россия
Иванова Светлана Викторовна, доктор филол. наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Россия
Ирисханова Ольга Камалудиновна, доктор филол. наук, профессор, директор Центра социокогнитивных исследований дискурса, Московский государственный лингвистический университет, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, Россия
Карасик Владимир Ильич, доктор филол. наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия
Донал Карбо, профессор, Массачусетский университет, Амхерст, США
Элеонора Лассан, доктор, Вильнюсский университет, Литва
Леонтович Ольга Аркадьевна, доктор филол. наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия
Сара Миллс, профессор, Университет Шеффилд Холлэм, Великобритания
Этсуко Ойши, профессор, Токийский исследовательский университет, Япония
Анета Павленко, профессор, Темпльский университет, президент Американской ассоциации прикладной лингвистики, США
Дуглас Марк Понтон, доктор, Университет Катании, Италия
Мартин Путиц, профессор, Университет Кобленц-Ландау, Германия
Мария Сифьяну, профессор, Афинский национальный университет имени Каподистрии, Греция
Нилакши Сурьянараян, профессор, Делийский университет, Индия
Клаус Шнайдер, профессор, Боннский университет, Германия
Эбзеева Юлия Николаевна, кандидат филол. наук, РУДН, Россия
Зохран Эслами, профессор, Техасский университет А&М в Катаре, Доха, США
Сунь Юйхуа, профессор, председатель Совета ректоров УШОС, Даляньский университет иностранных языков, Китай

Редактор: К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Е.П. Довголевская

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12

e-mail: lingji@pfur.ru

Подписано в печать 09.12.2016. Выход в свет 20.12.2016. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 24,18. Тираж 500 экз. Заказ № 1476. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@pfur.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА

ISSN 2312-9212 (online); 2312-9182 (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Цель и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика — периодическое международное рецензируемое научное издание в области лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цель журнала — способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры и сознания, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются сопоставительное языкознание, лингвопрагматика, межкультурная коммуникация, анализ дискурса, когнитивная лингвистика, теория и практика перевода. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала — знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся взаимодействия культуры, языка и коммуникации. Основные рубрики журнала: *сопоставительное языкознание, социолингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, психолингвистика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, язык и культура, теория и практика перевода.*

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т.д.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству лингвистов и переводчиков, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

Электронный адрес: lingj@pfur.ru; vestnik_linguistics@mail.ru.

RUDN University

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

VOLUME 20 NUMBER 4 (2016)
DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4
Founded in 1997
Founder: RUDN University

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Tatiana Larina
RUDN University, Russia
E-mail: tatiana.larina.@pfur.ru

HONORARY EDITOR

Professor Dr. Istvan Kecskes
State University of New York at Albany, USA
E-mail: ikecskes@albany.edu

EXECUTIVE SECRETARY

Dr. Anna Borissova
RUDN University, Russia
E-mail: borissova_as@pfur.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Laura Alba-Juez, National Distance Education University, Madrid, Spain
Prof. Steven A. Beebe, Texas State University, USA
Prof. Liudmila Bogdanova, Lomonosov Moscow State University, Russia
Prof. Donal Carbaugh, University of Massachusetts, Amherst, USA
Prof. Jean-Marc Dewaele, University of London, Birkbeck, UK
Prof. Vadim Dementyev, Saratov State University, Russia
Dr. Julia Ebzeeva, RUDN University, Russia
Prof. Rafael Tirado Guzman, University of Granada, Spain
Prof. Zohreh Eslami, Texas A&M University at Doha, Qatar
Prof. Svetlana Ivanova, Pushkin Leningrad State University, Russia
Prof. Olga Iriskhanova, Moscow State Linguistic University, Russia
Prof. Vladimir Karasik, Volgograd State Social Pedagogical University, Russia
Prof. Eleonora Lissan, Vilnius University, Lithuania
Prof. Olga Leontovich, Volgograd State Social Pedagogical University, Russia
Prof. Sara Mills, Sheffield Hallam University, UK
Prof. Etsuko Oishi, Tokyo University of Science, Japan
Prof. Aneta Pavlenko, Temple University, President of American Association of Applied Linguistics, USA
Dr. Douglas Mark Ponton, University of Catania, Italy
Prof. Martin Pütz, University of Koblenz-Landau, Germany
Prof. Klaus Schneider, University of Bonn, President of German Association for the Study of English, Germany
Prof. Maria Sifianou, National and Kapodistrian University of Athens, Greece
Prof. Neelakshi Suryanarayan, Delhi University, India
Dr. Maria Yelenevskaya, Technion — Israel Institute of Technology, Haifa, Israel
Prof. Sun Yuhua, Dalian University of Foreign Languages, China
Dr. Anna Zalizniak, Senior Researcher, the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Russia
Prof. Vladimir Zhelvis, Yaroslavl State Pedagogical University, Russia

Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@pfur.ru

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: lingj@pfur.ru; vestnik_linguistics@mail.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "RUDN University"
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@pfur.ru

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS
Published by the RUDN University, Moscow, Russia

ISSN 2312-9212 (online); 2312-9182 (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aim and Scope

Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of Linguistics. The editors aim to publish original research devoted to language, culture and cognition and give emphasis to comparative studies of languages, intercultural communication, pragmatics, discourse analysis, cognitive linguistics, and translation.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in Linguistic practices in this area. General Journal Sections: *comparative linguistics, sociolinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, language and culture, theory and practice of translation.*

As a Russian journal with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural/linguistic themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of *COPE (Committee on Publication Ethics)*.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>

E-mail: lingj@pfur.ru; vestnik_linguistics@mail.ru

© RUDN University, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Обзорная статья

- Douglas M. Ponton (Catania, Italy), Ларина Т.В. (Москва, Россия)** Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика (I) 7

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРС-АНАЛИЗА

- Istvan Kecskes (Albany, USA)** A Dialogic Approach to Pragmatics (Диалогический подход к прагматике) 26
- Laura Alba-Juez (Madrid, Spain)** Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation (Дискурс-анализ и прагматика: область исследования и взаимосвязь) 43
- Карасик В.И. (Волгоград, Россия)** Дискурсивное проявление личности 56
- Клушина Н.И. (Москва, Россия)** Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации 78
- Красина Е.А. (Москва, Россия)** Дискурс, высказывание и речевой акт 91
- Дементьев В.В. (Саратов, Россия)** Speech Genres and Discourse: Genres Study in Discourse Analysis Paradigm (Жанры речи и дискурс: место жанроведческих исследований в парадигме дискурсивного анализа) 103

АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

- Douglas M. Ponton (Catania, Italy)** Movements and Meanings: Towards an Integrated Approach to Political Discourse Analysis (Слова и жесты: интегративный подход к анализу политического дискурса) 122
- Justin Quam, Mariana Ryshina-Pankova (Washington DC, USA)** “Let Me Tell You...”: Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches of Trump, Clinton, and Sanders («Вот что я вам скажу...»: стратегии манипулирования аудиторией в предвыборной речи Трампа, Клинтон и Сандерса) 140
- Волкова Я.А., Панченко Н.Н. (Волгоград, Россия)** Деструктивность в политическом дискурсе 161
- Горностаева А.А. (Москва, Россия)** American Political Discourse: Irony in Pre-Election Campaign 2016 (Американский политический дискурс: ирония в предвыборной кампании 2016) 179

ХРОНИКА

Рецензии

- Ионова С.В. (Волгоград, Россия)** Дискурсивные эмоции: кооперация и диссонанс. Шаховской В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография). — Волгоград: Изд-во «ИП Поликарпов И.Л.», 2016. — 504 с. 197

Конференции

- Садув Р.Т. (Уфа, Россия)** Юбилейная X международная научная конференция «Политическая лингвистика: проблемы, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления». Екатеринбург, 26—29 сентября 2016 г. 202
- Ян Кэ (Гуанчжоу, Китай)** Международный форум «Китай и русский мир: язык, культура и ‘мягкая сила’ культуры», Гуанчжоу, 13—14 ноября 2016 года 205

CONTENTS

Introduction

Douglas M. Ponton (Catania, Italy), Tatiana V. Larina (Moscow, Russia) Discourse Analysis in the 21 st Century: Theory and Practice (I)	7
---	---

THEORETICAL ASPECTS OF DISCOURSE ANALYSIS

Istvan Kecskes (Albany, USA) A Dialogic Approach to Pragmatics	26
Laura Alba-Juez (Madrid, Spain) Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation	43
Vladimir Karasik (Volgograd, Russia) Discourse Manifestation of Personality	56
Natalia Klushina (Moscow, Russia) Discourse Analysis and Stylistics: Integrative Methods for Research in Media Communication	78
Elena Krasina (Moscow, Russia) Discourse, Statement and Speech Act	91
Vadim Dementyev (Saratov, Russia) Speech Genres and Discourse: Genres Study in Discourse Analysis Paradigm	103

POLITICAL DISCOURSE ANALYSIS

Douglas M. Ponton (Catania, Italy) Movements and Meanings: Towards an Integrated Approach to Political Discourse Analysis	122
Justin Quam, Mariana Ryshina-Pankova (Washington DC, USA) “Let Me Tell You...”: Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches of Trump, Clinton, and Sanders	140
Yana Volkova, Nadezhda Panchenko (Volgograd, Russia) Destructiveness in Political Discourse	161
Anna Gornostayeva (Moscow, Russia) American Political Discourse: Irony in Pre-Election Campaign 2016 ...	179

CHRONICLE

Book reviews

Svetlana Ionova (Volgograd, Russia) Discursive Emotions: Concord and Discord. Shakhovskiy V.I. (2016). <i>Ecological Discord in Communicative Triangle: Human Being, Language, and Emotions</i> . Volgograd: “Polikarpov I.L.”	197
---	-----

Conferences

Ruslan Saduov (Ufa, Russia) The Milestone 10th International Conference “Political Linguistics: Challenges, Methodology, Research, and Future,” Yekaterinburg, 26—30 September, 2016	202
Yang Ke (Guangzhou, China) International Forum “China and Russian World: Language, Culture and ‘Soft Power’ of Culture”, Guangzhou, 13—14 November 2016	205

INTRODUCTION

UDK: 811. 111. 26

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-7-25

DISCOURSE ANALYSIS IN THE 21ST CENTURY: THEORY AND PRACTICE (I)

**Douglas Mark Ponton,
Tatiana Larina**

University of Catania
*1 Viva Cava Gucciardo Pirato,
97015 Catania, Italy*

RUDN University
*6 Miklukho-Maklaya str.,
117198 Moscow, Russia*

INTRODUCTION

Unflagging research interest in discourse encouraged us to devote a special issue to the topic and invite leading Russian and foreign experts to exchange their ideas and provide answers to existing questions or put new ones. Due to the positive response, our idea will be implemented in two issues of the journal, that will give us the opportunity to present the reader the ideas of scholars from different universities and countries of the world. The two editions will cover theoretical aspects of discourse analysis, and include practical examples of the application of a wide variety of methodological approaches and tools.

Discourse analysis is, by now, a consolidated research paradigm, one that interests a broad spectrum of disciplines across the social sciences. Among other fields, it is currently found in critical theory, economics, history, sociology, philosophy and social psychology besides, of course, lin-

ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 811. 111. 26

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-7-25

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В 21 ВЕКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (I)

**Дуглас Марк Понтон,
Т.В. Ларина**

Университет Катании
*97015 Италия,
1 Viva Cava Gucciardo Pirato*

Российский университет дружбы народов
*ул. Миклухо-Маклая, д. 6,
г. Москва, Россия, 117198*

ВВЕДЕНИЕ

Неиссякаемый исследовательский интерес к дискурсу побудил нас посвятить специальный выпуск журнала данной теме и пригласить ведущих российских и зарубежных специалистов обменяться идеями и дать ответы на существующие вопросы или поставить новые. Благодаря активному отклику авторов, которым мы выражаем огромную благодарность, наша идея будет воплощена не в одном, а в двух номерах журнала, что даст нам возможность максимально широко представить вам, нашим читателям, идеи ученых из разных университетов и стран мира, которых объединяет дискурс. В них будет рассмотрен ряд теоретических вопросов и подходов к анализу дискурса, а также показано их применение на практике.

В настоящее время дискурс-анализ представляет собой консолидирующую исследовательскую парадигму, к кото-

guistics. What is meant by ‘discourse analysis’ is clearly a relevant question, especially since the notion of discourse is itself distinguished by imprecision, its meaning varying according to the specific context in which it is found.

An interesting account of the development of the term from its common or garden sense to its use within linguistics can be found in Mills (1997). She explains that, within linguistics, discourse has been seen by some as exemplifying language in use, as opposed to language as systematic structure (Brown and Yule 1983). This opinion is shared by those Russian linguists who define discourse as ‘text, immersed in life’ (Arutyunova 1998), or text in a situation of communication (Karasik 2002). The size of the language sample is important for others (Sinclair and Coulthard 1975), while a more contemporary note is sounded in the views of certain unspecified ‘mainstream linguists’, who believe that discourse is defined by the context of occurrence of certain utterances (thus, the discourse of religion, the discourse of advertising, etc.). These contexts of production of texts will determine the internal constituents of the specific texts produced (Mills 1997: 9).

In fact, as Jørgensen and Phillips (2002: 1) suggest, the term as currently used within linguistics generally indicates the structuring of language according to the different patterns found in people’s utterances, across the many different domains of social life. It is generally accepted that discourse is determined by context, which generates text and determines its structure. Context needs to be understood in its broadest sense and includes *actual situational context* (or external context), e.g. situational communication conditions, *psychological context* (or internal context) — psychological factors influencing

рой, помимо лингвистики, проявляет интерес широкий круг социальных дисциплин — экономика, история, социология, философия, культурология и социальная психология. Вопрос о том, что понимается под термином «дискурс-анализ», продолжает оставаться дискуссионным, как и само понятие «дискурс» не имеет однозначного определения и варьирует в зависимости от контекста, в котором оно употребляется.

О развитии данного термина — от его общего значения до значения, используемого в лингвистике, пишет Сара Милс (Mills 1997). Она поясняет, что в рамках лингвистики дискурс рассматривается как язык в его функционировании, в отличие от языка как системы (Brown, Yule 1983). Этому же мнения придерживаются и российские лингвисты, которые определяют дискурс как «текст, погруженный в жизнь» (Арутюнова 1998) или текст в ситуации общения (Карасик 2002).

Общепризнанным является утверждение о том, что дискурс определяется контекстом, который порождает текст и определяет его структуру. При этом контекст понимается в самом широком смысле этого слова как «любой фактор — лингвистический, физический, общественный, — который влияет на интерпретацию лингвистических знаков» (Кечкеш 2014: 8). Он включает *ситуативный контекст* (или *внешний контекст*) — это ситуативные условия коммуникации, *психологический контекст* (или *внутренний контекст*) — психологические факторы, влияющие на процесс коммуникации и *преконтекст* — весь прежний опыт участников взаимодействия (Ларина 2017: 31). Как отмечает И. Кечкеш, пре-контекст основывается на нашем преды-

the process of communication and *prior context*. As Kecskes notes, “prior context is based on our prior experience, so it develops through the regularity of recurrent and similar situations, which we tend to identify with given contexts” (Kecskes 2014: 215). He points out that through the interplay of prior context and actual situational context, individual and social factors of communication are intertwined (ibid.: 133). Van Dijk distinguishes between micro-contexts, which may represent to face-to-face communicative situations (parliamentary speech or debate) and macro-contexts (parliament as an institution or democracy as a system) (Van Dijk 2009: 250). Culture is also a context of communication. In intercultural interaction it is the most important extralinguistic factor, which impacts communicative behavior of a community and shapes communicative ethno style (Larina 2015).

Within discourse studies a prominent position is currently occupied by schools of so-called ‘critical discourse analysis’ (e.g. Wodak 2001, Fairclough 2001, Van Dijk 2003, etc.), which involve the concept of power in their picture of the operations of language. Fairclough’s (2001: 14) definition of discourse as “language as social practice determined by social structures” emphasises the interconnectedness of language and society, and for critical discourse analysts generally, it is axiomatic that language and society are mutually constitutive (Verdoolaege 2008: 43, Resta 1998: 6).

To take an example, familiar from the work of Michel Foucault (1963), the lexicogrammatical elements used by a doctor in an interview with a patient are determined by specific features of the context, and constitute a discourse whose semantics relate to the following domains: symptoms, the body, diagnosis, prognosis, therapy, treatment, cure, medicines/drugs, etc. As

душем опыте, он развивается через регулярно повторяющиеся аналогичные ситуации, которые мы связываем с текущей ситуаций (Kecskes 2014: 215). Ван Дейк предлагает различать микро-контекст, который имеет место в ситуациях межличностной коммуникации (например, парламентская речь или дебаты), и макроконтэкстах (парламент как институт или демократия как система) (Van Dijk 2009: 250). Культура также является контекстом. В межкультурном взаимодействии она выступает важнейшим экстралингвистическим фактором, который определяет коммуникативное поведение и формирует этнокультурный стиль коммуникации (Ларина 2009).

Одним из наиболее значимых направлений исследований дискурса является «критический дискурс-анализ» (Wodak 2001, Fairclough 2001, Van Dijk 2003, 2009 и др.), который включает понятие *власть* и анализирует то, как власть оперирует языком. Н. Фейрклаф в своем определении дискурса как языка социальной практики, определяемого социальными структурами (Fairclough 2001: 14), подчеркивает взаимосвязь языка и общества, что для исследователей критического дискурса-анализа является аксиомой (Verdoolaege 2008: 43).

Возьмем известный пример из работы Мишеля Фуко (Foucault 1963), где он отмечает, что лексика и грамматика, используемые врачом в беседе с пациентом, определяются конкретными условиями контекста и представляют собой дискурс, который включает слова следующих тематических групп: симптомы, тело, диагноз, прогноз, терапия, лечение, лекарство и т.д. Кроме того, как отмечает Н. Фейрклаф, в диалоге врач—

Fairclough (2001: 2) points out in his discussion of the doctor-patient context, power relations are also an implicit part of the interaction: the doctor occupies the role of 'expert', able to affect the patient's life because of his special knowledge. These power relations indicate the presence of a hierarchical social structure that transmits the effects of choices at a political level throughout all strata of society.

To sum up, it is plain that discourse analysis can never be a single approach, but should rather be seen as a series of interdisciplinary approaches, which can be used to explore many different social domains, in many different types of studies. We will expect a critical discourse analyst to involve the notion of social power in their exploration of the specific discourse under examination, while this may be absent from studies that are more interested in exploring features of language at a textual, grammatical or semantic level.

This issue is divided into two sections, the first being a series of papers, by prominent Russian and Western scholars, that contain theoretical considerations relating to the current state of the art; the second contains some papers that apply a variety of theoretical notions to the specific field of political discourse analysis.

THEORETICAL ASPECTS OF DISCOURSE ANALYSIS

The first paper is by the well-known American linguist **Istvan Kecskes**, whose book *Intercultural pragmatics* (2014) we earlier presented to our readers in the review by Svetlana Kurteš (2015). In the article he has written for our special issue, he explores the pragmatics of dialogical interaction, developing a model

пациент имплицитно присутствует неравенство в отношениях: врач выполняет роль «эксперта», способного повлиять на жизнь пациента в силу его профессиональных знаний (Fairclough 2001: 2). Это неравенство в отношениях указывает на наличие иерархической социальной структуры, воздействующей на выбор, во всех слоях общества.

Таким образом, исходя из рассмотренных определений дискурса, очевидно, что дискурс-анализ не может быть ограничен единым подходом. Он должен рассматриваться как ряд междисциплинарных подходов, которые могут быть использованы для изучения различных социальных сфер в различных типах исследований. Что касается понятия власти, то, на наш взгляд, оно прежде всего необходимо для исследований в области критического дискурс-анализа при изучении специального типа дискурса.

Предлагаемый вашему вниманию выпуск журнала состоит из двух частей. Первая содержит самые последние теоретические наработки по рассматриваемой проблеме ведущих российских и зарубежных лингвистов, во второй представлены статьи, в которых показаны возможности применения различных подходов к анализу политического дискурса.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Открывает наш номер статья известного американского лингвиста **Иштвана Кечкеша** (Олбани, США), с последней книгой которого (Kecskes 2014) мы уже ранее знакомили наших читателей через рецензию С. Куртеш (Kurteš 2015). В статье «*A dialogic approach to pragmatics*» («Диалогический подход к прагматике»), написанной для нашего

for the analysis of such discourse based on understanding the roles and local knowledges of both speaker and hearer. Prof Kecskes has already introduced his Dynamic Model of Meaning to our readers, which explains how actual communicative meaning is created, emphasizing the interplay between prior context encoded in the words used in the utterance and the actual situational context in which the interaction takes place (Кечкеш 2014). In his article for this issue he develops his idea. The aim of this paper is to direct attention to how a dialogue approach can lead to better understanding of actions of interlocutors in communication. Instances of dialogical communication may see speaker and hearer engaged in processes of deduction, repair and adjustment to what they perceive as important for the other. The writer explores these notions, exemplifying their operation across a variety of spoken data, suggesting that a pragmatic, dialogical model may aid us to appreciate important nuances in verbal communication. The paper also explores intercultural aspects of the semantic/pragmatic dimension, arguing that in non-native speaker interaction it is imperative that there is a close correspondence between utterance and intention, or the lack of shared knowledge between speaker and hearer may rule out the possibility of communication. A key concept, in Kecskes' view, is Giora's notion of 'graded salience' (Giora 2003), which refers to the information that the hearer assumes to be central for the speaker when s/he produces the utterance. Misunderstandings may arise because of the private and cultural speci-

специального выпуска, он исследует прагматику диалогического взаимодействия, предлагая разработанную им модель для анализа такого дискурса, основанную на понимании ролей говорящего и слушающего и их общих знаниях. Профессор Кечкеш уже знакомил наших читателей с разработанной им динамической моделью значения, которая описывает то, как актуальное коммуникативное значение порождается в результате столкновения закодированных в лексических единицах «старых», предыдущих контекстов и актуального ситуативного контекста, в котором это высказывание употребляется (Кечкеш 2014). В данной статье он развивает эту идею. Цель статьи — показать, как диалогический подход к прагматике может способствовать лучшему пониманию собеседников в коммуникации. На различном языковом материале он демонстрирует, как прагматическая диалогическая модель может помочь оценить важные нюансы вербальной коммуникации. В статье также рассматриваются межкультурные аспекты семантики и прагматики, отмечается, что, когда в процессе коммуникации участвуют не носители языка, должно быть четкое соответствие между высказыванием и намерением говорящего, иначе отсутствие общих фоновых знаний между говорящим и слушающим может исключить возможность коммуникации. Ключевым понятием, по мнению Кечкеша, является понятие *градуированной выделенности*, или *градуированной значимости* ('graded salience') (Giora 2003), которое относится к информации, являющейся, по мнению слушающего, основной для говорящего в момент произнесения им высказывания. Непонимание может возникнуть из-за ее индивидуальной и культурной специфики, т.е. когда значимость определяется личными и культурно-специфическими

fic nature of salience, particularly for L2 speakers, who have less background knowledge in common. Because of the complexity of the cognitive processes involved in verbal communication, the author argues, approaches based on the analysis of the utterance alone necessarily provide an incomplete picture.

Some of the historical phases in the development of discourse analysis are revisited by **Laura Alba-Juez**, the author of significant contributions to discourse analysis and pragmatics (Alba-Juez 2009, Alba-Juez, Mackenzie 2016) who is already familiar to the readers of our journal (Alba-Juez 2014). She explains its origins in Text Linguistics, an analytical paradigm current in the 1970s and 80s, and cites De Beaugrande and Dressler's (1981) work, which defined text as a communicative event that must satisfy seven criteria, the first two of which (cohesion and coherence) may be defined as text-internal, and the remaining five (intentionality, acceptability, informativity, situationality, and intertextuality) as text-external. While the former still constitute valid objects for research in other traditions within linguistics, it is the necessity to account for the role of the latter in linguistic description that is relevant in the emergence of discourse analysis as the multi-faceted, cross-disciplinary tool we recognise today. The term 'discourse', she writes, includes both 'text' and 'context', the latter encompassing social, cultural and emotional aspects. Thus, a separation begins to appear, between studies of 'text' (which focus on aspects such as cohesion and coherence, for example) and those of 'discourse', which becomes

смыслами, особенно когда в диалоге участвуют не носители языка. Автор утверждает, что из-за сложности когнитивных процессов, имеющих место в речевой коммуникации, подходы, основанные исключительно на анализе самих высказываний, непременно приведут к неполному их пониманию.

Лаура Альба-Хуэс (Мадрид, Испания), автор известных публикаций по рассматриваемой проблеме (Alba-Juez 2009, Alba-Juez, Mackenzie 2016 и др.), которая также знакома нашим читателям (Alba-Juez 2014), в своей статье "*Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation*" («Дискурс-анализ и прагматика: область исследования и взаимосвязь») дает обзор этапов развития дискурс-анализа, который берет свое начало в лингвистике текста, аналитической парадигме 1970—1980-х гг. Она ссылается на исследователей, определявших текст как коммуникативное событие, которое должно удовлетворять семи критериям, первые два из которых (связность и согласованность) могут быть определены как внутритекстовые, а остальные пять (интенциональность, доступность, информативность, ситуативность и интертекстуальность) как внешние (De Beaugrande, Dressler 1981). Автор отмечает, что, хотя первые два критерия по-прежнему представляют собой важные объекты традиционных лингвистических исследований, последние необходимо учитывать в лингвистических описаниях, имеющих отношение к дискурс-анализу как к признанному на сегодняшний день многогранному междисциплинарному инструменту исследований. Термин «дискурс», как отмечается в статье, включает в себя «текст» и «контекст», охватывающий социальные, культурные и эмоциональные аспекты. Таким образом, намечается различие между исследованиями «текста»

a broader term, within whose parameters are included social, cultural and historical factors, as well as features of the specific interactive context. The main aim of the paper is to disambiguate the two terms ‘Discourse Analysis’ and ‘Pragmatics’, which can almost seem to be conflated, especially in descriptions from the European Continental school. They speak of pragmatics, for example, as “the scientific study of all aspects of linguistic behaviour” (Bublitz and Norrick (2011: 4). Proponents of the Anglo-American school, by contrast, are more likely to see pragmatics as one of the core components of a linguistic theory, along with phonetics, phonology, morphology, syntax and semantics. The writer’s conclusion places pragmatics within the developing tradition of discourse analysis, as an indispensable part of the analyst’s toolkit.

Discourse-analysis is one of the most rapidly developing fields of research in Russian communicative linguistics (Budaev, Chudinov 2006, Bobyрева 2007, Demyankov 2005, Dubrovskaya 2010, Karasik 2002, Kashkin 2010, Lutovinova 2009, Makarov 2003, Olyanich 2004, Savitsky 2013). However, there is no common understanding of discourse, nor is there any single classification of types of discourse. At our request, one of the leading Russian linguists in the field, **Vladimir Karasik**, contributed an article for this special issue, in which he summarized the existing approaches to the classification of types of discourse and systematized them on the basis of five dimensions — the content of communication, its typical participants, tone, channel and com-

(которые сосредоточены на таких аспектах, как связность и согласованность) и исследованиями «дискурса», который является термином более широкого плана, включающим социальные, культурные и исторические факторы, а также особенности конкретного интерактивного контекста. Основной целью статьи является устранение неоднозначности терминов *дискурс-анализ* и *прагматика*, которые практически не разграничиваются, особенно в исследованиях европейской континентальной школы, где отмечается, например, что прагматика — это научное исследование всех аспектов языкового поведения (Bublitz и Norrick 2011: 4). Сторонники англо-американской школы, напротив, более склонны видеть прагматику в качестве одного из основных компонентов лингвистической теории, наряду с фонетикой, фонологией, морфологией, синтаксисом и семантикой. Автор делает вывод о том, что развивающаяся теория дискурс-анализа включает в себя прагматику как неотъемлемую часть инструментария аналитика.

Дискурс-анализ представляет собой одно из наиболее активно развивающихся направлений и в российской коммуникативной лингвистике (Будаев, Чуудинов 2006; Бобырева 2007, Демьянков 2005, Дубровская 2010, Карасик 2002, Кашкин 2010, Лутовинова 2009, Макаров 2003, Олянич 2004, Савицкий 2013, Седов 1999, Слышкин 2000, Тюпа 2010, Чернявская 2012, Шейгал 2004 и многие др.). Однако, несмотря на наличие большого количества работ, в русской дискурсологии так же нет ни единого понимания дискурса, ни единой классификации. По просьбе нашего журнала один из ведущих российских дискурсологов — **В.И. Карасик** (Волгоград, Россия) — написал для этого специального выпуска статью «*Дискурсивное проявление личности*», в которой, обобщая

municative actions. On this basis, he suggests five main approaches to discourse: Topic Approach, Subject Approach, Tonality Approach, Regime Approach and Action Approach. These approaches are determined by the functions of speech, and the models of the communicative situation developed in linguistics and other fields of human knowledge (Bakhtin, Habermas, Lotman and Halliday), and once again illustrate the multidimensional nature of discourse. The author argues that they complement each other and make it possible to synthesize the results achieved in Text Linguistics, Pragmatics, Social Linguistics, and Discourse Studies.

Natalya Klushina's article poses another problem, indicating the interdisciplinary nature of discourse-analysis and its links with other fields, in this case with Stylistics, which, from its original functional orientation, took a communicative turn in the late twentieth century. The author notes that the emergence of communicative stylistics in the Russian humanities provoked "competition" between the two communication disciplines — traditional stylistics and Western discourse-analysis, which share a common subject of study (text), the general vector of its study (which is communicative), but have different methods of analysis and different terminology systems. These tend to be an eclectic mixture, not adequately delimited, and this blurs the boundaries of these disciplines (see [Vorontsova 2015, Khazagerov 2014 and others]). According to the author, this is the main problem of the coexistence of media stylistics and discursology in one scientific field, that

существующие подходы к классификации типов дискурса, систематизировал их на основе пяти параметров — содержания общения, его типовых участников, тональности, канала и акциональной природы. В результате им были выделены пять основных подходов к дискурсу: тематический, субъектный, инструментальный, режимный и акциональный. Эти подходы, объединяющим центром которых является дискурсивная личность — человек как участник общения, обусловлены функциями речи и разработанными в лингвистике и других областях гуманитарного знания моделями коммуникативной ситуации (М.М. Бахтин, Ю. Лотман, J. Habermas, M. Halliday) и в очередной раз демонстрируют многомерную природу дискурса. Они взаимодополняют друг друга и дают возможность синтезировать достижения лингвистики текста, социолингвистики, прагмалингвистики и собственно теории дискурса.

Н.И. Клушина (Москва, Россия) в своей статье «*Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации*» ставит еще одну проблему, свидетельствующую о междисциплинарном характере исследований дискурса и его связи с другими направлениями, в данном случае со стилистикой, которая в конце XX в. совершила поворот от функциональной стилистики к коммуникативной. В результате появления коммуникативной стилистики в российской гуманитарной науке, как отмечает автор, возникла «конкуренция» двух коммуникативных дисциплин — традиционной стилистики и западной дискурсологии, которые имеют общий предмет исследования (текст), общий вектор его изучения (коммуникативный), но разные методы анализа и разный терминологический аппарат, которые эклектически смешиваются и не разграничи-

of Russian and — increasingly — of Slavic linguistics too. The article notes the absence of the strict understanding of style, and discourse, as well as a distinct classification of discourses, except for a generally accepted division of discourses into institutional and non-institutional (Karasik 2002). The author emphasizes the importance of the notion of discourse for stylistics, and concludes that integration of methods might contribute to a better understanding of a modern media text and give a new impetus to the development of Russian and Slavonic stylistics in a communicative perspective.

E.A. Krasina also pays attention to the integrative ability of discourse, emphasizing that the notion of discourse promotes the integration of humanities research in linguistics and other fields of knowledge. The author considers discourse as a component of social and cultural interaction, which is a complexity of linguistic form, meaning and action, i.e., communicative event or act. The goal of her paper is to outline the conditions of interaction and correlation of discourse, speech act and utterance as linguistic constructions, as well as to reveal some of their similarities and differences and illustrate the importance of the constructive role of the utterance as a minimal unit of speech production.

Vadim Dementyev's contribution is an exploration of the study of speech genres within the discourse analysis paradigm. Different speech genres are classified, and speech genres are discussed in different types of discourse. The article is of special interest for our

ваются, что размывает границы данных дисциплин. По мнению автора, в этом заключается основная проблема сосуществования стилистики и дискурсологии в одном научном поле русской и — шире — славянской лингвистики. В статье отмечается отсутствие строгого разграничения терминов *стиль* и *дискурс*, как и строгой классификации дискурсов, за исключением общепризнанного деления дискурсов на институциональные и неинституциональные (Карасик 2002). Автор подчеркивает важность для медиа стилистики понятия *дискурс* и делает вывод о том, что в современных коммуникативных и лингвистических исследованиях возможна интеграция методов дискурс-анализа и стилистики, что будет способствовать более глубокому пониманию медиа текста.

На интегрирующую способность дискурса обращает внимание и **Е.А. Красина** (Москва, Россия). В своей статье «*Дискурс, высказывание и речевой акт*» она подчеркивает, что и в лингвистике, и в других областях знаний понятие *дискурс* способствует интеграции гуманитарных исследований. Автор рассматривает дискурс как компонент социокультурного взаимодействия, который представляет собой сложное единство языковой формы, значения и действия, т.е. коммуникативного события или акта. Цель ее статьи — определить условия взаимодействия и соотношения дискурса, речевого акта и высказывания как лингвистических конструкторов, выявить их отличительные и сходные свойства.

В.В. Дементьев (Саратов, Россия) исследует речевые жанры в рамках парадигмы анализа дискурса в статье «*Speech Genres and Discourse: Genres Study in Discourse Analysis Paradigm*» («Жанры речи и дискурс: место жанроведческих исследований в парадигме дискурсивного анализа»). Данная статья

bilingual issue because it shows how the tradition of Russian text analysis, culminating with Bakhtin's work on speech genres, may be seen in terms of a comparison with Austin's well-known work on speech act theory. Dementyev discusses points of contact between the notions 'genre' and 'speech act'. Though there are similarities, the author notes that extended spoken genres such as the lecture, discussion or conversation may not be readily assimilated to the notion of speech act. The genres are then classified under a series of headings, according to the kind of discourse in which they appear, for example: environmental, political, medical, religious, etc. As in Kecskes' paper, there is an emphasis on the dialogical dimension of speech. The author finds that the main task of the current trends in discourse-analysis is to find 'an adequate model of real dialogical speech communication', and for this he proposes Speech Genre Theory as a possible solution.

POLITICAL DISCOURSE ANALYSIS

The second part of the issue contains a series of chapters that deal with themes of political discourse analysis. **Douglas Mark Ponton**, who is also already familiar to our readers (Ponton 2014), attempts to outline an integrated model for the analysis of political discourse. The chapter looks back across some of the high points in the development of political discourse analysis, in order to assess the current state of the field. It also has a future focus, as it attempts to integrate insights from some emerging fields, such as multimodality,

представляет особый интерес для нашего двуязычного номера журнала, так как показывает, как русская научная традиция анализа текста, кульминацией которой являются работы М.М. Бахтина о речевых жанрах, может рассматриваться в сравнении с известной работой Дж. Остина по теории речевых актов. В.В. Дементьев обсуждает точки соприкосновения между понятиями «речевой жанр» и «речевой акт». Автор отмечает, что, хотя между ними есть сходство, расширенные речевые жанры, такие как лекция, дискуссия или беседа, не могут быть приравнены к понятию речевого акта. Жанры далее классифицируются в соответствии с типами дискурса, среди которых экологический, политический, медицинский, религиозный и др. Как и в статье И. Кечкеша, акцент делается на диалогическом измерении речи. Автор приходит к выводу, что главной задачей всех актуальных направлений дискурс-анализа остается поиск адекватной модели реальной диалогической речевой коммуникации, и теорию речевых жанров он предлагает в качестве возможного решения этой задачи.

АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Второй раздел номера содержит ряд статей, посвященных анализу политического дискурса. Открывает раздел **Дуглас Понтон** (Катания, Италия), который также уже знаком нашим читателям (Ponton 2014). В статье "*Movements and Meanings: Towards an Integrated Approach to Political Discourse Analysis*" («Слова и жесты: интегративный подход к анализу политического дискурса») он пытается наметить интегрирующую модель для его исследования. В статье рассматриваются основные этапы анализа политического дискурса с целью оценить текущее состояние данной исследователь-

with more consolidated approaches. The author quotes Fairclough and Fairclough (2012), in support of his claim that persuasion is the most pervasive function of all political discourse, and claims that there is general agreement that the processes involved encompass both textual and non-textual features. Atkinson's *Our Masters' Voices* (1984) is cited as a key work that describes non-verbal aspects of persuasive rhetoric such as the speaker's voice quality, intonation, posture, body language, eye movements, and so on. As influential as this work was, however, these features have tended to be omitted from many subsequent accounts of persuasion in political rhetoric, which have concentrated on features of argumentation operating at a strictly textual level. The overall aim of the chapter is to suggest pathways towards the ambitious goal of developing a usable, integrated model for analysing political discourse. Instead of analysing a single feature such as metaphor, parliamentary insults, evaluative language or humour — all of which have been the subject of considerable research in the field — the model attempts to combine descriptions of textual and non-verbal/multimodal features of political discourse, in order to provide a practical tool for analytical purposes, and a coherent account of possible pragmatic effects. The model is exemplified in an analysis of Bill Clinton's address to the American people on the Lewinsky scandal.

Three subsequent articles are timely, in the light of recent political events, since they analyse speeches of the candidates for the US presidency in the election campaign of 2016.

ской области. Автор предлагает перспективный подход, пытаясь интегрировать идеи из некоторых новых областей, как, например, мультимодальность, с уже утвердившимися подходами. Автор отмечает, что убеждение является самой распространенной функцией всего политического дискурса и для ее реализации используется как сам текст, так и невербальные риторические средства убеждения, такие как голос говорящего, интонация, поза, язык тела, движение глаз и др., которые были детально описаны в работе М. Аткинсона (Atkinson 1984). Тем не менее, по мнению автора, несмотря на значимость данной работы, исследователи политической риторики в последнее время уделяют недостаточно внимания невербальным средствам убеждения, сосредотачиваясь исключительно на анализе текста. Цель данной статьи — предложить пути к созданию интегрированной модели анализа политического дискурса. Вместо того, чтобы анализировать отдельные особенности политического дискурса, которые уже были объектом многочисленных исследований — метафора, оценка, оскорбление, юмор и др., данная модель нацелена на комплексное описание как вербальных, так и невербальных/мультимодальных особенностей политического дискурса, являясь инструментом анализа, учитывающим возможный прагматический эффект. Использование данной модели показано автором на примере обращения Билла Клинтона к американскому народу в связи со скандалом, связанным с Моникой Левински.

Три последующие статьи представляются крайне своевременными в свете недавних политических событий, все они анализируют выступления кандидатов на пост президента США в избирательной кампании 2016 г.

Justin Quam and Marianna Ryshina-Pankova explore the language of newly elected US president Donald Trump, comparing it with that of the beaten Democrat candidate, Hillary Clinton, and her fellow Democrat, Bernie Sanders. The chapter, in fact, may help account for the success of Trump's electoral/rhetorical strategy. Throughout the 2016 campaign, as is well-known, presidential candidate Donald Trump provoked surprise by his ability to maintain his popularity in the face of an apparently unending sequence of gaffes, damaging revelations and statements that were likely to cause offence. Despite alienating important figures in his own party, Trump's electoral chances were bolstered by his ability to appeal to a large segment of voters unreached by his rival candidate. The chapter uses the framework of Engagement, developed by Martin and White within the paradigm of Systemic Functional Linguistics (White, 2003; Martin and White, 2005), to explore the patterns of alignment of the three candidates with their audiences. The chapter, in this respect, follows work on a similar topic, by Miller (e.g. 2004). Analysis of the speeches of Trump, Clinton, and Sanders reveals different patterns of interaction with voters in terms of the use of expansive and contractive dialogic strategies. Trump's speeches feature, in fact, a constrained dialogical space in which alternative opinions to the speaker's are not recognised. Clinton and Sanders, by contrast, frequently engage with other views, in patterns of 'dialogical expansion'. These patterns depend, to a degree, on

Дж. Куам и М. Рышина-Панькова (Вашингтон, США) исследуют язык недавно избранного Президента США Дональда Трампа, сравнивая его с кандидатами от демократов Хиллари Клинтон и Берни Сандерсом. Результаты проведенного исследования, которые авторы изложили в статье *"Let Me Tell You..."*: Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches of Trump, Clinton, and Sanders: («"Вот что я вам скажу..."»: Стратегии сближения с аудиторией в предвыборной речи Трампа, Сандерса и Клинтон») на самом деле могут помочь объяснить успех избирательной/риторической стратегии Трампа. Как хорошо известно, на протяжении всего 2016 г. кампании кандидат в президенты Дональд Трамп не переставал удивлять способностью поддерживать свою популярность, несмотря на, казалось бы, бесконечные неуместные замечания, дискредитирующие откровения и заявления, которые могли восприниматься как оскорбление. Оказавшись без поддержки ключевых фигур республиканской партии, Трамп смог заручиться поддержкой значительной части избирателей, до которых не смогли достучаться его соперники. Для изучения приемов общения трех кандидатов со своей аудиторией авторы используют модель взаимодействия ('framework of Engagement'), разработанную в рамках системно-функциональной лингвистики (White 2003; Martin and White 2005). Данная статья продолжает исследование по аналогичной теме Д. Миллер (Miller 2004). Анализ выступлений Трампа, Клинтон и Сандерса выявляет различные модели взаимодействия с избирателями с точки зрения использования диалогических стратегий расширения и сжатия. Особенностью выступлений Трампа является ограниченное диалогическое пространство, в котором нет места другим точкам зрения. Клинтон

shared assumptions between audience and speaker, as signalled by Trump's use of vague phrases such as "You look at what's going on". The authors conclude that Trump's rhetorical style is simpler and more forceful than his opponents, which may not guarantee him electoral success (in fact, with hindsight it may have played a role), but certainly mark him out from the other two as a non-professional politician.

Yana Volkova and Nadezhda Panchenko develop the topic of destructiveness in communication, interest in which is caused by the growing manifestation of aggression in different types of discourse. The authors clarify the concept of destructiveness with respect to the political discourse and relate it to the concept of aggressiveness. The study is based on the theory of discourse analysis and destructive theory (van Dijk, Fromm, Ponton, Hacker, Weiss, Wodak, Karasik, Makarov, Fromm, Sheigal etc.). The results of the analysis of verbal and non-verbal means of destructiveness revealed in the speeches of candidate for the US presidency have enabled the authors to conclude that the offensive behaviour of politicians is not a result of their spontaneous emotional outburst, but rather an elaborate destructive strategy used in order to fight for power, to lower the opponent's status and deteriorate his/her public image.

Anna Gornostayeva also focuses on the recent US election, drawing attention to another strategy used by the two main candidates for the US presidency and other prominent American political and public figures. She menti-

и Сандерс, напротив, часто использовали иные точки зрения, прибегая к стратегии «диалогического расширения». Выбор тех или иных моделей зависит от степени общности взглядов оратора и аудитории (как, например, фраза Трампа "You look at what's going on" / «Вы посмотрите, что происходит»). Авторы пришли к выводу, что риторический стиль Трампа более простой и напористый, чем у его оппонентов, что вряд ли обеспечит ему успех на выборах (на самом деле, задним числом, возможно, как раз это и помогло ему одержать победу), но, безусловно, выделяет его как непрофессионального политика в отличие от оппонентов.

Тему деструктивности в коммуникации, интерес к которой вызван нарастающим проявлением агрессивности в различных типах дискурса, развивают **Я.А. Волкова и Н.Н. Панченко** (Волгоград, Россия) в статье «*Деструктивность в политическом дискурсе*». Авторы уточняют понятие деструктивности по отношению к политическому дискурсу и соотносят его с родственным понятием агрессивности. Исследование базируется на теории дискурс-анализа и теории деструктивности (Т. van Dijk, Е. Fromm, D. Ponton, К. Hacker, Weiss R. Wodak, Ван Дейк, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, Э. Фромм, Е.И. Шейгал и др.). Результаты проведенного анализа вербальных и невербальных средств деструктивности в выступлениях кандидатов на пост президента США позволили авторам прийти к выводу, что оскорбительные действия политиков — результат не спонтанного эмоционального всплеска, а тщательно продуманной деструктивной стратегии, используемой в целях борьбы за власть, понижения статуса оппонента и ухудшения его публичного имиджа.

А.А. Горностаева (Москва, Россия) в статье "*American Political Discourse: Irony in Pre-Election Campaign 2016*"

ons that irony in the sphere of political discourse has a long tradition, dating back to Cicero and beyond. Beginning with the far from simple task of defining irony, she calls it a speech genre which is based on language manipulation, presupposing the use of a word, expression or saying in a sense, different from literal. She provides a classification of different types of irony, showing that it is capable of serving various pragmatic functions, among which are exaggeration, understatement and correction. In the author's account, Trump's notorious threat to have Hillary locked up if he won the election was an instance of 'ironic exaggeration'. In the political context, an ability to use irony is regarded as a fundamental weapon in the speaker's persuasive armoury, reducing distance between the politician and the general public. A talent for irony may be a significant aspect of a politician's charisma, though it may also serve a defensive purpose, warding off damage to the politician's face, or defusing moments of tension. It would appear that even a relatively sober political personality such as Hillary Clinton is obliged to use irony from time to time; while, for more expansive characters such as her husband or Donald Trump, irony is one of their most significant rhetorical tools, enabling them to attack opponents, defend themselves, and curry favour with the public at large.

Our current discussion of discourse analysis, theoretical approaches to it and current research pathways is not yet finished, however. We will continue it in the next issue, which will also be devo-

(«Американский политический дискурс: ирония в предвыборной кампании 2016») рассматривает еще одну стратегию, используемую двумя основными кандидатами на пост президента США, а также другими политическими и публичными деятелями. Автор отмечает давнюю традицию употребления иронии в политическом дискурсе, уходящую корнями в риторику Цицерона и более ранних ораторов. Начиная с непростой задачи — определения иронии, автор характеризует ее как речевой жанр, основанный на употреблении слова, выражения или высказывания в смысле, отличном от буквального. В статье представлена классификация различных типов иронии в зависимости от прагматических функций, среди которых выделяются гипербола, литота и корректирующая функция. По мнению автора, знаменитая угроза Трампа арестовать Хиллари в случае его победы на выборах является «иронической гиперболой». В политическом контексте умение оратора использовать иронию может служить мощным оружием убеждения, сокращая дистанцию между говорящим и аудиторией. Ироничность — важная особенность харизмы политика. В то же время ирония может выполнять функцию защиты, помогая «сохранить лицо» и сгладить острые моменты. Результаты проведенного исследования показали, что даже такой трезвый и расчетливый политик, как Хиллари Клинтон, вынуждена время от времени использовать иронию. В то же время Дональд Трамп прибегает к иронии как к одному из важнейших приемов риторики, который позволяет ему атаковать оппонентов, защищаться и придавать особый колорит своим выступлениям на публике.

На этом мы не завершаем нашу дискуссию о дискурсе, подходах и направлениях его исследования. Мы ее продолжим

ted to the study of discourse analysis, because of the positive response solicited by our call, and the great interest shown in the topic by our authors, for whose support we are sincerely grateful. в следующем номере, который также будет посвящен анализу дискурса благодаря поддержке наших авторов и большому интересу к данной теме, за что мы всех сердечно благодарим.

© Douglas Mark Ponton, Tatiana Larina, 2016

© Т.В. Ларина, Дуглас Марк Понтон, 2016

REFERENCES / БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой лингвистический словарь. М.: Большая Рос. Энцикл., 1998. С. 136—137. [Arutyunova, N.D. (1998). *Diskours. Yazikoznanie. Bol'shoi lingvisticheskii slovar'*. M.: Bol'shaya Ros. Entsikl. 136—137. (In Russ).]
- Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества* / сост. С.Г. Бочаров. 2-е Изд. М.: Искусство, 1986. С. 381—393. [Bakhtin M.M. (1979). *Eстетика slovesnogo tvorchestva*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ).]
- Бобырева Е.В. *Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии* (на материале православного вероучения). Волгоград: Перемена, 2007. [Bobyreva, Ye.V. *Religioznyy diskours: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)*. Volgograd: Peremena. (In Russ).]
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. *Метафора в политическом интердискурсе*: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. [Budaev, E.V., Chudinov A.P. (2006). *Metaphora v politicheskom interdiskourse*. Yekaterinburg: Ural. Gos. Ped. Un-t. (In Russ).]
- Дейк Т.А. ван. Принципы критического анализа дискурса / пер. с англ. // *Перевод и лингвистика текста*. М.: ВЦП, 1994. С. 169—217. [Van Dijk, Teun A. (1994). *Printsipi kriticheskogo analiza diskoursa / Perevod i lingvistika texta*. M: VTSP. 169—217. (In Russ).]
- Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // *Язык. Личность*. Текст: Сборник к 70-летию Т.М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34—55. [Demyankov, V.Z. (2005). *Text i diskourse kak termini i kak slova obidenogo Yazika. Yazik. Lichnost'*. Text: Sbornik k 70-letiu T.M. Nikolaevoy. M.: Yaziki Slavyanskikh kul'tur. 34—55. (In Russ).]
- Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты*: колл. монография / Под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. М.: 2014. [Diskours and styl': *teoreticheskie i prikladnie aspekti*. In G.Ya. Solganik, N.I. Klushina, N.V. Smirnova (eds). 2014. Moscow. (In Russ).]
- Дубровская Т.В. *Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков)*. М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. [Dubrovskaya, T.V. (2010). *Sudebnyy diskours: rechevoe podedenie sud'i (na materiale russkogo i angliiskogo yazikov)*. M.: Izd-vo 'Akademia MNEPU'. (In Russ).]

- Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, V.I. (2014). *Yazykovoy krug: Lichnost', concepti, diskours*. Volgograd: Paradigma. (In Russ).]
- Кашкин В.Б. *Введение в теорию дискурса*. М.: Восточная книга, 2010. [Kashkin, V.B. (2010). *Vvedenie v teoriyu diskoursa*. М.: Vostochnaya kniga. (In Russ).]
- Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009. [Larina, T.V. (2009). *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnyh traditsii*. М.: Yazyki Slavyanskikh kul'tur. (In Russ).]
- Ларина Т.В. *Основы межкультурной коммуникации*. М.: Издательский центр «Академия», 2017. [Larina, T.V. (2017). *Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii*. М.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». (In Russ).]
- Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // *Труды по знаковым системам*. Вып. 6. Тарту, 1973. С. 227—243. [Lotman, Yu.M. (1973). O dvukh modelyakh kommunikatsii v systeme kul'turi. *Izbranii trudi*. Tartu, 227—243. (In Russ).]
- Лутовинова О.В. *Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса*. Волгоград: Перемена, 2009. [Lutovinova, O.V. (2009). *Lingvokulturologicheskie kharakteristiki virtualnogo diskoursa*. Volgograd: Peremena. (In Russ).]
- Макаров М.Л. *Основы теории дискурса*. М.: Гнозис, 2003. [Makarov, M.L. (2003). *Osnovi teorii diskoursa*. М.: Gnozis. (In Russ).]
- Олянич А.В. *Презентационная теория дискурса*. Волгоград: Парадигма, 2004. [Olyanich, A.V. (2004). *Prezentatsionnaya teorii diskoursa*. Volgograd: Paradigma. (In Russ).]
- Савицкий В.М. *Порождение речи: дискурсивный подход*. Самара: Поволжск. гос. соц.-гуманит. академия, 2013. [Savickiy, V.M. (2013). *Porojdenie rechi: diskoursivnii podkhod*. Samara: Povolj. sots. Gumanitar. Academia. (In Russ).]
- Седов К.Ф. *Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. [Sedov, K.F. (1999). *Stanovlenie diskoursivnogo mishleniya yazikovoy lichnosti: psycho i sotciolingvusticheskii aspekti*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. (In Russ).]
- Слышкин Г.Г. *Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*. М.: Academia, 2000. [Slyshkin, G.G. (2000). *Lingvokul'turnye contseptyy pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskourse*. Moscow: Academia. (In Russ).]
- Тюпа В.И. *Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике*. М.: Языки славянских культур, 2010. [Tyupa, V.I. (2010). *Discoursnii formatsii: Ocherki po korporativnoi ritorike*. М.: Yazyki Slavyanskikh kul'tur. (In Russ).]
- Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Республика, 1994. [From, E. (1994). *Anatomia chelovecheskoy destruktivnosti*. М.: Respublika. (In Russ).]
- Чернявская В.Е. *Дискурс власти и власть дискурса: Проблемы речевого воздействия*. М.: Флинта, 2012. [Chernyavskaya, V.Ye. (2012). *Diskours vlasti i vlast' diskoursa*. М.: Flinta. (In Russ).]

- Шейгал Е.И. *Семиотика политического дискурса*. М.: Гнозис, 2004. [Sheigal, E.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskoursa*. М: Gnozis. (In Russ).]
- Alba-Juez, Laura. (2009). *Perspectives on Discourse Analysis: Theory and Practice*. Cambridge Scholars Publishing.
- Alba-Juez, Laura. (2014). Irony as Inferred Contradiction. *Russian Journal of Linguistics*. 4. 140—153.
- Alba-Juez, Laura and J.Lachlan Mackenzie. (2016). *Pragmatics: Cognition, Context and Culture*. Madrid: McGraw-Hill.
- Atkinson, M. (1984). *Our masters' voices*. London and New York: Methuen.
- Brown, Gillian and Yule, George 1983. *Discourse analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bublitz, Wolfram and Norrick, Neal R. (2011). The burgeoning field of pragmatics. In Wolfram Bublitz and Neal R. Norrick (eds.), *Foundations of pragmatics*, 1—20. Berlin: De Gruyter Mouton.
- de Beaugrande, R. and Dressler, W. (1981). *Introduction to Text Linguistics*. London and New York: Longman.
- Fairclough, Norman. (2001). *Language and power*. (2nd edition). London and New York: Routledge.
- Fairclough, Norman. (2010). *Critical discourse analysis: the critical study of language*. London and New York: Routledge.
- Fairclough, Isabella and Fairclough, Norman. (2012). *Political discourse analysis: a manual for advanced students*. London: Routledge.
- Foucault, Michel. (1963). *Naissance de la clinique: une archeologie du regard medical*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Giora, Rachel. (2003). *On Our Mind: Salience context and figurative language*. New York: Oxford University Press.
- Hacker, Kenneth L. (1996). Political Linguistic Discourse Analysis. *The Theory and Practice of Political Communication Research*. NY: State University of New York Press. 28—55.
- Habermas, J. (1984). The Theory of Communicative Action. Vol.1. *Reason and the Rationalization of Society*. L.: Heinemann.
- Halliday, M.A.K. (1978). *Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning*. London: Arnold.
- Jørgensen, Marianne and Phillips, Louise. (2002). *Discourse analysis as theory and method*. London, Thousand Oaks and New Delhi: Sage.
- Kecskes, Istvan. (2014). Word, Context and Communication Meaning. *Russian Journal of Linguistics*. 4. 40—153.
- Kecskes, Istvan. (2014). *Intercultural Pragmatics*. Oxford, UK: Oxford University Press.

- Larina, Tatiana. (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, Volume 7, number 5. Special Issue: Communicative Styles and Genres. 195—215.
- Martin, J.R., and White, Peter R.R. (2005). *The language of evaluation*. London: Palgrave Macmillan.
- Miller, Donna, Rose. (2004). "...to meet our common challenge": ENGAGEMENT strategies of alignment and alienation in current US international discourse. *Textus*, 18(1). 39—62.
- Mills, Sara. (1997). *Discourse*. London and New York: Routledge.
- Ponton, Douglas M. (2010). The Female Political Leader: a Study of Gender-identity in the Case of Margaret Thatcher. *Journal of Language and Politics*, Vol. 9 (2), 195—218.
- Ponton, Douglas M. (2014). The Pragmatics of the Handshake: A Politeness Index in British and Italian Usage. *Russian Journal of Linguistics*. 4. 60—75.
- Sinclair, John and Coulthard, Malcolm. (1975). *Towards an analysis of discourse: the English used by pupils and teachers*. Oxford University Press: Oxford.
- Van Dijk, Teun A. (2003). The discourse-knowledge interface. In Weiss, Gilbert and Wodak, Ruth (eds) *Critical discourse analysis: theory and interdisciplinarity*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.
- Verdoolaege, Annelies. (2008). *Reconciliation discourse*. Amsterdam: John Benjamins.
- Weiss, Gilbert, Wodak, Ruth. (2003). Introduction: Theory, Interdisciplinarity and Critical Discourse Analysis. In G. Weiss and R. Wodak (Eds), *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity* (pp. 1—32). Palgrave Macmillan Ltd.
- White, Peter R.R. (2003). Beyond modality and hedging: a dialogic view of the language of intersubjective stance. *Text*, 23(2). 259—284.
- Wodak, Ruth. (2001). The discourse-historical approach. In Wodak, Ruth and Meyer, Michael (eds) *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage, 63—95.

For citation:

Ponton D., Larina T. (2016). Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (I). *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 7—25.

Bio Note:

Douglas M. Ponton, DSc, Associate Professor at University of Catania (Italy). *Research Interests:* Pragmatics, Semantics, Discourse Analysis. *Contact information:* www.researchgate.net/profile/Douglas_Ponton; e-mail: dmponton@hotmail.co.uk

Для цитирования:

Понтон Д., Ларина Т.В. (2016). Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика (I). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 20 (4), 7—25.

Сведения об авторе:

Дуглас Марк Понтон, доктор, доцент, Университет Катании (Италия). *Сфера научных интересов:* прагматика, семантика, анализ дискурса. *Контактная информация:* www.researchgate.net/profile/Douglas_Ponton; e-mail: dmponton@hotmail.co.uk

Tatiana V. Larina, DSc, Professor at RUDN University, Editor-in-Chief of *Russian Journal of Linguistics*. *Research interests*: Pragmatics, Discourse Theory, Theory of Politeness/Impoliteness, Intercultural Communication. *Contact information*: e-mail: tatiana.larina.@pfur.ru

Татьяна Викторовна Ларина, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов, главный редактор журнала Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. *Сфера научных интересов*: прагматика, теория дискурса, теория вежливости/невежливости, межкультурная коммуникация. *Контактная информация*: tatiana.larina.@pfur.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРС-АНАЛИЗА THEORETICAL ASPECTS OF DISCOURSE ANALYSIS

UDK: 811. 111. 42

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-26-42

A DIALOGIC APPROACH TO PRAGMATICS

Istvan Kecskes

State University of New York
1400 Washington Ave., 12222 Albany, USA

This paper focuses on how the limits of pragmatics — as long as it is restricted to the analysis of one utterance at a time — are overcome by including the hearer not only as interpreter who tries to understand the speaker's utterance but as an interlocutor who tries to come to an understanding with the speaker. The goal of the paper is not to describe and analyze the dialogic approach rather explain what inner developments in the pragmatics paradigm have made it necessary to move in a dialogic direction, specifically emphasizing the importance of evaluating speaker meaning from the perspective of the speaker rather than from the perspective of the hearer and the double role of the interlocutor (speaker-hearer).

Key words: interlocutor, dialogic approach, pragmatics paradigm, speaker-hearer

1. INTRODUCTION

Pragmatics is an utterance-based inquiry. However, recently there have been many attempts to expand the boundaries of the discipline to include dialogic sequences or discourse segments to make better understanding of utterance meanings, especially speaker meaning. This endeavor has become especially articulate with dialogic studies, intercultural pragmatics studies and computational pragmatics becoming strong and independent inquiries. Research in intercultural pragmatics (e.g. House 2002; Kecskes 2007, 2013) demonstrated that in intercultural communication participants are creative on discourse level rather than on utterance level. This is mainly due to limited language proficiency that may result in, among others, not-very-well formulated utterances. Consequently, intercultural interactions may require not only a bottom-up, sequential utterance by utterance analysis but also a top-down, holistic dialogic segment analysis if we want to make sure that we understand the message of interlocutors.

The other field of inquiry that includes a dialogue approach is computational pragmatics that focuses mainly on two lines of research. First, it investigates the application of pragmatics to dialogue modelling, especially the development of spoken dialogue systems intended to interact with human beings in task-oriented scenarios, such as providing travel information. Second, computational pragmatics also shows how, and discusses why it differs from ‘linguistic’ pragmatics, and how pragmatics proper contributes to the computational analysis of dialogues (e.g. Morante et al. 2007; Bunt 2011).

Recently several papers have talked about “narrow pragmatics” and “wide pragmatics” discussing the relationship of pragmatics and discourse analysis (e.g. Puig 2003; Taboada and Mann 2006; de Saussure 2007). The issue of beyond utterances analysis has also been on the agenda of dialogue studies (e.g. Weigand 2000, 2010a, 2010b; Carbaugh 2013; Cooren 2010). The importance of these studies is that they consider language as action that is always something that is shared. Whenever someone appears to act, others also proceed into action. They also emphasize that communicative function and communicative agenda are two separate things.

2. THE DIALOGIC APPROACH

Because “utterance” is hard to define, and its meaning is both in the building elements of an utterance (lexical units) and in the subsequent utterances produced in response, pragmatics, which is also defined as a theory of meaning in context, has been looking for meaning “ingredients” both inside the utterance and outside the utterance. As a result, there has developed an approach that can be called *pragma-dialogue*, which calls attention to the dialogic nature of communication by emphasizing that interlocutors are actors who act and react (e.g. Weigand 2010a; Kecskes 2012). So the speaker-hearer not only interprets but also reacts to the other interlocutor’s utterance. The basic dialogic principle is that human beings are dialogic individuals (social individuals) who communicate in dialogic interaction not only by producing and understanding utterances but also by acting and reacting (e.g. Weigand 2010a, 2010b).

The dialogic principle defines dialogue as a sequence of actions and reactions. A sequence of speech acts can be considered a dialogue which is a highly structured activity involving (at least) two agents. The structure of real dialogues has been extensively studied by ethnomethodologists (Garfinkel, 1972; Psathas, 1979; Schenkein, 1978; Turner, 1974), who have advocated the necessity of non-quantitative, ethnic methods in the analysis of social interactions. Their work on naturally occurring conversation provides a significant amount of data on the way in which different types of dialogue actually evolve.

A dialogue is a sequence of utterances, a reciprocal conversation between two or more entities. Buber believed that genuine dialogue can be obtained between two people “no matter whether spoken or silent” (Buber 1955). Buber further claimed that, “each of the participants really [must have] in mind the other or others in their present and particular being and turn to them with the intention of establishing a living mutual relation between himself and them (Buber 1955: 22)”.

More simply, genuine dialogue can be understood as a momentary experience in which participants are consciously aware of the other/s. Preserving the original Buberian idea of dialogue being a reciprocal conversation in which interlocutors are consciously aware of the partners current researchers of dialogue studies (e.g. Weigand 2010a, 2010b; Cooren 2010, Tracy and Craig 2010) go one step forward and emphasize that dialogue is constituted by the interactive purpose of coming to an understanding, which is based on the sequence of actions and reactions as the following conversation demonstrates.

- (1)
Action-directive	Bill: Can I get a cup of coffee?
Info-request	Sara: Milk?
Signal-non-understanding	Bill: Hm?
Info-request	Sara: Do you want your coffee black?
Agreement	Bill: Oh yes, thanks.

Weigand (2010b) argued that action and reaction are not two actions of the same type which are arbitrarily connected and only formally distinguished by their position in the sequence. Action and reaction are functionally different types of actions: action is initiative while reaction is responsive. According to Weigand orthodox speech act theory that is exclusively based on illocution should be adjusted. She continues arguing that Searle's theory of conversation is based on single illocutionary acts that are put together by what Searle (1995: 26) calls "collective intentionality" ignores the interdependence between action and reaction. Although Searle's collective action aims at a communal goal it is not a dialogic act yet. Weigand claims that individual actions and reactions are organized into a dialogic sequence by their interdependence. Searle's speech act theory focuses on the communicative functions of speech acts (assertives, directives, commissives, expressives, declaratives) and says less about the communicative agenda of interlocutors. To interpret an utterance properly, the interlocutor has to arrive at an understanding not only of its communicative function but also of the communicative agenda of his/her dialogue partner, i.e. what s/he really wants to achieve in the dialogue. The underlying interests of the dialogue partners become evident through dialogic sequences. This is in line with what the socio-cognitive approach (Kecskes 2010, 2013) claims: occasionally we should go beyond single utterance to understand the communicative agenda of interlocutors. Intercultural communication serves with several examples that support this point. In the following excerpt the Korean speaker is trying to explain the *sandy wind* they experience in Seoul in the spring.

- (2)
- Korean student is talking with an American student
- 10 NS: In Korea? =
- 11 NNS: =Yeah:: In (0.2) in ↑spring?
- 12 NS: Hm mm
- 13 NNS: There is a (0.5) um (0.7) how- how can I 'spl- ah:: how can I say::? (0.5)
- Send wind?**
- 14 (1.7) ((NS displaying mental effort))
- 15 NS: Uh::m

- 16 NNS: **Sen::d (0.2) the wind?** 0:30
 17 NS: ((now nodding)) Yeah::, it would blow around [the pollen?
 18 NNS: [Yes.
 19 NNS: Yeah yeah [yeah (0.2) yeah.
 20 NS: [(from) the trees?
 21 NNS: Ye[ah
 22 NS: [Yeah::
 23 NNS: Ah, the:: (0.7) **the wind came from China?**
 24 NS: (0.7)
 25 NNS: Do you know that wind?
 26 (0.2)
 27 NS: ↑No::
 28 NNS: The the:: (0.7) the- **many sand?** (“sand” sounds like “send”)
 29 NS: (0.5) ((flashes little smile))
 30 NNS: **Sen:d in a: (0.5) desert?**
 31 NS: Oh, (.) **sa:nd.**
 32 NNS: **Yeah, [sand** ((shift in pronunciation to match NS))
 33 NS: **[Oh:::, [god, yeah**
 34 NNS: [in deser::t. We’ve had- (0.2)wi:nd (0.2) go to- uh lan- (0.5) come- (0.2)
 over
 35 to Korea: also. (0.5) So in spr:ng, it’s very difficult to (0.5) little bit difficult to
 (0.7) (?)hhh um::

In this dialogue the Korean speaker has a communicative agenda to explain to her American partner what Koreans call “morae baram” [sandy wind]. However, her pronunciation is not correct and the American partner does not understand what kind of wind the Korean speaker refers to. Not until the Korean connected “sand” with “desert” in line 30 did the American understand what her Korean partner really meant. The action-reaction sequence shows that they could work out the misunderstanding after all. The segment as a whole makes perfect sense and directs our attention to how hard the Korean speaker has worked on making her partner understand what exactly she wanted to say.

Airenti et al. (1993) and Bara (2011) argued that a distinction must be made between a global and a local structure of dialogues. Local structure is about what binds utterances together and what makes one utterance coherent (or incoherent) when following another. Turn taking thoroughly studied by conversation analysts (e.g. Sacks, Schegloff, & Jefferson, 1974), is part of the local management system. The relationships among speech acts within a single turn also pertain to the local structure. The global structure determines the flow of conversation.

It involves, in particular, the scheduling of dialogue phases, for instance, the opening and closing sections. In conversation analysis the case of telephone calls is often studied, because in those exchanges the general structure of the conversation is especially strictly determined (see, e.g., Schegloff, 1979). Dialogues share a global structure with all kinds of interpersonal activities. The global structure of these dialogues derives from mutual knowledge of an action plan, executed in the course of the activity.

According to Bara (2011) cognitive pragmatics views the global structure of dialogues as a structure that derives from sharing the knowledge of an action plan. Consequently, the global structure of a dialogue does not derive from linguistic rules, but from behavior games.

3. CURRENT PRAGMATIC THEORIES

Kecskes (2008: 404) argued that in order to give an adequate explanation of communicative processes, we need a dialectical model of pragmatics that combines the perspective of both the speaker and hearer. This change is warranted because current pragmatic theories, both those that have grown out of Grice's theory, such as the various neo-Gricean approaches and the approach proposed by Relevance Theory appear to be hearer-centered. They derive from the Gricean modular view that divides the interpretation process into two stages: *what is said* and *what is implicated*. Although the Gricean theory, with its cooperative principle and maxims, was supposed to embrace conversation as a whole, basically its further development has remained hearer-centered, with less emphasis on interest in the speaker's position — a rather paradoxical turn, as Grice himself always emphasized speaker's meaning. Even so, the Gricean divide of truth-conditional semantics and pragmatics has led to a somewhat impoverished speaker meaning, without much regard for the *pragmatic* features embedded in the speaker meaning.

The division between *what is said* and *what is implicated* was made for the sake of utterance interpretation and for the sake of distinguishing the semantic meaning from the pragmatic meaning of an utterance. However, a theory that is concerned about the speaker's [or speakers'] meaning should focus not only on the truth values of the speaker's utterance, but also on its pragmatic elements and on the speaker's commitment and egocentrism (in the cognitive sense of the term that will be explained later) deriving from prior experience and dominated by salience. Kecskes (2013) argued that the dominance of the hearer's perspective in current pragmatic theories can be explained by three facts: 1) the focus on what is said, and the truth values of the speaker's utterance without due regard for its pragmatics features in the neo-Gricean approaches, 2) emergence of the powerful Relevance Theory, and 3) the partial misinterpretation of the Gricean approach.

Although the neo-Griceans' main concern is the speaker's meaning, they still view communication as designed with a focus on the recipient and his/her recognition of speaker's intention. In this approach the speaker designs his/her utterance for the hearer and the hearer's task is to recognize the speaker's intention. But what is recovered is not always what was intended because of the interlocutors' differences in their private cognitive contexts and prior experience (see more discussion in Kecskes 2013). So an adequate account of interaction should consider interlocutors not only as common-ground seekers, but as individuals with their own agendas, with their own prior experience, with their specific mechanisms of saliency (based on prior experiences), and their individual language production systems. This issue is especially important in intercultural communication where interlocutors representing different L1s and cultures cannot be certain how much the speaker-hearers have in common with each other. They *may*

have to create common ground almost from scratch. Consequently, the balance between the individual and societal factors in intercultural interaction is rather lopsided towards the individual factors. However, individuals in these cases also work under the constraints of societal factors but those happen to be different for each participant depending on their L1 and cultural background. This may lead to too much emphasis on individual factors like personality, experience, egocentrism, etc. in intercultural interaction. So we may have an intercultural exchange that is affected by societal factors that are different on each side about how much self-promotion you should do in a job interview (these aren't individual factors), but it may be further affected by individual differences, such as condescension by one party or defensiveness by one party because of those societal differences (and these are entirely individual factors).

The second reason for hearer-centeredness is Relevance Theory. Unlike the neo-Griceans, who attempt to give an account of the speaker's meaning, relevance theorists focus on developing a cognitive psychological model of utterance interpretation, which does not address the question of how and why the speaker, given what s/he wants to communicate, utters what s/he utters. Saul (2002) said that the main difference between the neo-Gricean theory and Relevance Theory lies in 'whose meaning' they model. While the neo-Griceans follow the original perspective and consider utterance meaning, including implicature, to be the speaker's intended meaning, relevance theorists discuss intentional communication from the perspective of the addressee's reconstruction of the speaker's assumptions.

There is a third reason why current pragmatics is basically hearer-centered rather than interlocutor-centered. Grice's implicature is often misinterpreted by pragmaticians. The Gricean implicature is an aspect of speaker meaning; what is said and what is implicated by the speaker. Although Horn (2004) and Bach (2001) called attention to the difference between implicating and inferring, not everybody has listened. Horn said: "Speakers implicate, hearers infer (Horn 2004: 6)". Bach (2001) argued that "People sometimes confuse infer with imply.... When we say that a speaker or sentence implies something, we mean that information is conveyed or suggested without being stated outright. ... Inference, on the other hand, is the activity performed by a reader or interpreter in drawing conclusions that are not explicit in what is said".

Grice may (unwillingly) also have contributed to this misunderstanding by bringing the "audience" into the explanation of implicature. According to Grice, a speaker's intending to convey that P by saying that Q is not enough for the speaker to implicate that P. The audience must also need to believe that the speaker believes that P to preserve the assumption of the speaker's cooperativeness. With this claim Grice attempted to give some degree of intersubjectivity to the notion of conversational implicature. However, speakers have authority over what they utterer-implicate, but they can't fully control what they conversationally implicate (Saul 2002). The following short conversation (example 3) demonstrates this very well.

(3)

Roy: — Is there something wrong, Susie?

Susie: — *I am fine, Roy.*

Roy: — I would have believed you if you hadn't said "Roy".

Susie: — OK, OK, just stop.....

Susie's utterance "I am fine, Roy" gives way to different possible interpretations. The expression "I am fine" is a situation-bound utterance, a formulaic phrase. However, Susie added the name of her interlocutor to the formula, which basically broke the formula. It was not a formula any more. Roy had a choice to interpret it as a formula and say nothing. But he understood the speaker's intention clearly. She wanted to indicate that her words should not be taken at face value. She was, in fact, not fine. Roy got that, and responded accordingly. So the speaker can direct the hearer to the right understanding of his utterance with something additional to the utterance such as discourse markers, gestures, intonation, sentence formulation, etc.

From the speaker's perspective what really matters is what the audience is required by the speaker to believe, not what the audience does actually believe. Davis argued that Grice was wrong to include audience-oriented criteria in his characterization of conversational implicature (Davis 1998: 122). The speaker's intentions do not depend on what anyone else presumes. "To mean or imply something is to have certain intentions". Saul (2002) found it important to distinguish between "utterer-implicatures" and "audience-implicatures". Utterer-implicatures are claims that the speaker attempts to conversationally implicate (intended by the speaker, but not necessarily recognized by the addressee). Audience-implicatures are claims that the audience takes to be conversationally implicated (recognized by the addressee but not necessarily intended by the speaker). In example (3) the utterer-implicature was recognized by the hearer so the utterer-implicature coincided with the audience-implicature. However, this is not always the case as example (4) demonstrates:

(4)

Allen and Sherry (of the sitcom "Two and a Half Men") are sitting in a restaurant. Allan's right eye is covered with a bandage so he does not see Sherry very well.

Allen: — You know, Sherry, I would really like to see more of you.

Sherry: — Maybe, we should wait and see how the night goes.

Allen: — Oh, no. I mean I have only got one good eye. Can we change places?

Sherry: — Sure.

The conversation demonstrates that Sherry completely misunderstood Allan's utterance "...I would really like to see more of you". This may be due to the fact that she relied exclusively on linguistic salience and ignored perceptual salience in processing the utterance. The utterer-implicature is the literal meaning of the sentence, i.e. Allan expressed his desire to see more of Sherry right then. He wanted to change places hoping that from that angle he would see more of Sherry with his one eye. The hearer-implicature is significantly different because Sherry relied on the figurative meaning of "see" [meet someone romantically] and thought that Allan wanted to be more involved with her romantically. The discrepancy between utterer-implicature and hearer-implicature has caused the misunderstanding between the interlocutors.

There have been several attempts in pragmatic theorizing to revise/correct the problems of the modular view and recognize pragmatic features of the speaker's meaning (e.g. Sperber and Wilson, 1986; Carston 2002; Moeschler 2004: explicature/implicature; Burton-Roberts 2006: what-is-A-said/what-is-B-said; Bach 2001: what is said/implicature/implicature). However, they have not gone far enough because they still were interested primarily in utterance interpretation, without paying due attention to

private/individual knowledge, prior experience, and the emergent, rather than the *a priori* only intentions of the speaker.

The main problem with the hearer-centered views is that they want to recover *speaker* meaning from a *hearer* perspective. As a result, what is actually “recovered” is hearer meaning, in the sense of how the hearer interprets what the speaker said. The proposition the speaker produces will not be exactly the same as that which will be recovered by the hearer, because, as we said above, interlocutors are individuals with different cognitive predispositions, different commitments, different prior experiences, and different histories of use of the same words and expressions.

4. WHY DO WE NEED THE DIALOGUE APPROACH?

As discussed above current pragmatic approaches struggle with two issues. First, it would be important to explain speaker intention and speaker meaning from the perspective of the speaker. Second, we need to treat the hearer as an interlocutor, i.e. a hearer-speaker, who is not only an interpreter but also a producer of utterances. The dialogue approach could help to solve both of these problems with its principle according to which human beings are dialogic individuals (social individuals) who communicate in dialogic interaction not only by producing and understanding utterances but also by acting and reacting.

Bach (2007: 5) said that (actual situational) context does not literally determine, in the sense of constituting, what the speaker means. What the speaker really means is a matter of his communicative intention although what he could reasonably mean depends on what information is mutually salient for him/her and the hearer. Bach further argued that taking mutually salient information into account goes beyond semantics, for what a speaker means need not be the same as what the uttered sentence means. This claim can be best demonstrated in intercultural communication where “mutually salient information” is quite problematic. Interlocutors in intercultural interactions have different first languages and use a second (or Lx) language to communicate with each other sharing very little common ground (Kecskes 2007; 2013). Saliency is based on familiarity, frequency, and common prior experience (Giora 1997, 2003). Mutually salient information is something *lingua franca* speakers usually lack because they speak several different L1s and represent different cultures. For them mutually salient information should be directly connected with the actual situational context, tied to some universal knowledge and/or encoded in the common linguistic code (*lingua franca*) so that it can be “extracted” by the hearer without any particular inference that relies on non-existing common prior experience. It appears that *inferencing for the lingua franca interlocutor in intercultural interaction usually means something close to decoding*. This can be demonstrated through the following dialogue.

(5)

The interaction below takes place between the clerk and a Korean student in the Office of Human Resources.

Lee: — Could you sign this document for me, please?

Clerk: — *Come again...*

Lee: — Why should I come again? I am here now.

The Korean student misunderstands the expression “come again”. He processes it literally in spite of the fact that the actual situational context is completely unhelpful to this interpretation.

It is essential therefore that pragmatics for intercultural interlocutors cannot be something “...they communicate over and above the semantic content of the sentence” as King and Stanley (2005: 117) assumed. For lingua franca speakers the semantic content is usually the conveyed content. If this is not clear from their utterance they try to reinforce it with repetition, paraphrasing or other means. This can be seen by the analyst only if s/he goes beyond utterance and analyzes the dialogic sequence. So for nonnative speakers (especially with lower language proficiency) participating in intercultural interactions “what is said” often coincides with “what is communicated”. Most of the time what the utterance says is meant literally. This fact gives a strong support to Bach’s claim:

“...it is a mistake to suppose that ‘pragmatic content is what the speaker communicates over and above the semantic content of the sentence’ (King and Stanley 2005: 117). Pragmatics doesn’t just fill the gap between semantic and conveyed content. It operates even when there is no gap. So it is misleading to speak of the border or, the so-called ‘interface’ between semantics and pragmatics. This mistakenly suggests that pragmatics somehow takes over when semantics leaves off. It is one thing for a sentence to have the content that it has and another thing for a speech act of uttering the sentence to have the content it has. Even when the content of the speech act is the same as that of the sentence, that is a pragmatic fact, something that the speaker has to intend and the hearer has to figure out (Bach 2007: 5)”.

In intercultural communication the content of the utterance is very often the same as that of the sentence. That is a pragmatic act, as Bach says, something that the speaker intends to say and the hearer has to figure out. In L1 communication on which current pragmatic theories are built, there is much more of a gap between what is said and what is meant than in intercultural communication in which it is of utmost importance that the speaker should mean close to what s/he says otherwise the hearer may have difficulty to figure out the speaker’s intention because of limited core common ground, shared knowledge and mutual norms.

5. SALIENCE EFFECT IN THE DIALOGIC SEQUENCE

As discussed above there is always an intuitive possibility of a distinction between what a speaker says and what s/he actually implicates. The likelihood of the distinction is especially high when a communicative process is affected by salience. The socio-cognitive approach proposed by Kecskes (2010, 2013) argues that both cooperation (recipient design) and egocentrism (salience) are present in the communication process all the time in a varying degree, and the interplay of conscious recipient design (result of cooperation) and subconscious salience (driving force behind egocentrism) is what shapes speaker production. As a semiotic notion, salience refers to the relative importance or prominence of signs. It is the most probable out of all possible. The relative salience of a particular sign when considered in the context of others helps an individual to quickly rank large amounts of information by importance and thus give attention to

that which is most important. We tend to overestimate the causal role of information (salience) we have available to us both perceptually and linguistically.

The socio-cognitive approach (Kecskes 2010, 2013) claims that interlocutors should be considered social beings searching for meaning with individual minds embedded in a socio-cultural collectivity. Grice was right when he tied cooperation to speaker-hearer's rationality. However, egocentrism must be added to speaker-hearer's rationality. We human beings are just as egocentric (as individuals) as cooperative (as social beings). "Egocentrism" in the socio-cognitive approach refers to attention-bias that is the result of prior experience of individuals.

It means that interlocutors activate and bring up the most salient information to the needed attentional level in the construction (by the speaker) and comprehension (by the hearer) of the communication. So there is nothing negative about egocentrism if the term is used in this sense. It should not be confused with 'egotistic' that refers to a person who is self-centered and focuses only on his/her agenda.

In pragmatics, based on Giora's graded salience hypothesis (Giora 1997, 2003), when we speak about salient information we mean given information that the hearer assumes to be in central place in the speaker's consciousness when the speaker produces the utterance. Salience has two important features that affect the dialogic sequence and dialogic actions of interlocutors. First, as discussed above, salience affects not only comprehension (as the graded salience hypothesis of Giora says) but also production (Kecskes 2010, 2013). Second, salience is based on prior experience that is usually different for each individual. This may result in misunderstanding between interlocutors that needs to be repaired in the dialogic sequence which gives less chance to the speaker to manipulate meaning according to his/her needs and unfold his/her agenda because repair is generally dictated by the hearer's needs that the speaker tries to meet. The following short dialogue demonstrates what happens when both speakers' production is dominated by salience rather than recipient design (Excerpt is from the TV comedy "Two and a half man").

- (6)
Charlie: — Morning.
Alan: — What's so good about it?
Charlie: — I ain't say 'good'.

Neither Charlie nor Alan did much recipient design in this interaction. Charlie said "morning", (which may be considered an elliptical form of "good morning") automatically when noticing Alan. Although the utterance was produced subconsciously it was relevant in that actual situational context. However, Alan did not pay close attention to what exactly Charlie had said, rather relied on the situational frame (morning meeting). He was in a bad mood and may have been affected by some negative prior experience the previous evening. He assumed that Charlie had uttered the usual formula "good morning", and his response was formulated accordingly.

The analysis of dialogic sequences show very clearly what the difference is between an approach where we handle speaker and hearer separately, and where we handle dialogue participants as interlocutors who are speaker-hearers. If we talk about speaker-

hearers we need to accept that salience (just like cooperation in the Gricean sense) will affect whatever the speaker-hearer does, let it be production or interpretation. But Kecskes (2008: 401) argued that there is a difference between scenarios when the interlocutor acts as speaker and when s/he acts as hearer. When a lexical unit (labeled for private context) is used by a speaker to produce an utterance, private contexts (prior experience of the speaker) attached to this lexical expression are activated top-down in a hierarchical order by salience. This hierarchical order works differently for the speaker and the hearer. For the speaker, there is primarily an inter-label hierarchy, while for the hearer intra-label hierarchy comes first.

The *inter-label hierarchy* operates in the first phase of production, when a speaker looks for words to express her/his intention. As a first step, s/he has to select words or expressions from a group of possibilities in order to express his/her communicative intention. These words or expressions constitute a hierarchy from the best fit to those less suited to the idea s/he is trying to express. To explain how this works we will analyze an excerpt from a movie.

(7)

Excerpt from the movie: “Angel Eyes”.

Situation: A policewoman in uniform is driving the car, and the man sitting beside her is staring at her.

PW: — What?

M: — I was trying to picture you without your clothes on.

PW: — Excuse me?

M: — Oh no, I did not mean like that. I am trying to picture you without your uniform.

PW: — Okaay?

M: — I mean, on your day off, you know, in regular clothes.

Excerpt (7) demonstrates a deductively built-up dialogic sequence. *Saliency effect usually result in deductive sequences where the speaker has something on his/her mind, and this intention is formulated abruptly, rather carelessly without specific planning*, as seems to be the case in example (7). This dialogue appears to support the claim of cognitive psychologists according to which the initial planning of utterances ignores common ground (egocentric approach), and messages are adapted to addressees only when adjustments are required (Barr & Keysar, 2005; Keysar 2007; Barr 2004). *It looks like saliency effect generally appears in the form of a deductive process in the dialogic sequence that may contain repairs and adjustments.*

Why were the man’s attempts unsuccessful in the conversation in #7? Because, on the one hand we have the speaker with an intention to tell the woman why he was looking at her the way he did, and on the other hand there is subconscious salience that affected how he formulated his intention. So the utterance was not designed by the speaker to fit his words into the actual situational context, taking into account his partner. As a result, the word selection was wrong. Why was word selection wrong? Because it was not directed by recipient design but was prompted by salience. As argued above, salience (motivated by prior experience), which operates subconsciously and automatically, may affect word selection and utterance formation.

“I was trying to picture you without your clothes on”. Is this what the speaker wanted to say and mean? Yes, *this is exactly what he wanted to mean but not necessarily*

what he wanted to say. I agree with Bach (2005) that a speaker can always mean something distinct from the semantic content of the sentence he is uttering. But even if he speaks literally, and means precisely what his words mean, even that fact depends on his communicative intention (Bach (2005: 27). Wording, expressing intention in words is a tricky thing. *Conceptualization is one thing, wording is another and meaning is a third one*. There is no one-to-one relationship between any of the three.

Now we should look at how salience works for the interlocutor when s/he is in the role of hearer. The hearer has to cope with a different type of hierarchy than the speaker from her/his perspective. Thus, an *intra-label hierarchy* is in force when the hearer processes a lexical unit(s) in an utterance (or even an entire utterance). The label (word) uttered by the speaker hierarchically triggers the history of that particular label as used by the hearer (but not by the speaker). This may also be a reason for misunderstanding in the communicative process, both in intracultural and intercultural interactions. Compare the following (source: American sitcom) interchange in (8):

- (8)
 Bob: Are you OK?
 Mary: I am fine.
 Bob: I know you are fine, but are you OK?

Bob had several options to ask about Mary's well-being: "Are you OK?", "Are you fine?", "Is everything all right?", etc. His selection of "Are you OK?" caused a slight misunderstanding between the two because they interpreted "OK" differently.

As we have seen, salience is both an individual and a societal phenomenon. Prior and actual situational experience is privatized/subjectivized and prioritized in the mind of interlocutors. Their different prior experiences, their different evaluations of the actual situational context, their dynamically changing intentions and individual degrees of salience result in a subjectivized process of production and comprehension. As a result, there may be no single point in the recovery process at which a speaker's utterance *fully* matches a hearer's interpretation. This is because both a speaker's production and a hearer's interpretation are "contaminated" by individualized pragmatic elements. Pragmatic enrichment processes work differently for speaker-hearers depending on which role they are in. Consequently, the match between the two sides keeps varying in the communicative process. This is why we think that, "we almost always fail. [...] Yet we almost always nearly succeed" (Rapaport 2003: 402). And this is why a pragmatic theory should be interlocutor-centered that take the individual as a speaker-hearer. Speaker's production and hearer's interpretation should be analyzed in their own rights.

To get a full picture of what is going on in communication we need to look at a dialogic sequence where the role of salience is minimal and recipient design and intention recognition comes to the forth.

- (9)
 This is an excerpt from the film "Coogan's Bluff".
 Situation: A man and a young woman are sitting in a restaurant after meal. The woman stands up and with a short move reaches for her purse.
 W: — I have to be going.
 M (seeing that she reaches for her purse): — What are you doing?

W: — Dutch.

M: — *You are a girl, aren't you?*

W: — There have been rumors to that effect.

M: — *Sit back and act like one.*

W: — Oh, is that the way girls act in Arizona?

When the girl wants to pay the man expresses his objection with asking “what are you doing?”. The girl perfectly understands what the man is referring to, so she tells him “Dutch”, which means she wishes to pay for her share of the bill. The man indicates his dislike in a very indirect but still expressive way: “You are a girl, aren't you?” The girl's response shows that she follows where the man is getting to. Then the man hints at what he expects the girl to do “Sit back and act like one”. This means that he does not want her to pay the bill.

This inductively developed dialogic sequence is a good example for elaborated recipient design where nothing is said directly, still there is no misunderstanding because the speaker adequately alerts the hearer to what he means. According to the recipient design view in order to succeed speakers must correctly express intended illocutionary acts by using appropriate words, and make their attempt in an adequate context. In this process speakers relate propositional contents to the world (actual situational context; audience) with the intention of establishing a correspondence between words and things from a certain direction of fit. This is what happened in example (9).

When looking at the dialogic sequence from the speaker's perspective it appears that recipient design usually requires an inductive process that is carefully planned while salience effect generally appears in the form of a deductive process that may contain repairs and adjustments. The speaker has something on his/her mind, and this intention is formulated subconsciously, abruptly, rather carelessly without specific planning. From the hearer's perspective intention recognition can also be driven by salience that may frequently lead to misunderstandings or misinterpretations because of the private and cultural specific nature of salience.

The interplay of recipient design and salience demonstrates very well how cooperation (social) and egocentrism (individual) are intertwined in the communicative process. This gives strong support to the dialogic principle which claims that human beings are dialogic individuals (social individuals) who communicate in dialogic interaction not only by producing and understanding utterances but also by acting and reacting.

6. CONCLUSION

The aim of this paper was to direct attention to how a dialogue approach can lead to better understanding of actions of interlocutors in communication. It was claimed that utterances in pragmatics research should be analyzed from the perspective of the interlocutor that comprises both roles: speaker and hearer. However, if we want to focus both on the speaker's and hearer's perspective, and want to figure out why the speaker said what s/he said the way s/he said it, and why the hearer opted for a given interpretation, we need to use a holistic, top-down approach combined with the bottom-up, utterance by utterance analysis. This means that we need to analyze the dialogic sequence

or discourse segment rather than just the utterance in order to find cues that help us identify the real intention of the speaker and better understand the options of the hearer in interpreting the speaker's utterance. Following Saul (2002) it was suggested that we make a difference between utterer-implicature and audience-implicature.

In order for us to understand meaning in interaction we need to focus on the double role of interlocutors. While fitting words into actual situational contexts speakers are driven not only by the intent (conscious) that the hearer recognize what is meant as intended by the speaker (cooperation), but also by speaker individual salience that affects production subconsciously (egocentrism). Therefore it was proposed that speaker-hearer rationality should include not only cooperation but egocentrism as well (see also in Kecskes 2013).

Through some examples it was pointed out that recipient design usually requires an inductive process in the dialogue that is carefully planned while salience effect generally appears in the form of a deductive process that may contain repairs and adjustments. The speaker has something on his/her mind, and this intention is formulated abruptly, rather carelessly without specific planning. The salience effect can lead to unwanted ways of expressing intention and occasionally misunderstanding, which requires the speaker to make repairs and adjustment in the communicative process and work together with the hearer to come to an understanding. On the other hand, recipient design gives the chance to the speaker to manipulate speaker meaning according to his/her needs: leave meaning conversationally open for interpretation or signal his/her intention with cues and markers. Here the goal of the speaker is to promote his/her own agenda by trying to manipulate the interpretation process.

A dialogic, "wide pragmatics" approach may give us the chance to better understand the complexities of the communicative process.

© Istvan Kecskes, 2016

REFERENCES

- Airenti, Gabriella, Bruno G. Bara, & Colombetti Marco. 1993. Conversation and behavior games in the pragmatics of dialogue. *Cognitive Science* 17(2). 197—256.
- Bach, Kent. 2001. You don't say? *Synthese*. 128: 15—44.
- Bach, Kent. 2005. "Context ex Machina". In *Semantics vs. Pragmatics*, Szabó Zoltán Gendler (ed.), 15—44. Oxford: Oxford University Press.
- Bach, Kent. 2007. "Regressions in pragmatics (and semantics)." In *Pragmatics (Advances in Linguistics)*, Burton-Roberts Noël (ed.), 24—44. Houndmills: Palgrave-Macmillan.
- Bara, Bruno. 2011. Cognitive pragmatics: The mental processes of communication. *Intercultural Pragmatics* 8—3 (2011), 443—485.
- Barr, Dale J. 2004. "Establishing conventional communication systems: Is common knowledge necessary?" *Cognitive Science* 28.6: 937—962.
- Barr, Dale J. and Boaz, Keysar. 2005. "Making sense of how we make sense: The paradox of egocentrism in language use." In *Figurative Language Comprehension: Social and cultural influences*, Colston Herbert L. and Albert N. Katz (eds), 21—43. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum.

- Buber, M. 1955. Dialogue. In *between man and man* (R. G. Smith, Trans.; pp. 1—39). Boston, MA: Beacon Press.
- Bunt, H.C. 2011. The Semantics of Dialogue Acts. *Proceedings 9th International Conference on Computational Semantics (IWCS 2011)*. Bos, J. & Pulman, S. (eds.). Oxford, UK: Oxford University, p. 1—14.
- Burton-Roberts, Noël. 2006. “Cancellation and intention.” *Newcastle Working Papers in Linguistics* 12: 1—12.
- Carbaugh, Donal. 2013. On Dialogue Studies. *Journal of Dialogue Studies* 1.1 (2013): 9—28.
- Carston, Robyn. 2002. *Thoughts and Utterances: The pragmatics of explicit communication*. Oxford: Blackwell.
- Cooren, F. 2010 *Action and agency in dialogue: Passion, incarnation, and ventriloquism*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Davis, Wayne. 1998. *Conversational Implicature: Intention, convention and principle in the failure of Gricean theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- de Saussure, Louis. 2007. Pragmatic Issues in Discourse Analysis. *Critical Approaches to Discourse Analysis. Across Disciplines* 1 (1): 179—195.
- Garfinkel, H. 1972. Remarks on ethnomethodology. In J.J. Gumperz & D.H. Hymes (Eds.) *Directions in sociolinguistics*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Giora, Rachel. 1997. “Understanding figurative and literal language: The graded salience hypothesis.” *Cognitive Linguistics* 8.3: 183—206.
- Giora, Rachel. 2003. *On Our Mind: Salience context and figurative language*. New York: Oxford University Press.
- Horn, Laurence R. 2007. Neo-Gricean pragmatics: a Manichaeian manifesto, in N. Burton-Roberts (ed.) *Pragmatics*, Basingstoke: Palgrave.
- House, Juliane. 2002. Developing pragmatic competence in English as a lingua franca. In *Lingua Franca Communication*, K. Knapp and C. Meierkord (eds.), Frankfurt am Main: Peter Lang, 245—267.
- Jaszczolt, K.M. 2005. *Default Semantics. Foundations of a Compositional Theory of Acts of Communication*. Oxford: Oxford University Press.
- Kecskes, Istvan. 2007. Formulaic language in English Lingua Franca. In Kecskes, I. & L. Horn (eds.) *Explorations in Pragmatics: Linguistic, Cognitive and Intercultural Aspects*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter: 191—219.
- Kecskes, Istvan. 2008. Dueling context: A dynamic model of meaning. *Journal of Pragmatics* 40 (3): 385—406.
- Kecskes, Istvan. 2010. The paradox of communication: A socio-cognitive approach. *Pragmatics and Society* 1(1). 50—73.
- Kecskes, I. 2012. Is there anyone out there who really is interested in the speaker? *Language and Dialogue*. Vol. 2. No. 2: 285—299.
- Kecskes, Istvan. 2013. *Intercultural Pragmatics*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Kecskes, I. & F. Zhang. 2009. Activating, seeking and creating common ground: A socio-cognitive approach. *Pragmatics and Cognition*. 17(2). 331—355.
- Keysar, Boaz. 2007. “Communication and miscommunication: The role of egocentric processes.” *Intercultural Pragmatics* 4.1: 71—84.
- King, Jeffrey C. and Jason, Stanley. 2005. “Semantics, pragmatics, and the role of semantic content.” In *Semantics versus Pragmatics*, Szabó Zoltán Gendler (ed.), 111—164. Oxford: Oxford University Press.

- Moeschler, J. 2004. Intercultural Pragmatics: a cognitive approach. *Intercultural Pragmatics*, 1, 1: 49—70.
- Morante, R., Keizer, S. & Bunt, H.C. 2007. A dialogue act based model for context updating. *Proceedings of the eleventh international conference on the semantics and pragmatics of dialogue (DECALOG 2007)*. Trento, Italy: [s.n.], p. 9—16.
- Psathas, O. (Ed.). 1979. *Everyday language. Studies in ethnomethodology*. New York: Irvington.
- Puig, Margarida Bassols. 2003. Pragmatics and discourse analysis. Noves SL. *Revista de Sociolingüística* <http://www.gencat.cat/llengua/noves> Winter 2003.
- Rapaport, William J. 2003. “What did you mean by that? Misunderstanding, negotiation, and syntactic semantics.” *Minds and Machines* 13.3: 397—427.
- Sacks, H., Schegloff, E. A., & Jefferson, G. (1974). “A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation.” *Language*, 50, 696—735.
- Saul, Jennifer. 2002. What is said and psychological reality: Grice’s project and relevance theorists’ criticisms. *Linguistics and Philosophy* 25: 347—72.
- Schegloff, Emanuel A. 2007. *Sequence Organization in Interaction: A Primer in Conversation Analysis, Volume 1*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Schenkein, J. (Ed.). 1978. *Studies in the organization of conversational interaction*. New York: Academic.
- Schiffer, S.R. 1972. *Meaning*. Oxford: Oxford University Press.
- Searle, John. 1995. *The Construction of Social Reality*. London: Allen Lane, The Penguin Press.
- Sperber, Dan and Deirdre, Wilson. 1986/1995. *Relevance: Communication and cognition* (2nd ed.). Oxford: Blackwell.
- Taboada, M. and W.C. Mann. 2006. Rhetorical Structure Theory: Looking Back and Moving Ahead. *Discourse Studies*. 8(3): 423—459.
- Tracy, Karen and Robert T. Craig. 2010. “Studying interaction in order to cultivate communicative practices: Action-Implicative discourse analysis.” In *New Adventures in Language and Interaction*, Streeck Jürgen (ed.), 145-166. Amsterdam: John Benjamins.
- Turner, R. (Ed.). 1974. *Ethnomethodology: Selected readings*. Harmondsworth, England: Penguin.
- Weigand, Edda. 2001. *Negotiation and Power in Dialogic Interaction*, ed. by Edda Weigand and Marcelo Dascal. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins (Current Issues in Linguistic Theory 214).
- Weigand, Edda. 2004. Emotions in Dialogic Interaction. *Advances in the Complex*, ed. by Edda Weigand. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins (Current Issues in Linguistic Theory 248).
- Weigand, Edda. 2006. Argumentation — The mixed game. *Argumentation* 20/1, 59—87.
- Weigand, Edda. 2010. Language as dialogue. *Intercultural Pragmatics*. Vol. 7. No. 3: 505—515.
- Weigand, Edda. 2010b. *Dialogue: the mixed game*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins.

Article history:

Received: 20 July 2016

Revised: 04 September 2016

Accepted: 06 September 2016

For citation:

Kecskes, I. (2016) A Dialogic Approach to Pragmatics. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 26—42.

Bionote:

Professor *Istvan Kecskes*, DSc, Distinguished Professor at State University of New York (Albany, USA), President of American Pragmatics Association (AMPRA), Editor-in-Chief of *Intercultural Pragmatics* (Mouton de Gruyter: Berlin/New York); *Chinese as a Second Language Research* (CASLAR); *Research interests*: pragmatics, discourse theory, intercultural communication. *Contact information*: <http://www.albany.edu/faculty/ikecskes/>; e-mail: ikecskes@albany.edu

УДК: 811. 111. 42

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-26-42

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРАГМАТИКЕ

Иштван Кечкеш

Университет Штата Нью-Йорк
12222, Олбани, США, 1400 Washington Ave.

В данной статье показано, как преодолеваются границы прагматики, ориентированной на одно высказывание, когда слушающий становится не только реципиентом, пытающимся понять смысл услышанного, но также и собеседником, стремящимся достичь взаимопонимания с говорящим. Цель статьи — не столько описать и проанализировать диалогический подход к прагматике, сколько объяснить, какие внутренние процессы развития прагматической парадигмы послужили стимулом к изучению диалога, и, в особенности, подчеркнуть важность оценки значения высказывания говорящего именно с точки зрения говорящего, а не слушающего, а также указать на двойную роль собеседников (говорящий—слушающий) в диалоге.

Ключевые слова: собеседник, диалогический подход, прагматическая парадигма, говорящий—слушающий

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 июля 2016

Дата принятия к печати: 06 сентября 2016

Для цитирования:

Kecskes I. A Dialogic Approach to Pragmatics // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 26—42.

Сведения об авторе:

Иштван Кечкеш, доктор, профессор, президент Американской Ассоциации Прагматики (ААП), главный редактор журналов: *Intercultural Pragmatics* (Mouton de Gruyter: Berlin/New York); *Chinese as a Second Language Research* (CASLAR); *Сфера научных интересов*: прагматика, теория дискурса, межкультурная коммуникация. *Контактная информация*: <http://www.albany.edu/faculty/ikecskes/>; e-mail: ikecskes@albany.edu

UDK: 811. 111. 42

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-43-55

DISCOURSE ANALYSIS AND PRAGMATICS: THEIR SCOPE AND RELATION

Laura Alba-Juez

UNED

Paseo Senda del Rey, 7

Ciudad Universitaria, 28040 Madrid, Spain

In this article I delve into the seas of the disciplines of Discourse Analysis and Pragmatics, trying to perform the difficult task of delimiting their scope and discussing their common and non-common ground, in order to present a general idea of the state of the art of both disciplines in the 21st century. Being conscious of the fact that one can learn a great deal about any field by observing what its practitioners do, and precisely because these disciplines are hard to delimit, I also discuss what it is that pragmatics and discourse analysts actually do. The concepts of text and discourse are explored by looking into different approaches and studies in the areas of Text Linguistics and Discourse Analysis, as well as into how they have evolved from their beginnings to the present time. The main schools of Pragmatics, the Anglo-American and the European Continental (Huang 2016) are also explored, in order to compare their viewpoints and their relationship with the field of discourse analysis. As I see it, Pragmatics is not the same as, but is an indispensable source for, discourse analysis: it would be impossible to analyze any discourse without having a solid basic knowledge of pragmatic phenomena and the ways in which they work and interact (Alba-Juez, 2009: 46). I also examine some concepts and issues that are crucial for the topic of this paper, such as the concepts of *context*, *cognition* or *culture*, and the need to develop pragmatic awareness.

Key words: pragmatics, discourse, discourse analysis, context, cognition, culture

1. INTRODUCTION

Delimiting a field of study or knowledge is never a simple task, and the case for Discourse Analysis and Pragmatics is no exception, considering that they are both sub-disciplines of Linguistics that share common ground with each other and with Text Linguistics as well, the three of them having fuzzy boundaries. As I (and other authors such as Schiffrin 1994) see it, Pragmatics is not the same as Discourse Analysis, but is an indispensable source for any discourse analytic study: it would be impossible to analyze any text or discourse without having a solid knowledge of pragmatic principles and phenomena. In the following sections I will try to describe the scope of action of these disciplines, pointing to their similarities and differences by looking into what their respective practitioners do, as well as their evolution and the kind of studies being covered by each one of them. First, I will discuss the scope of Text Linguistics in comparison with Discourse Analysis (or Discourse Studies), and then I will pass on to examine what I understand to be the common ground and differences between Discourse Analysis and Pragmatics.

2. TEXT LINGUISTICS AND DISCOURSE ANALYSIS

Part of the fuzziness described above comes from the fact that, as I have stated in a previous publication (Alba-Juez 2009: 6), the terms *text* and *discourse* are used in a variety of ways by different researchers. Furthermore, there is a considerable number of theoretical approaches to both Text Linguistics and Discourse Analysis which in many cases belong to very different research traditions, even when they share similar basic tenets.

In everyday popular use the term *text* is normally restricted to written language and the term *discourse* is restricted to spoken language. However, modern Linguistics has introduced a concept of text and/or discourse that includes every type of utterance; written or spoken. Thus both *text* and *discourse* may refer to a political speech, a whatsapp message, a magazine article, an oral interview, a conversation, or a cooking recipe, just to give a few examples. The terms *text* and *discourse*, therefore, are sometimes used by linguists to mean the same and because of this one might conclude that Text Linguistics and Discourse Analysis are the same too, but in general, the tendency in Text Linguistics has been to present a more formal and experimental approach, while that of Discourse Studies can be said to be oriented towards a functional approach.

Formalists are apt to see language as a mental phenomenon, while functionalists see it as a predominantly social one. But this distinction cannot be said to be so clear-cut: many authors, like Schiffrin (1994), integrate both the formal and the functional approaches in their analysis of texts, and under this light Discourse Analysis can be seen as all-embracing term including Text Linguistics and other approaches such as Critical Discourse Analysis, Conversation Analysis or Discursive Psychology, just to name a few.

The main concern of text linguists is the structure of text; in general they do not pay so much attention to context as discourse analysts do. Some authors, such as Halliday, believe that text is everything that is meaningful in a particular situation: “By text, then, we understand a continuous process of semantic choice” (1978: 137). Schiffrin (1994: 363) points out that all approaches within Discourse Analysis view text and context as the two kinds of information that contribute to the communicative content of an utterance. In terms of utterances, then, *text* is the linguistic content, and *context* refers to the world in which people produce the utterances, which affects the meaning finally set by the interlocutors in their interaction. Discourse Analysis includes utterances, and consequently both text and context, as its object of study. So following this line of thought, and as anticipated above, Text Linguistics can be considered as one school within Discourse Studies whose concern is mainly the textual part of the message, rather than the contextual one. Crystal’s (1997) definition of Text Linguistics as “the formal account of the linguistic principles governing the structure of texts” is in sync with this view.

On a different light, the relationship between these two approaches may be seen as an evolution of one into the other: For many authors, what started as Text Linguistics can be said to have evolved into what we nowadays call Discourse Analysis or Discourse

studies. This is clearly the case of van Dijk, whose work may be said to have undergone a progressive “integration” of both disciplines. In his biographical article of 2002, van Dijk explains how his research evolved from Text Grammar to Critical Discourse Analysis: He started in the 1970s by giving an explicit description of the grammatical structure of texts, but he realized that there were other structures beyond the structure of the sentence (thereby introducing the notion of *macrostructure*), and that another fundamental notion to analyze the meaning of texts was that of *coherence*. He then took interest in the study of power and ideology, which eventually placed him within the discourse analytic approach later known as Critical Discourse Analysis. Other important and new concepts were introduced by other text linguists, such as *socio-cultural knowledge* and *mental models* (Johnson-Laird 1983), which inevitably made text analysts move beyond the text into the different contexts surrounding speech, including other aspects of human interaction having to do with social, psychological or cognitive factors. Thus the text started to be seen as a functional unit, which led into a “discourse processing” stage in which analysts “set about developing process models of the activities of discourse participants in interactive settings and in ‘real time’” (de Beaugrande, 1997: 61—62).

De Beaugrande and Dressler (1981) define text as a communicative event that must satisfy seven criteria, the first two of which (cohesion and coherence) may be defined as text-internal, and the remaining five (*intentionality, acceptability, informativity, situationality, and intertextuality*) as text-external (Tischer et al., 2000). The analytical approaches oriented towards ‘pure’ Text Linguistics give more importance to text-internal criteria, while the tradition in Discourse Analysis has always been to give as much or even more importance to the external factors, for they are believed to play a role in communication which is as essential as that of the text-internal factors. Thus, in spite of the fact that De Beaugrande and Dressler place their work within Text Linguistics, it can also be placed within, and can be said to have evolved into the realm of Discourse Analysis, considering they take into account aspects of both text and context in their model. In fact, De Beaugrande’s (2002) definition of Text Linguistics as “the study of real language in use” does not differ from many of the definitions of Discourse Analysis given by different authors adopting a functional approach to the study of language. Slembrouck is one of these authors, and he defines Discourse Analysis as “mainly the linguistic analysis of naturally occurring connected speech or written discourse” (2006: 1). He adds that it attempts to study the organization of larger linguistic units than the sentence or the clause, such as conversational exchanges or written texts, which therefore involves the concern with language use in social contexts. A few other definitions supporting the functional perspective are the following:

The study of discourse is the study of any aspect of language use (Fasold, 1990: 65).

The analysis of discourse is, necessarily, the analysis of language in use. As such, it cannot be restricted to the description of linguistic forms independent of the purposes or functions which these forms are designed to serve in human affairs (Brown & Yule, 1983: 1).

Discourse... refers to language in use, as a process which is socially situated (Candlin, 1997: ix).

...I see discourse analysis as a research method that can be (and is being) used by scholars with a variety of academic and non-academic affiliations, coming from a variety of disciplines, to answer a variety of questions (Johnstone, 2008: xiii).

It is clear that all definitions within a functional perspective refer to language in use, and include the idea that language is socially situated and therefore cannot be properly analyzed if these aspects are not included in the whole picture. Furthermore, an important characteristic of Discourse Studies, which is emphasized in Johnston's definition above, is that they are essentially multidisciplinary, which means that these studies cross the Linguistics border into different and varied domains, such as semiotics, psychology, anthropology, psychology or history. Thus, it is clear that when analyzing discourse, researchers cannot only focus on form or "purely" linguistic facts; they need to pay equal or more attention to language use in relation to social, political and cultural aspects. As Johnstone puts it:

Discourse Analysis [...] is an open-ended heuristic, a research method consisting of a set of topics to consider in connection with any instance of discourse. This heuristic can help insure that discourse analysts are systematically paying attention to every possible element of the potential meaning of a stretch of talk or writing: every kind of context, every resource of creativity, and every source of limitation and constraint on creativity (2008: xiv).

As anticipated above, not all researchers use and believe in the same definition of *text* and *discourse*. I will start the conclusion of this section by saying that my own view is simple and very much in sync with the functionalist approach to discourse, considering that, as the above definitions by different authors reveal, Discourse Analysis deals with the study of language in use, and it includes the observation and scrutiny of both text and context as essential parts of utterances and of discourse as a whole. In fact, Discourse Analysis is an outcome of the Functional approach to Linguistics, and would make no sense without it. Even so-called 'formal' approaches within the field have emanated from a functional perspective. As for the distinction between the terms *text* and *discourse*, for practical purposes some authors (e.g. Schiffrin 1994, Alba-Juez 2009) adopt a definition of the term *text* that covers a narrower scope than the term *discourse*: *text* refers only to the linguistic part of the message, while *discourse* refers to both *text* and *context*, the latter including not only the linguistic context but other types, such as the social, the cultural or the emotional context (Alba-Juez & Mackenzie, 2016).

My view is supported by the fact that all discursive approaches — without exception — believe that a good linguistic description should go beyond the sentence and that there are certain meanings and aspects of language that cannot be properly understood if their study is limited to the syntactic analysis of sentences. Hence there is no discourse study that can be said to be devoid of the analysis of at least some aspect of context, and that is not interdisciplinary in some way or another. By way of illustration, I am now going to name and refer to the work done by a few discourse analysts including myself, but any work within the field would be just as representative. Dooley and Levinsohn (2000: iii) state that in their analysis they "follow a *functional* and *cognitive* [my italics] approach that seems to be a good approximation of how discourse is actually produced and understood". They therefore analyze numerous texts throughout their

book, taking into account several aspects and dimensions of their respective discursive situations which go beyond the mere words spoken or written, such as the means, the manner and the medium of production, along with the genre, the people being referenced, or the conversational turns and moves (in case of the analysis of dialogues). Also, in my own research on verbal irony (e.g. Alba-Juez [1996] 2001, Alba-Juez & Attardo 2014, Alba-Juez 2014) I have not only looked into the ‘pure’ linguistic content of the numerous ironic utterances I have analyzed, but also — among other things — the politeness strategies, the cognitive mechanisms, the humorous undertones, and very specifically, the different discourse functions fulfilled by them in different contexts. A simple morphological or syntactic analysis of the sentences involved would have born no fruit, and would have explained nothing regarding the final ironic meaning intended and understood by the interlocutors involved in every example/situation analyzed.

Thus, the discursive perspective implies looking into language use as necessarily social, and as such, as a phenomenon having common characteristics with other social and cognitive phenomena. Hence an accurate and realistic description of language should account for real facts occurring within actual human interaction. But human communication and cognitive phenomena, as seen from a functional perspective, form part of dynamical systems which so far and paradoxically, are very difficult to describe in accurate terms: there are many multifaceted interrelated variables to be considered, some of which are very difficult to grasp or control, therefore making any prediction only probabilistic. All the more so if we consider that these variables are not only linguistic in nature: When performing discourse analysis researchers may, for instance, engage themselves in Functional Grammar, Sociology, Pragmatics, Psychology and Cognitivism at the same time, hence having to deal with multiple and multifarious variables which interact with one another.

Consequently and to conclude, the current aim in DA is to describe language where it was originally found, i.e. in the context of human interaction, and this interaction often involves other media besides language. Examples of these other semiotic systems may be gesture, dance, song, photography, cyberspace or clothing, and this is why nowadays many discourse analysts are trying to explain the connection between these systems and language. In order to achieve these aims, different researchers have taken different approaches, and this is one of the reasons why current research in Discourse Analysis flows from different academic fields.

3. APPROACHES TO DISCOURSE STUDIES

Z. Harris (1951, 1952), the first linguist to use the term *discourse analysis*, was a formalist: he viewed discourse as the next level in a hierarchy of morphemes, clauses and sentences. This view was later criticized due to the results shown by functional researchers like Chafe (1980, 1987, 1992), who argued that the units used by people in their speech have a semantic and an intonational closure, but not necessarily a syntactic one, and therefore cannot always be categorized as sentences. Indeed, functionalists focus on the purposes of language, to such an extent that some of them defend the notion that language and society cannot be thought of as independent (Fairclough 1989, Fou-

cault 1980). Thus they do not see discourse as a level in a hierarchy, but as an all-embracing concept including not only the propositional content, but also the social, cultural or cognitive contents.

As I and many other authors (e.g. Schiffrin 1994) see it, both the formal and functional paradigms should be integrated in discourse studies. Discourse deals with utterances, and utterances can be defined as “units of linguistic production (whether spoken or written) which are inherently contextualized” (Schiffrin, 1994: 41). It follows, then, that the nature of discourse studies is not only sequential or syntactic, but also and more importantly, semantic and pragmatic. Thus within discourse analysis one should consider, together with the ‘purely’ linguistic content, other interaction forms such as sign language, dramatization or so-called *bodily hexis* (Bourdieu, 1990), which inevitably takes us to the conclusion that discourse is multi-modal, for it uses more than one semiotic system and performs several functions at the same time.

Wetherell et al. (2001) summarize all that has been expounded so far when they write about four approaches to DA, namely, 1) The model that views language as a system and therefore its researchers aim to find patterns; 2) the model that is based on the activity of language use, and therefore language is viewed as a process and not as a product; thus its researchers focus on interaction; 3) the model that searches for language patterns associated with a given topic or activity (e.g. legal discourse, psychotherapeutic discourse, etc.); 4) the model that looks for patterns within broader contexts, such as “society” or “culture”. Within this last model language is viewed as part of major processes and activities, and as such the interest goes beyond language (e.g. the study of sexism or racism in discourse interaction).

It should be noted, however, that the above models present very general approaches; in fact, it can be said that each discourse analyst proposes new forms of analysis that broaden previous views on the topic, and that therefore there are as many approaches to discourse as there are researchers devoted to the field. It is nevertheless also fair to acknowledge that all strands of research within the field share a common ground, and that in some cases it is difficult to distinguish among them. Some of the best-known schools are Interactional Sociolinguistics, Conversation Analysis, Variation Analysis, Narrative Analysis, Critical Discourse Analysis, or Mediated Discourse Analysis. In spite of the differences in approach, all of these schools share the common characteristic that they do not focus on language as an abstract system. Instead, they are interested in what really happens when people engage in linguistic interaction, in how they do things with language, i.e. in how they express their feelings, exchange ideas or entertain other people, among infinite other possibilities.

3.1. So what do discourse analysts do?

In order to learn about a given discipline, it is useful to look at what practitioners do. Discourse analysts may explore the language of science, face-to-face conversations, telephone conversations, whatsapp messages, social network discourse, etc., and when doing so they may look into power relations, the structure of turn-taking, politeness strategies, the linguistic manifestation of racism or sexism, the structure of narrative, the use of persuasive language and numerous other aspects of language in use. They are

interested in the actual patterns of use in naturally-occurring texts. Once transcribed and annotated, these texts are known as the corpus, which constitutes the basis for analysis. Thus, discourse analysts necessarily take a corpus-based approach to their research (Alba-Juez 2009: 18).

Discourse analysts have helped (and are helping) to shed light on both the production and the interpretation phases of discourse, i.e. how speakers/writers organize their discourse in order to indicate their intentions, and how hearers/readers interpret what they hear, read or see. They have also contributed to answer important research questions which have led, for instance, to the identification of the evaluative systems of language (e.g.: Martin & White 2005, Hunston and Thompson 2000, Thompson and Alba-Juez 2014), the mechanisms for expressing emotion through language (e.g.; Foolen 2012, 2016; Dewaele 2013), or the cognitive abilities involved in the use of symbols or semiotic systems (e.g.: Forceville & Clark 2014), just to name a few of these important contributions.

4. BUT HOW DOES PRAGMATICS GET INTO THE PICTURE?

Some of the definitions of Pragmatics are almost identical to some of the definitions of Discourse Analysis, which may lead us to think that both fields of study are the same. Such definitions of Pragmatics can be placed within the broader approach called *Macro-Pragmatics*, and they differ from those given by the narrower approach known as *Micro-Pragmatics*. My view of Pragmatics is more in agreement with the latter approach, and therefore I do not see it as identical with Discourse Analysis. Pragmatics is, however, an indispensable source for Discourse Analysis which shares some common ground with it but differs in method and scope. Indeed, both disciplines share the view that it is not desirable to deal with abstract idealizations of how language is structured, or prescriptive rules about how language should work, and hence what is desirable is to deal with how, when, why, etc. speakers/writers actually use language for different purposes. However, as was pointed out in 3, while Discourse Analysis is basically a general term for a number of techniques and approaches (such as Conversation Analysis, Critical Discourse Analysis, etc.) to analyze written, spoken or sign language, Pragmatics does not necessarily include those approaches within its scope. A researcher performing an analysis of discourse and engaged in any of these approaches will necessarily be using pragmatic concepts and knowledge, but a researcher doing pragmatic analysis will not necessarily form part of any discourse-analytic school of thought.

4.1. The scope of Pragmatics: Central topics and main approaches

Pragmatics basically deals with meaning, but meaning within this discipline is of a much broader scope than in traditional, truth-conditional Semantics. A crucial distinction is here made between the basic meaning of an expression resulting from its syntactic structure (i.e. semantic meaning), and what someone means by using such an expression in a given context (i.e. pragmatic meaning). Thus pragmatic research and work, like discourse analytical work, is inevitably linked to a functional perspective on language, but at the same time it usually takes into account many formal aspects that contribute to the determination of the meaning of any utterance.

One of the central concerns of Pragmatics is to understand the mechanisms that allow speakers to work out the hidden, indirect or implied meanings of utterances or whole texts. Hence the vast amount of studies on topics such as inference, implicatures or phenomena like verbal irony or metaphor found within the field. Another important concern is to understand the linguistic mechanisms of reference and deixis, two phenomena that depend very much on contextual factors. As we know, and just to give an example, the pronouns *I*, *you* or *they* may refer to different people depending on the interactants, the situation and the context of talk. Pragmatics, then, has a lot to say about the underdeterminacy of language, and it looks into the nature and inherent characteristics of the many and various mechanisms (such as reference, deixis, conventional and conversational implicatures, or presuppositions) that human beings set into motion in order to encode and decode underdetermined utterances.

As far as the approach to pragmatics is concerned, it can be said that the views of pragmaticians all over the world are divided into two main schools: a) the *Anglo-American school*, and b) the *European Continental school*. The Anglo-American school views Pragmatics as one more of the core components of a linguistic theory, along with phonetics, phonology, morphology, syntax and semantics. Authors such as Levinson (1983), Leech (1983), Yule (1996) or Cummings (2005) support this view, whose central topics of inquiry include implicature, presupposition, speech acts, deixis and reference. (Huang 2016). The European Continental school of Pragmatics advocates a broader perspective, and is supported by linguists such as Jef Verschueren, who defines Pragmatics as “the cognitive, social, and cultural science of language and communication” (2009: 1). Bublitz and Norrick (2011: 4) point out that within this broader point of view Pragmatics is seen as “the scientific study of all aspects of linguistic behaviour”, and as an area of research that is “fundamentally concerned with communicative action in any kind of context”. From the Continental perspective, therefore, “Pragmatics is not confined within the boundaries of just one linguistic component, but is ‘omnipresent’ in all components and every aspect of linguistic behaviour” (Alba-Juez & Mackenzie, 2016: 13). Furthermore, the tendency of this extensive view has been to consider pragmalinguistic data as phenomena that necessarily have to be studied in relation to other domains, which has given rise to new sub-areas of research such as computational, historical, anthropological or experimental Pragmatics.

In spite of the above, and as Huang (2015) points out, a reconciliation of the component and the perspective views can be observed in the work of some pragmaticians (e.g. Mey [1993] 2008, Ariel 2010), joining the knowledge and strengths of both perspectives. Mey refers to this convergence of view in the following way:

Thus, we could have a pragmatic component, understood as the set of whatever pragmatic functions can be assigned to language, along with a pragmatic perspective, i.e., the way these functions operate. We could either ask how users ‘mean what they say’, that is, how they communicate, using language, or how they ‘say what they mean’, employing the linguistic devices at their disposal to express themselves ([1993] 2008: 9).

The Anglo-American school could therefore be identified with what has been called *micro-pragmatics*, whereas the Continental European School, with so-called *macro-*

pragmatics. Micro-pragmatics is mainly concerned with specific theoretical discussions about topics such as implicature, reference or deixis, while macro-pragmatics places the emphasis more on the perspective taken than on any theoretical point in particular, “which would simply entail taking a functional perspective (in a very broad sense) on the study of language in all its aspects” (Alba-Juez & Mackenzie, 2016: 14).

As the reader may have noticed by now, the European Continental definition of Pragmatics does not seem to differ in essence from the definition of Discourse Analysis advocated by the functional view referred to in 2 and 3 above. Both claim that the analysis of language in use and in context constitutes their scope of research, which makes it inevitable for us to ask the following question: If Pragmatics is about ‘the study of communicative action in all contexts’, how does it differ from Discourse Analysis, and why would it be necessary in the first place? I will respond by reproducing the view already expressed in that respect in Alba-Juez & Mackenzie (2016), for it summarizes what I consider to be the fundamental distinction between these two disciplines, and the point I want to make to conclude this section:

“It is very likely that, if we define Pragmatics as a discipline that ‘studies language in all its aspects’, we shall immediately start to wonder if there is any use in distinguishing it from Discourse Analysis or even Linguistics (if taken in a broader sense). Thus, while a convergence of both approaches seems desirable, the all-embracing character of macro-pragmatics seems too broad to make Pragmatics a necessary sub-field of Linguistics, distinct from any other.

Along this line of thought, then, we feel more prone to think that both the findings and objectives of micro and macro-pragmatics are of great use for linguists and discourse analysts, but that, whereas pragmatics is an indispensable source for the analysis of discourse (Alba-Juez, 2009: 46), it is, however, not the same thing. Pragmatics provides discourse analysts with important tools and basic concepts without which their work would be impossible to carry out, but discourse analysis is a broader, more empirically-oriented discipline that is not particularly interested in theorizing about, for instance, inferences or deixis (Pragmatics already does that!). Among other things, Discourse Analysis includes many schools and traditions (e.g. Critical Discourse Analysis, Ethnography of Communication, etc.) which in our view do not form part of Pragmatics, although they do draw on its findings.” (2016: 15).

5. SUMMARY AND CONCLUSIONS

In this article I have mainly tried to elucidate the scope and interests of two very important sub-disciplines of Linguistics: Discourse Analysis and Pragmatics. In addition, when discussing the scope of Discourse Analysis, some remarks have been made regarding both its common and non-shared ground with Text Linguistics. The main points I have made are the following:

- ◆ There are two main approaches to Discourse Analysis: the formal and the functional. Formalists focus more on the text-internal characteristics of language, while functionalists concentrate on the analysis of language in use, giving as much as, or even more importance to the context than to the text of utterances.

- ◆ Text Linguistics is a kind of discourse analysis that tends more towards a formalist perspective, for it focuses on the structure of the text and the text alone, rather than on the external aspects of context. The rise of Discourse Analysis in the second half of the 20th century brought about a consideration not only for text but also for context, therefore giving the text-external factors an importance that had not been given to them by grammarians or text linguists before. And this was how for many authors (such as van Dijk), what started as text linguistics ended up turning into discourse analysis. This is the reason why, in the view of many researchers, Text Linguistics has evolved into Discourse Analysis in the 21st century, where it is difficult to deny the great influence that contextual factors exert over the meaning that is finally agreed by the interlocutors in any linguistic exchange.
- ◆ There are two main schools of Pragmatics: the Anglo-American and the European Continental. The former can be identified with micro-pragmatics and the latter with macro-pragmatics. If we looked at Pragmatics exclusively through the European Continental school prism, it would be difficult to see any difference between Pragmatics and Discourse Analysis, and in such a case the existence of one of them would make no sense. However, the view I advocate herein sees the two disciplines as related but apart, for it is a fact that the research traditions of Pragmatics and Discourse Analysis have been different in spite of their several points of convergence.

Pragmatic studies are generally oriented towards the discussion of theoretical issues having to do with the underdeterminacy of language, thus dealing with implied, non-literal meanings, or what Grice (1975) called *meaning-nn* (i.e. *non-natural meaning*), as opposed to semantic, literal or *timeless meaning* (i.e. Grice's *natural meaning*), the latter being the concern of Semantics. And here I refer to Semantics in its narrow sense (i.e. the kind of Semantics that deals with truth-conditional meaning) because in a broader sense, and considering that Pragmatics deals mainly with meaning, it can be said that Pragmatics belongs in the realm of Semantics as well.

- ◆ Discourse Analysis, like Pragmatics, is concerned with language in use and in context. Pragmatics is an indispensable source for, but is not the same as Discourse Analysis. Discourse Analysis draws on the concepts and tools of Pragmatics, but the former is a broader, more empirically-oriented discipline than the latter, because it includes many schools and traditions which are not necessarily found within the scope of Pragmatics. Pragmatics, on the other hand, is a more theoretically-oriented discipline, which has traditionally been concerned with topics (such as speech acts, implicatures or reference) which are used by, but are not necessarily central topics within, discourse studies.

© Laura Alba-Juez, 2016

REFERENCES

- Alba-Juez, Laura (2001 [1996]). *The Functions and Strategies of Ironic Discourse: An Analysis*. Madrid: Universidad Complutense de Madrid. Doctoral Thesis.

- Alba-Juez, Laura (2009). *Perspectives on Discourse Analysis: Theory and Practice*. Newcastle Upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Alba-Juez, Laura (2014). Irony as inferred contradiction. In: *Vestnik of People's Friendship University of Russia. Linguistics Series*, 2014, n° 4. 140—153.
- Alba-Juez, Laura & Salvatore Attardo (2014). The evaluative palette of verbal irony. In Geoff Thompson & Laura Alba-Juez (eds), *Evaluation in Context*. Amsterdam: John Benjamins. 93—115.
- Alba-Juez, Laura & Mackenzie, J. Lachlan (2016). *Pragmatics: Cognition, Context and Culture*. Madrid: McGraw Hill.
- Ariel, Mira. (2010). *Defining pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bourdieu, Pierre (1990). *The Logic of Practice*. Stanford: Stanford University Press.
- Bublitz, Wolfram & Neal R. Norrick. (2011). The burgeoning field of pragmatics. In Wolfram Bublitz & Neal R. Norrick (eds.), *Foundations of pragmatics*, 1—20. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Brown, G. & G. Yule (1983). *Discourse Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Candlin, C.N. (1997). General editor's preface. In Gunnarsson, B.-L., Linell, P. and Nordberg, B. (eds.). *The Construction of Professional Discourse*. London: Longman, ix—xiv.
- Chafe, William (1980). The deployment of consciousness in the production of a narrative. In W. Chafe (ed.), *The Pear Stories: Cognitive, Cultural and Linguistic Aspects of Narrative Production*. Norwood, NJ: Ablex Press, 9—50.
- Chafe, William (1987). Cognitive constraints on information flow. In R. Tomlin (ed.), *Coherence and Grounding in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 21—51.
- Chafe, William (1992). Prosodic and functional units of language. In J. Edwards and M. Lampert (eds.), *Talking Data: Transcription and Coding in Discourse Research*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Crystal, D. (1997). *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*. Oxford: Blackwell.
- Cummings, Louise. (2005). *Pragmatics: A multidisciplinary perspective*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- de Beaugrande, R. (1997). *New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication, and the Freedom of Access to Knowledge and Society*. Vol. LXI in the series *Advances in Discourse Processes*, R. O. Freedle (ed.). Norwood, NJ: Ablex Publishing.
- de Beaugrande, R. & W. Dressler (1981). *Introduction to Text Linguistics*. London & New York: Longman.
- Dewaele, Jean Marc (2013). *Emotions in Multiple Languages*. London: Palgrave Macmillan.
- Dooley, Robert A. & Stephen H. Levinsohn (2000). *Analyzing Discourse: A Manual of Basic Concepts*. North Dakota: SIL International & University of North Dakota.
- Fairclough, N. (1989). *Language and Power*. London: Longman.
- Fasold, R. (1990). *Sociolinguistics of Language*. Oxford: Blackwell.
- Foolen, Ad (2012). The relevance of emotion for language and linguistics. In Ad Foolen, Ulrike M. Lüdtke, Timothy P. Racine & Jordan Zlatev (eds.). In *Moving Ourselves, Moving Others: Motion and Emotion in Intersubjectivity, Consciousness and Language*. Amsterdam & Philadelphia, PA: John Benjamins. 347—368.
- Foolen, Ad (2016). Expressives. In Nick Riemer (ed.), *The Routledge Handbook on Semantics*. London & New York: Taylor and Francis, 473—490.
- Forceville, Charles & Billy Clark (2014). Can pictures have explicatures? *Linguagem em (Dis)curso* 14(3). 451—472.

- Foucault, M. (1972). *The Archaeology of Knowledge*. London: Tavistock.
- Grice, H.P. (1975). Logic and conversation. In P. Cole and J. Morgan (eds.) *Syntax and Semantics 3: Speech Acts*. New York: Academic Press, 41—58.
- Halliday, Michael A.K. (1978). *Language as Social Semiotic*. London: Edward Arnold.
- Huang, Yan (2016). Pragmatics: Language use in context. In Keith Allan (ed.), *Routledge handbook of linguistics*, 205—220. London & New York: Routledge.
- Hunston, Susan & Geoff Thompson (eds.) (2000). *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Johnson Laird, P.N. (1983). *Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Interference, and Consciousness*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Johnstone, Barbara (2008). *Discourse Analysis*. Second Edition. Oxford: Blackwell Publishing.
- Leech, Geoffrey N. (1983). *Principles of pragmatics*. London: Longman.
- Levinson, Stephen C. (1983). *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Martin, James R. & Peter R.R. White (2005). *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. New York: Palgrave Macmillan.
- Mey, Jacob L. (1993). *Pragmatics: An introduction*. 2nd edition. Oxford: Blackwell.
- Schiffirin, Deborah (1994). *Approaches to Discourse*. Oxford: Basil Blackwell.
- Slembrouck, S. (2006). *What is meant by 'discourse analysis'?* Department of English, University of Gent. At: <http://bank.rug.ac.be/da/da.htm>.
- Verschueren, Jef. (2009). Introduction: The pragmatic perspective. In Jef Verschueren & Jan-Ola Östman (eds.), *Key notions for pragmatics*, 1—27. Amsterdam & Philadelphia, PA: John Benjamins.
- Thompson, Geoff & Laura Alba-Juez (eds.) (2014). *Evaluation in Context*. Amsterdam: John Benjamins.
- Titscher, S.M., R. Meyer, R. Wodak & E. Vetter (2000). *Methods of Text and Discourse Analysis*. London: Sage.
- Wetherell, M.; Taylor, S. & S.J. Yates (2001) (eds.). *Discourse Theory and Practice: A Reader*. London: Sage Publications.
- Yule, George. (1996). *Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.

Article history:

Received: 18 August 2016

Revised: 11 September 2016

Accepted: 20 September 2016

For citation:

Alba-Juez, L. (2016). **Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation**. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 43—55.

Bio Note:

Laura Alba-Juez, DSc, Professor, Vice-Dean of Faculty of Philology at National Distance Education University (Madrid, Spain). *Research interests*: Discourse Analysis, Pragmatics, Intercultural Communication, General Linguistics. *Contact information*: <https://portal.uned.es>; e-mail: lalba@flog.uned.es

УДК: 811. 111. 42

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-43-55

ДИСКУРС-АНАЛИЗ И ПРАГМАТИКА: ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВЗАИМОСВЯЗЬ

Лаура Альба-Хуэс

Национальный университет дистанционного образования
28040, Мадрид, Испания, 7 Paseo Senda del Rey

В данной статье автор детально описывает такие научные направления, как дискурс-анализ и прагматика, пытаясь решить сложную задачу — определить область исследования, а также выявить их сходства и различия, с тем чтобы дать общее представление об уровне развития обеих дисциплин в 21 веке. Ввиду того, что изучение трудов исследователей в любой научной отрасли является очень важным, в особенности, в том случае, когда научные направления трудно разграничить, автор также рассматривает конкретные работы ученых в сфере прагматики и дискурс-анализа. В статье описаны различные подходы к определению концептов «текст» и «дискурс» через анализ исследований в области лингвистики текста и дискурс-анализа. Кроме того, автор представляет ретроспективу развития данных понятий с момента их возникновения и до настоящего времени. Также описываются основные школы прагматики — Англо-американская и Континентально-европейская школы (Huang 2016) — и сопоставляются их идеи в области дискурс-анализа. В понимании автора прагматика отличается от дискурс-анализа, но в то же время является для него необходимым источником: не имея достаточных знаний прагматики и ее взаимосвязи с дискурс-анализом, невозможно анализировать дискурс (Alba-Juez, 2009:46). В статье также рассматриваются некоторые значимые для исследования понятия и вопросы, например *контекст, сознание и культура*, а также обозначена необходимость развития прагматической компетенции.

Ключевые слова: прагматика, дискурс, дискурс-анализ, контекст, сознание, культура

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 августа 2016

Дата принятия к печати: 20 сентября 2016

Для цитирования:

Alba-Juez L. Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 43—55.

Сведения об авторе:

Лаура Альба-Хуэс, доктор, профессор, заместитель декана филологического факультета, координатор докторских программ по филологии в Национальном университете дистанционного образования (Мадрид, Испания). *Сфера научных интересов:* анализ дискурса, прагматика, межкультурная коммуникация, общее языкознание. *Контактная информация:* <https://portal.uned.es>; e-mail: lalba@flog.uned.es

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

В.И. Карасик

Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
400066, Волгоград, Россия, проспект Ленина, д. 27

В статье обсуждаются подходы к изучению и описанию дискурса, обусловленные функциями речи и разработанными в лингвистике и других областях гуманитарного знания моделями коммуникативной ситуации (М.М. Бахтин, Ю. Лотман, J. Habermas, M. Halliday). Они характеризуют содержание общения, его типовых участников, тональность, канал и акциональную природу. Эти подходы взаимодополнительны и дают возможность синтезировать достижения лингвистики текста, социолингвистики, прагмалингвистики и собственно теории дискурса. Их объединяющим центром является дискурсивная личность — человек как участник общения, проявляющий себя в разных типах коммуникативных ситуаций. Вместе с тем каждый из этих подходов преимущественно сориентирован на определенный тип личности и тип ситуаций. В рамках тематического подхода к дискурсу в фокусе оказывается содержание общения и основные форматы представления содержания в тексте и подтексте. Субъектный подход к моделированию дискурса сориентирован на установление и описание характеристик личностно-обусловленного и статусно-обусловленного дискурса, в первом случае в поле зрения исследователей оказывается бытовое и бытийное общение, во втором — институциональное общение. Используя инструментальный подход к интерпретации дискурса, исследователи получают возможность выделить и описать доминирующую тональность общения. Режимный подход к дискурсу направлен на выявление характеристик канала и средств осуществления общения. Акциональное понимание дискурса дает возможность охарактеризовать поведение личности в разных коммуникативных ситуациях, инкорпорированное в систему социального взаимодействия участников общения в соответствии с принятыми в этой системе культурными прецедентами.

Ключевые слова: дискурс, личность, тематика общения, участники общения, коммуникативная тональность, коммуникативный канал, коммуникативное действие

1. ВВЕДЕНИЕ

Дискурс — текст, погруженный в жизнь (Арутюнова, 1990), — порождается участниками общения и характеризует их. В этом смысле теория дискурса, или дискурсология, дает возможность рассмотреть личность коммуниканта с разных точек зрения. Теория дискурса представляет собой одно из наиболее активно развивающихся направлений коммуникативной лингвистики (Борботько, 1998; ван Дейк, 2010; Демьянков, 2005; Карасик, 2002; Кашкин, 2010; Кибрик, 1994; Ларина, 2009; Манаенко, 2003; Олянич, 2004; Плотникова, 2000; Савицкий, 2013; Седов, 1999; Степанов, 1995; Тюпа, 2010; Чернявская, 2009; Fairclough, 2003; Hymes, 1986; Pearson, de Villiers, 2006; Slembrouck, 2002; Trapex-Lomax, 2004).

Существующие подходы к классификации типов дискурса можно условно разбить на пять типов: тематический (о чем идет речь), субъектный (кто принимает участие), инструментальный (как выражается содержание диалога), режимный

(каким каналом общения пользуются коммуниканты), акциональный (какое социальное действие совершается). Выделение этих подходов обусловлено функциями речи и разработанными в лингвистике и других областях гуманитарного знания моделями коммуникативной ситуации. Базовыми для данной работы являются диалогичность как базовая характеристика языка, по М.М. Бахтину (Бахтин, 1986), типология социального действия, по М. Веберу и Ю. Хабермасу (Habermas, 1984), семиотическая модель коммуникации, по М.А.К. Халлидею (Halliday, 1978) и противопоставление коммуникации и автокоммуникации, по М.Ю. Лотману (Лотман, 1973).

2. ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДИСКУРСИВНОГО ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

2.1. Тематический подход к дискурсу

Тематический, или референциальный, подход к дискурсу позволяет выделить бесконечное множество его типов — экологический, экономический, гастрономический, филателистический и т.д. Достоинство этого подхода — детальный анализ предметной стороны общения, выделение его единиц и ситуативно обусловленных смыслов, которые специфичны для каждого дискурса. Именно эти смыслы имеют лингвокультурную значимость.

Этот подход соответствует сути когнитивно-дискурсивных исследований. Так, например, анализ русского экономического сознания, проведенный с опорой на историческое развитие слов, обозначающих отношение к труду, позволил выявить четыре основных концепта, которые объясняют исторически сложившееся понимание трудовой деятельности в России: самой престижной является *служба* князю, далее следует *труд* (прототипным является труд земледельца) как условие выживания, третье — это домашние *хлопоты* как женское занятие, и на последнем месте находится принудительная *работа*, не предусматривающая вознаграждения (Яроцкая, 2013, с. 200).

Осмысление и обсуждение этих концептов разворачивается в коммуникативных ситуациях, которые порождают дискурс о труде.

Наиболее значимые для народа выводы о видах труда и утилитарных и моральных его характеристиках зафиксированы в паремиологическом фонде и включают, как показано в цитируемом исследовании, следующие частные темы: 1) отношение к труду, 2) разновидности трудовой деятельности, 3) распределение трудовых обязанностей и приложенных усилий, 4) вознаграждение за труд, 5) ритм трудовой деятельности, 6) способы уклонения от труда, 7) коллективный либо индивидуальный характер трудовой деятельности. Цитируемый автор выделяет полярные позиции субъектов, оценивающих труд: это моралист-праведник и прагматик (ср. *Трудами не хвались, а гордись. — Дураков работа любит*). Тематический подход к дискурсу позволяет выделить значимые для той или иной лингвокультуры типажи, которые являются действующими лицами в реальности и художественных произведениях.

Тематический подход к дискурсу сосредоточен на анализе текста как данности филологического исследования, ситуативные характеристики общения в этом

случае реконструируются на основе соответствующего текста. Отсюда же вытекают и дискурсивно значимые правила интерпретации подтекста в том или ином жанре общения.

В лингвистической литературе высказано обоснованное суждение о том, что культуры могут быть противопоставлены по признаку развернутости дискурсивного обозначения реальности в диалоге. Такое различие формулируется в терминах «семантический стиль» — «семиотический стиль», первый тяготеет к вербализации мыслей и переживаний, второй — к сочетанию вербального и невербального способов коммуникации. Первый эксплицитен, его примером может быть англоязычное общение, второй имплицитен, его иллюстрацией является общение на урду (Hasan, 1984, p. 106—108). Для семиотического стиля общения характерно использование внешних (экзофорных) способов связи между предметами речи, для семантического — внутренних (эндофорных), к последним относятся анафора и катафора, т.е. указание на нечто предшествующее и последующее. К типичным экзофорным знакам в речи относятся фразы, предполагающие ситуативную определенность предмета речи: 1) *I'll need to get a bit higher (higher than what?)* — Мне нужно подняться повыше (повыше, чем что?), 2) *Don't touch the books (what books?)* — Не трогай книги (Какие книги?), 3) *Has she already left? (Who?)* — Она уже уехала? (Кто?), 4) *What was John on about? — Tell you later.* — О чем говорил Джон? — Потом скажу (там же, с. 111—120).

Соглашаясь с автором относительно правомерности противопоставления семантического и семиотического стилей общения, замечу, что семантический стиль является неотъемлемым признаком письменной речи, а семиотический относится к речи устной. Фактически при сравнении английского и урду в их функционировании автор неявно проводит в жизнь мысль о том, что урду существует преимущественно в устно-разговорном формате языка. Кроме того, такое противопоставление в значительной мере обусловлено типом личности, использующей тот или иной формат речи.

Принято считать, что экстравертам свойственно в большей мере использовать устную разновидность языка, в то время как интроверты склонны в большей мере раскрывать свой внутренний мир в письменном формате речи.

Наконец, в данном случае существенную роль играет образовательный статус и вид профессиональной деятельности личности. Есть профессии, не предполагающие вербального общения для осуществления деятельности, профессии, для которых такое общение и есть суть деятельности, а также существует множество промежуточных видов профессиональной активности.

2.2. Субъектный подход к дискурсу

Второй подход к изучению дискурса можно определить как субъектный, в фокусе находятся типизируемые ситуативно-личностные характеристики участников общения. Предлагается выделить личностно-обусловленное и статусно-обусловленное общение (Карасик, 2002). В первом случае участники общения хорошо знают друг друга либо ведут себя так, будто хорошо знакомы. Можно выделить два основных типа такого коммуникативного взаимодействия — бытовое и бытийное.

Бытовой дискурс разворачивается между людьми, тесно объединенными общей базой пресуппозиций и решающими обиходные вопросы. Это близкие люди, члены семьи, родственники, которые часто видят друг друга, друзья и хорошие знакомые. Разговор между ними идет на сокращенной дистанции (по Э. Холлу), включает жаргонные слова, недоговоренности, принципиально не связан с отвлеченной тематикой, не предполагает объяснений и четкого проговаривания мысли и в целом является пунктирным. В своем предельном выражении такой диалог сводится к обмену жестами и междометиями. И, разумеется, бытовое общение носит устный характер, хотя может включать записки или обмен смс-сообщениями.

Бытийный дискурс тематически бесконечен и касается вопросов смысложизненного порядка. В ходе такого общения его участники стремятся максимально раскрыть свое внутреннее Я, нацелены на взаимопонимание, но осознают, что в таком общении понять друг друга вряд ли можно с исчерпывающей полнотой. Это разговор по душам, исповедь, произведения художественной литературы, философские и психологические беседы.

Обратим внимание на то, что в бытовом дискурсе взаимопонимание бывает достаточно полным, поскольку ориентация в предметном мире носит живой указательный характер. В бытийном дискурсе такая ориентация невозможна, между его участниками всегда остается некоторый смысловой зазор, и поэтому часто имеет место рассогласованность смыслов, которую Ф.И. Тютчев категорически охарактеризовал в хрестоматийно известных строках: *«Мысль изреченная есть ложь»*. В этом плане бытийный дискурс сближается с бытовым: в стремлении максимально понять Другого мы обречены прийти к молчанию. Взаимопонимание в бытийном дискурсе есть идеал, а в бытовом дискурсе — норма. Бытийное общение в значительной мере тяготеет к письменному выражению чувств и мыслей, оно требует сосредоточенности и не обусловлено задачами синоминутной практики. Бытийное общение вторично по отношению к бытовому, оно возникает в коммуникативной практике на определенном этапе созревания личности и, по замечанию Г.П. Щедровицкого, доступно не всем: *«Отправления человеческой головы — это еще не мышление. Мышлением отправления человеческой головы становятся только тогда, когда они, эти отправления, соответствуют определенной культурной норме»* (Щедровицкий, 1997). Впрочем, те, кто обходится без бытийного мышления, дискомфорта не испытывают.

Бытийное общение насыщено символами, и его главная разновидность — поэтический дискурс, в котором, по И. Бродскому, заключается видовое отличие человечества. Интерпретация поэтического текста представляет собой не только диалог читателя с автором, но и с самим собой и своими современниками. В качестве примера приведу текст Геннадия Леонидовича Каневского, современного российского поэта, произведения которого насыщены экзистенциальными символами.

*я говорит салтыков щедрин
зверь обличитель зла
хочешь прорваться звони один
звёздочка треск ноль два*

*сотни томов восковых неправд
прадед секунд-майор*

*радуйся имя твоё виноград
на языке моём*

*я продолжает тулуз лотрек
средней руки горбун
я только в эти холсты одет
в эти штрихи обут
код мой магнит мой на карте крап
шулерский мой приём*

*радуйся имя твоё виноград
на языке моём*

*гроздью корми оплети лозой
чтобы глядеть в зрачки
не отрываясь и по одной
строчки мои зачти
писано оцупью наугад
сунуться рылом в калашный ряд
крикнуть в дверной проём
слышишь ли пастырь овечьих стад
слышишь садовник идущий в сад*

радуйся имя твоё

Это диалог, в котором принимают участие несколько персонажей. На первый взгляд, такими персонажами являются известные герои мировой культуры, автор и Творец мироздания. Речь идет об авторах, о тех, кто создает произведения культуры.

М.Е. Салтыков-Щедрин, русский писатель, язвительный критик-реалист, — первая маска, первый актер, выходящий на сцену и обращающийся к читателю или к Богу. Автохарактеристика включает следующие признаки: обличение зла, суровая манера такого обличения (зверь), затем следует приглашение вступить в контакт, допускающее ряд интерпретаций. Например, Номер 02 в России — это вызов милиции. № 102 при перекодировке в буквы на английском языке превращается в алфавитный ряд a, b, c. Вполне возможно, что перед нами — псевдоаллюзия, отсылка к несуществующему прецедентному феномену. Этот смысловой ряд открыт, и понятно, что номер является ключом к базовой информации. Попробуем ответить на вопрос: зачем нужно прорываться к обличителю зла? Скорее всего, чтобы излить жалобу и восстановить справедливость. Это объяснение поддержано выразительным образом «*сотни томов восковых неправд*». На восковых дощечках раньше учились писать, значит, пробный вариант — это неправда. Вторая возможная интерпретация — музей восковых фигур, попытка вернуть мертвых, т.е. неправда в ином проявлении. Затем следует интересная биографическая деталь о прадеде. Секунд-майор гвардии — это чин шестого класса Петровской табели о рангах, соотносимый с армейским полковником (премьер-майор гвардии

соотносился с бригадиром). Этот чин существовал в XVIII в. и затем был упразднен. Возможно, речь идет об унаследованном благородстве.

Первый ответ, который получает обличитель, это — признание и благословение: «*Радуйся!*». И далее следует удивительный текст, который трижды повторяется и является стержневым для всего стихотворения «*Имя твое виноград на языке моём*». Следовательно, существует божественный язык, в котором есть слова, внешне совпадающие со словами обыденного земного языка, но имеющие иные значения. Виноград в этом контексте — не вьющееся растение с гроздьями сочных ягод, а нечто иное, вероятно, сладость. Значит, тот, кто обличает зло и тем самым восстанавливает справедливость, удостоен высшей милости поэта.

Второй актер, выходящий на сцену, заявляет, что он — Тулуз-Лотрек. Известно, что этот французский постимпрессионист был калекой, после переломов ног перестал расти и передвигался с помощью костылей. На его полотнах изображены танцовщицы, женщины легкого поведения, известные монмартрские кабаре. Он характеризует себя иронически-уничижительно — «*средней руки горбун*», но далее говорит о себе, что вся его жизнь — в искусстве: «*я только в эти холсты одет, в эти штрихи обут*». Анри де Тулуз-Лотрек рисовал жизнь парижского полусвета и сроднился с ней. Он признается на исповеди, что не играл честно — он считает себя шулером. Возможно, он ждет осуждения за то, что все принес в жертву искусству, в этом — его код, его прочтение. Но в ответ он получает благословение, как и его предшественник. Значит, тот, кто сторае в творческом огне, также удостоен милости.

Следующим персонажем является читатель, к которому прямо обращается поэт. Творчество требует самого прямого контакта — «*чтобы глядеть в зрачки*». Фраза «*строчки мои зачти*» допускает двойное понимание в зависимости от осмысления императива «*зачти*»: зачитать вслух или зачесть. На мой взгляд, первый вариант более вероятен, поскольку стихотворение живет в пространстве звучания. Поэт говорит, что строки пришли к нему свыше, по наитию: «*писано ошупью, наугад*», и понимает, что не может говорить с Создателем на равных: «*сунуться рылом в калашный ряд*» (этот сниженный фразеологизм «*со свиным рылом — в калашный ряд*» используется, когда хотят сказать, что кто-то ведет себя не по статусу). Строка «*крикнуть в дверной проем*» допускает двойное толкование: стоящий перед открытой дверью находится в доме либо на улице. Мне представляется, что первый вариант предпочтительнее, поскольку далее поэт обращается к одному и тому же персонажу в двух его традиционных ипостасях — пастырь и садовник, т.е. к Богу, находящемуся снаружи. В ответ он слышит благословение, которое получено от самого Создателя, причем, это благословение завершается неоконченной фразой, мы ее можем легко восстановить по двум предшествующим ответам.

Впечатляет чеканный ритм этого стихотворения, в основе этого ритма — четырехстопный дактиль с мужской рифмой, очень редкий размер в русской поэзии. Отказ автора от знаков препинания и прописных букв можно, вероятно, истолковать как выход на особый уровень организации текста, в чем-то похожий на поток сознания. Тема этого произведения — творчество, этот концепт получает

различные способы выражения, причем концентрация смысла достигается, главным образом, за счет многомерных аллюзий, разрыхления семантики слов, смысловых разрывов между фразами и фонетико-ритмической ткани стихотворения. Эта тема развивается в нескольких направлениях: творчество как восстановление правды, как отказ от бытовых благ и условностей, как мучительный поиск идеала и как благодать. Разумеется, эта интерпретация является одной из возможных.

Бытийное общение воплощается в художественном тексте, различные аспекты изучения которого составляют традиционный предмет филологических исследований (Зубова, 2010; Исаева, 1996; Тюпа, 2010).

Статусно-обусловленное общение представляет собой диалог людей, воспринимающих друг друга как представителей определенной группы. Такой дискурс носит сугубо функциональный характер и обусловлен практическими потребностями общества.

Этот тип общения, выделяемого на основании субъектного критерия, может быть институциональным и неинституциональным. В первом случае такой дискурс обусловлен целью и задачами того или иного социального института, т.е. организации, функционирующей для удовлетворения определенной социальной потребности — установление и поддержание закона (юриспруденция), защита от внешнего нападения (вооруженные силы), социализация новых членов социума (педагогика), утверждение вероучения (религия), борьба за власть (политика), распространение информации (масс-медиа), лечение болезней (медицина), познание мира (наука) и др. Во втором случае это общение незнакомых людей, например, обмен репликами о том, как пройти к тому или иному месту.

Список социальных институтов ограничен, исторически изменчив и цивилизационно обусловлен. Общение в рамках социального института представляет собой институциональный дискурс. Этот тип общения относительно жестко детерминирован в тематическом плане, хотя здесь можно установить шкалу тематической закреплённости дискурса: самыми жесткими видами институционального дискурса являются юридический и религиозный дискурс в их определенных жанрах, относительно свободным принято считать педагогический и научный дискурс. Исследования типов институционального дискурса активно ведутся в современной лингвистике (Бейлинсон, 2009; Бобырева, 2007; Буряковская, 2014; Дубровская, 2010; Желтухина, 2004; Колтунова, 2006; Коньков, 1996; Кочетова, 2013; Олешков, 2012; Палашевская, 2012; Ракитина, 2006; Шейгал, 2004).

Институциональный дискурс удобно описывать, используя модель коммуникативной ситуации, в частности, известную модель Д. Хаймса, обозначенную в виде акронима SPEAKING — Situation (ситуация), Participants (участники), Ends (цели), Act Sequences (последовательность коммуникативных действий), Keys (тональность), Instrumentalities (средства), Genres (жанры) (Hymes, 1977).

Эта социолингвистическая модель может быть уточнена в следующей схеме: 1) системообразующая цель дискурса (соответствует цели социального института, в частности, политика — борьба за власть), 2) участники (выделяется пара субъектов, один из которых представляет этот дискурс, а другой является внешним

по отношению к нему, например, врач и пациент), 3) хронотоп (термин М.М. Бахтина, типичное время и место осуществления такого общения, например, урок проходит в классе и длится определенное время), 4) ценности (приоритеты в организации соответствующего института, выражающиеся в присущей ему системе предписаний, запретов и обыкновений, например, в артистической среде принято сопровождать аплодисментами вынос тела во время похорон артиста), 5) коммуникативные стратегии (целесообразные последовательности речевых действий, направленные на достижение определенных целей, состоящие из коммуникативных тактик и предусматривающие использование определенных средств (например, в рамках педагогического дискурса выделяются стратегии объяснения, контроля, оценки и др.), 6) коммуникативные жанры (исторически сложившиеся ситуативно закреплённые разновидности дискурса с присущими им текстотипами, например, жанр инаугурационной речи в политическом дискурсе), 7) коммуникативные формулы (вербальные и невербальные знаки, позволяющие определить тип дискурса, например, выражение «Отставить», используемое военнослужащими в их профессиональном общении).

Приведу пример исследования институционального дискурса на материале жанра политического интервью (Попова, 1995).

Политический дискурс объективно выделяется на основании следующих конститутивных признаков.

1. Тематически этот тип общения определяется полями функционирования политического языка и целевыми установками партнеров по коммуникации. Его основным тематическим определителем является концепт «борьба за власть».

2. В политическом дискурсе мы имеем дело с одной целью: сознательное изменение или стабилизация власти. Даже если эта цель четко не просматривается или скрыта, она оказывает свое влияние на презентацию информации. Для достижения цели любым политиком выбирается определенная стратегия общения.

3. Своеобразие речевого общения политиков состоит в отборе и организации лексико-фразеологических единиц в соответствии с прагматическими установками, целями и условиями общения, сложившимися в процессе профессиональной деятельности политика. В речи политиков получают языковое выражение отношения власти. Такие характеристики языка, как подвижность семантической структуры слова, трудность отграничения коннотаций от прямых денотативных значений, вариативность денотативных и коннотативных значений одних и тех же языковых знаков под влиянием социальных факторов, многокомпетентность как лексического, так и прагматического значения, наличие объективного и субъективного в значении, синонимические и ассоциативные связи слов, модальность высказываний, оценочность семантики и др., преднамеренно и целенаправленно используются политиками.

4. Дискурс строится не только по линии содержательной связи. Реализуя единство функций общения и познания, дискурс включает в себя структуры, относящиеся к акту общения, метатекстовые элементы (структурно-смысловые коннекторы). К средствам метатекстового характера относятся, например, обращения, клише, приветствия, прощания.

5. Достижение определенных целей в общении обосновывает использование аргументативных схем. Аргументацию можно охарактеризовать как особый вид коммуникации, суть которой заключается в специфическом воздействии на сознание адресата посредством языковых выражений, организованных в соответствии с принятыми в данной культуре принципами убеждения. Политической аргументации в целом присуща некоторая агрессивность, считающаяся признаком объективности и заинтересованности.

6. При исследовании политического дискурса целесообразно сочетать методы контекстуального анализа и социолингвистического анализа (в частности, прием протокольных предложений).

Методика определения протокольных предложений политического дискурса, выступающего в виде газетного интервью, позволяет получить объективные критерии для выделения и классификации его типов применительно к газетным интервью и состоит в следующем: а) определить тему и подтемы интервью, б) составить план текста, в) соотнести пункты плана и подтемы, г) сформулировать подтемы в виде протокольных предложений по образцу: *Некто делает/делал что-то с такой-то целью таким-то образом по такой-то причине в определенном месте в определенное время.*

Внося в это предложение модальную рамку: с точки зрения интервьюирующего это хорошо/плохо, известно/ново, факт/нефакт, — мы получаем формулу протокольных предложений:

Sa (оценка, новизна, фактуальность) (Пропозиция: *Sp* + *V* (действие или состояние) + *O* (одушевленный / неодушевленный объект) + *D* (цель, причина, мотив, способ, место, время)),

где: *Sa* — аксиологический субъект, *Sp* — субъект пропозиции, *V* — предикат, *O* — объект, *D* — детерминат.

Данная методика реализуется на примерах анализа газетных интервью с политиками. Аналогичным образом рассматриваются другие типы институционального дискурса в рамках предложенной концепции.

2.3. Инструментальный подход к дискурсу

С иных позиций можно выделить типы дискурса, придерживаясь инструментального подхода к его интерпретации, т.е. анализируя способы выражения содержания общения, его средства и стиль. Стилистика дискурса соответствует его основной тональности, т.е. эмоционально-стилевому модусу общения. Соответственно, в каждом из этих типов общения проявляется личность, ведущая себя определенным образом. Можно выделить следующие типы коммуникативной тональности (Карасик, 2009):

1) информативная тональность — серьезное нейтрально-эмоциональное общение, целью которого является взаимное либо одностороннее информирование и реакция на него;

2) фатическая тональность — вариативное динамичное общение, целью которого является обеспечение комфортного диалога;

3) статусная тональность — вариативное общение, целью которого является взаимное позиционирование коммуникантов;

4) шутливая тональность — несерьезное сниженное эмоциональное общение, целью которого является сокращение дистанции между коммуникантами;

5) торжественная тональность — ритуально-возвышенное общение, целью которого является подтверждение коллективной идентичности;

6) идеологическая тональность — серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим;

7) фасцинативная тональность — (*fascination* — лат. очарование) серьезное эстетическое общение, сориентированное на форму речевого поведения, целью которого является получение удовольствия;

8) гипотетическая тональность — серьезное общение, сориентированное на обсуждение отвлеченных тем, целью которого является поиск истины;

9) агрессивная тональность — сниженное эмоциональное общение, целью которого является подавление партнера;

10) эзотерическая тональность — экзальтированное общение, направленное на поиск тайных знаков, целью которого является получение сакрального знания;

11) менторская тональность — серьезное общение, направленное на жесткий контроль поведения партнера с опорой на авторитет знаний и традиций, его целью является демонстрация своего превосходства.

Список можно продолжить. Сюда относится, например, провокативный дискурс (Степанов, 2003). Каждый тип тональности имеет присущую ему систему средств коммуникативного выражения — жестомимическую, интонационную, лексико-фразеологическую, синтаксическую и текстово-стилистическую в плане выбора определенных текстотипов как ориентиров для манеры общения. Описать ту или иную манеру речи мы можем, используя обстоятельство образа действия: он сказал это шутливо, с серьезным видом, ехидно, как приговоренный к смерти и т.д.

Подобно тому, как не может быть человека, который общается только в рамках институционального дискурса в той или иной его разновидности (это был бы робот), так и не может быть коммуниканта, способного вести диалог в любой ситуации только в одной тональности. Вместе с тем есть люди, которые чаще других прибегают к определенному стилю поведения — скептики, шуты, зануды, светские болтуны, сплетники и т.д. Их поведение в этом смысле соответствует типажной характеристике и выражается в сравнении: он ведет себя как клоун, зазнайка, задира и др. Информативный дискурс в этом плане представляет собой некий условный стандарт коммуникативного поведения, будучи противопоставленным другим типам общения.

Фасцинативный дискурс представляет собой общение, системными признаками которого являются эмоциональная личностная привязанность к содержанию получаемой информации, возрастание значимости этой информации при каждом последующем ее восприятии, зависимость содержания информации от формы ее выражения. Так, ребенок просит рассказать ему перед сном сказку, содержание

которой он уже знает наизусть. Из этого вытекает, что художественная литература должна быть по определению фасцинативной. Подлинное произведение искусства волнует нас при вторичном обращении к нему не менее, чем в первый раз. Но из этого не следует, что фасцинативность закреплена только за текстами, относящимися к произведениям искусства, этот тип общения ситуативно и лично-лично маркирован. Например, новоиспеченный обладатель диплома об окончании университета читает свой документ, и с каждым последующим прочтением этот текст нравится ему все больше. Сказанное справедливо и для индивидуальной специфики восприятия художественного текста. Есть люди, которым не нравится поэзия, есть те, кто не получает эстетического удовольствия от произведений, которые другим нравятся.

В отличие от фасцинативного восприятия определенного содержания его сугубо информативное восприятие отличается тем, что ценность соответствующего текста становится все меньше для его получателя. Информативный текст не является лично-лично маркированным и предназначен для одноразового употребления. Эта специфика информативного общения прослеживается и при рассказывании шуток и анекдотов. Не случайно в русском фразеологическом фонде бытует выражение «бородатый анекдот» — старый анекдот, который всем известен и уже никого не веселит.

Противопоставление между фасцинативной и информативной тональностью восприятия дискурса ярко проявляется в зависимости такого восприятия от формы выражения содержания: информативный текст поддается сжатию, пересказу и переводу, в то время как фасцинативный текст теряет свою ценность в результате таких модификаций. Дайджесты художественных произведений не относятся к сфере художественной литературы, и при переводе художественного текста неизбежны потери (известное ироническое четверостишие одного из переводчиков: *Луна взошла на небосвод и отразилась в луже, как стихотворный перевод — похоже, но похуже*).

Следует подчеркнуть, что один и тот же текст может быть осмыслен информативно либо фасцинативно, вместе с тем здесь уместна параллель с противопоставлением понимания и понятности текста (Демьянков, 1983). Подобно объективно устанавливаемой степени понятности текста может быть определена степень его фасцинативности, поскольку есть коммуникативные ситуации и порождаемые в них типы дискурса, предназначенные преимущественно для эстетического восприятия либо для утилитарного использования.

2.4. Режимный подход к дискурсу

Этот ситуативный подход к дискурсу предполагает учет специфики общения, обусловленной его каналом. Дискурс может быть устным и письменным, контактным и дистантным, свободным и протокольно фиксируемым, традиционным и электронно опосредованным, стандартным и инскриптивным (инскрипции — надписи на стенах, одежде, девизы на монетах и т.д.).

Такой ракурс рассмотрения дискурса позволяет сфокусировать внимание на его характеристиках, связанных с наличием или отсутствием времени на де-

тальное обдумывание высказывания, с осознанием моральной и юридической ответственности за сказанное, с возможностью получать невербально выраженную информацию о коммуникативном партнере, с осмыслением виртуальности собеседника, который, возможно, выдает себя за кого-то другого, с пониманием условности городских инскрипций.

Важнейшей характеристикой режимного моделирования дискурса является учет коммуникативной дистанции, по Э. Холлу. Ученый выделил и описал четыре базовые коммуникативные дистанции — интимную (объятия, ребенок на руках у матери), дружескую (коммуниканты ведут беседу на расстоянии примерно двух метров, это обычная дистанция для обиходного дружеского общения), социальную (общение с полужнакомыми или незнакомыми людьми в официальном режиме), публичную (выступление оратора перед аудиторией) (Hall, 1969).

Наряду с особенностями дистанции режимный подход к дискурсу фокусирует внимание исследователей на коммуникационно-технических возможностях общения. Это ярко выражается в компьютерно-опосредованном дискурсе. В последние годы изучение этого типа общения привлекает к себе большое количество исследователей (см. обзоры в работах: [Лутовинова, 2009; Галичкина, 2012; Щипицына, 2011]).

Заслуживает внимания концепция Е.Н. Галичкиной, которая суммирует свои наблюдения следующим образом: «Анализ научных публикаций о компьютерном общении дает возможность противопоставить его конститутивные и аддитивные признаки. К первым относятся 1) бимодальность — возможность двух режимов общения (актуального и сетевого), 2) металинейность — наличие гипертекста как системы разнородных связей данного текста с другими текстами, типами дискурса и способами редактирования текста, 3) креолизуемость — возможность включения мультимедийных иконических знаков в последовательность вербальных сигнальных знаков.

Аддитивные признаки компьютерного общения обусловлены современной цивилизацией и сводятся к следующим: 1) американизация — внедрение норм коммуникативного поведения американской культуры как основного источника культуры глобализационной, 2) ювенилизация — ориентация на нормы игрового молодежного поведения как доминирующего образца современной массовой культуры, 3) виртуализация — обратное влияние сетевого общения на общение актуальное в его различных жанрах (восприятие размытого времени, сближение пространства, множественная самоидентификация), 4) презентационность — акцентирование своего имиджа для продвижения своего контента как товара или продукта, уподобляемого товару, 5) фетишизация — оценочная трансформация картины мира под влиянием представлений об уподоблении мира компьютеру, обусловленная перенесением характеристик инструмента на субъектов, использующих инструмент» (Галичкина, 2012: 18—19). Обратим внимание на виртуализацию общения как размывание личности участника компьютерного диалога.

Одной из характеристик режимного подхода к дискурсу является его организационная составляющая, которая позволяет выделить участников спонтанного и подготовленного общения.

Спонтанный дискурс органически встроен в коммуникативную ситуацию и выступает в качестве одного из проявлений поведенческого взаимодействия людей. Мы общаемся с близкими дома или где-то еще, встречаемся с коллегами на работе и обмениваемся с ними фразами, спрашиваем в незнакомом городе прохожих, как пройти в то или иное место. Мы выполняем те или иные действия и при этом, когда ситуация этого требует, обмениваемся репликами.

Подготовленный дискурс имеет принципиально иную природу, мы взаимодействуем исходя из целей такого дискурса. Такова природа институционального общения: мы решаем производственные вопросы, которые обусловлены задачами функционирования социального института, т.е. эти вопросы программируют наше поведение, прежде всего коммуникативное, и делают дискурс подготовленным. Есть разные модусы подготовленности общения, которое может быть представлено в этом плане в виде условной шкалы, на одном полюсе которой жестко программируемое коммуникативное поведение, например, во время судебного заседания, а на другом — максимально свободное, не регулируемое тематикой или характеристиками места и времени общения, это разговор с близкими людьми.

Между этими полюсами располагается бесконечное множество коммуникативных ситуаций, предполагающих ту или иную степень планируемости поведения, самоконтроля его участников, использования принятого в данной лингвокультуре коммуникативного стиля.

Подготовленный дискурс может включать заранее заготовленные тексты как единицы общения, например, во время переговоров, но может быть сориентирован на порождение и восприятие текстов, которые вербально не были продуманы и отредактированы заранее, но обусловлены задачами общения и поэтому не могут выходить за рамки определенной тематики (диалог экзаменатора и экзаменуемого).

2.5. Акциональный подход к дискурсу

Такое понимание дискурса является прагмалингвистическим по своей сути, поскольку общение рассматривается в неразрывной связи с поведением субъектов и совершаемыми ими действиями. В изучении социокультурных характеристик коммуникативного действия значимыми оказываются его следующие параметры: 1) доминанта цели, ценности, традиции или эмоции как интенциональная программа действия, 2) рациональность/спонтанность как реактивная основа действия, 3) ориентированность на согласование, иллюкцию или перлокцию как координационная характеристика, 4) перформативность/неперформативность как фактологичность действия, 5) личная/статусная маркированность как показатель диапазона индивида в рамках совершаемого действия, 6) вербализованность/невербализованность как семиотическая характеристика (Митягина, 2007).

Интересный подход к изучению дискурса с позиций его акциональной природы предложен Е.Н. Горбачевой, рассматривающей общение как взаимодействие его участников, в ходе которого происходит фактуализация явлений. Это качество общения осмысливается как дискурсивная перформативность, и его конститутивные признаки таковы: а) ситуация лично обусловленного волевого принятия

решений, б) осуществление свободного выбора, в) ответственность за совершенное действие, г) преобразующий характер деятельности, д) ценностная детерминация действия, е) превращение явления действительности в факт языкового сознания и культуры (фактогенность), ж) система способов коммуникативного осуществления поступка (стратегичность) (Горбачева, 2016).

Типичной разновидностью акционального понимания дискурса является манипулятивное общение. Манипуляция — двуплановый поступок с демонстрируемой интенцией принести благо кому-либо и скрываемой интенцией получить выгоду — является одним из основных модусов воздействия на адресата и противопоставляется прямому силовому воздействию в виде запретов, предписаний и угроз (физическое или психическое принуждение), апелляции к авторитету (моральное принуждение) и аргументации (логическое принуждение) (Kramarae, Schulz, O’Barr, 1984).

Манипулятивное воздействие граничит с эмоциональным заражением и внушением, но отличается от последних тем, что в большей мере сориентировано на сознание, в то время как названные модусы влияния на личность в качестве объекта сориентированы на подсознание.

Яркий пример прагматически организованной манипулятивной подачи информации представлен в аналитической статье заместителя директора Института политического и военного анализа Александра Храмчихина «Конец цивилизации начнется с боевых роботов»:

Перспективным направлением является создание безэкипажных систем, или боевых роботов. Они особенно ценны для западных армий, которые патологически боятся человеческих потерь. Уже сейчас широко используются роботы-саперы, правда, в основном спецслужбами (www.lenta.ru, 07.02.2015).

Автор статьи использует значимое уточнение при характеристике перспективы военных технологий: западные стратеги «патологически боятся человеческих потерь». Наречие «патологически» в этом контексте является интенсификатором, но оно сохраняет свое исходное значение: патология противопоставлена норме. Отсюда следует, что с позиций аналитика (или того циничного персонажа, которого этот аналитик имитирует) человеческие потери не должны считаться чересчур важным аргументом при оценке военных технологий. Можно предположить, что автор манипулятивно пытается внедрить в сознание наших читателей идею о несущественности людских потерь для отечественных стратегов и тем самым дискредитировать этих теоретиков. Вместе с тем военно-стратегическая аксиоматика базируется на неизбежности потерь живой силы и техники, и выигрывает тот, кто достигает успеха при минимальных потерях.

Определение языка как средства общения основано на принципе кооперативности в коммуникации: участники общения, как предполагается, стремятся к взаимопониманию (Грайс, 1985). Но в определенных ситуациях коммуниканты ведут себя так, как будто не понимают интенций друг друга. Подобная имитация непонимания осуществляется в разных культурах по стандартным моделям двупланового коммуникативного поведения. Для обозначения подобного положения дел С. Пинкер предложил понятие *innuendo* — скрытый намек (Pinker, 2008).

Иллюстрацией этого типа ситуации является сюжет известной сказки Андерсена о платье голого короля. Характеристики и типы имитируемого непонимания, по нашим данным, еще не были предметом изучения в коммуникативной лингвистике. Имитация непонимания как коммуникативное действие сближается с манипуляцией, но не тождественно ей.

Имитация непонимания при восприятии некоторого предмета реализуется в двух направлениях: затруднение в идентификации объекта и в инструментальном либо символическом его освоении. Например, ситуация на таможне:

А.: Что это?

Б.: Понятия не имею, не знаю, как эта штука оказалась в моем чемодане.

Таможенник показывает на предмет, который запрещен для перевозки. Адресат делает вид, что не знает, что это за вещь, и тут же заявляет о своей непричастности к ее обладанию. Отметим, что таможенник, задавая вопрос, не выражает познавательную интенцию, а требует дать пояснение от пассажира, который нарушает правила.

Примером имитации инструментального непонимания предмета может служить ситуация, в которой один из ее участников делает вид, что не понимает языка, на котором к нему обращаются. Эта ситуация доведена до абсурда в следующем скетче из юмористической программы BBC “Big Train”. Девушка стоит у дороги и останавливает проезжающего велосипедиста:

А.: *Excuse me, do you speak English? — Простите, Вы говорите по-английски?*

В.: *No, I don't, sorry. — Нет, извините.*

А.: *My car has broken down, and I want to have a key where to find a garage. — Моя машина сломалась, мне нужно, чтобы мне подсказали, где я могу найти гараж.*

В.: *It's waste on me, I don't understand what you are saying. — Это потеря времени, я не понимаю, что Вы говорите.*

А.: *You don't speak English at all? — Вы совсем не говорите по-английски?*

В.: *No, not a word. — Ни слова.*

Велосипедист отвечает девушке на беглом английском, и это производит комический эффект.

Имитация непонимания некоторого теоретического рассуждения в специальной сфере знания подразумевает неприятие соответствующей теории:

А.: *Концепты, будучи ментальными образованиями, не всегда находят однословное выражение.*

Б.: *Ничего не понимаю! О чем Вы говорите? Зачем вводить термин «концепт», когда есть хороший термин «понятие»?*

В этой научной полемике один из ее участников ставит под сомнение концепцию своего оппонента. Отметим, что этот тип имитации непонимания весьма часто соответствует положению дел, когда непонимание обусловлено нежеланием понимать.

Разыгрывание непонимания подтекста (либо импликации высказывания) относится к частотным типам коммуникативного поведения:

А.: *Я слышал, сосед, что ты в воскресенье собираешься в город на ярмарку?*

Б.: *Да, хочу поехать.*

А.: А у меня машина некстати сломалась.

Б.: Да ты что! Как жаль!

Говорящий делает прямой намек о том, что хотел бы попасть на ярмарку, а его партнер реагирует на прямой смысл услышанного. Непонимание намека свидетельствует либо о нежелании адресата выполнить обращенную к нему косвенную просьбу, либо о стремлении услышать эту просьбу в прямом выражении и тем самым поставить партнера в зависимость от себя.

Имитация непонимания чужих обычаев и традиций, отраженных в определенных стереотипах, свидетельствует о низкой культуре субъекта и его нежелании принимать иные формы поведения, отличающиеся от его собственных:

А.: Что эта женщина ему говорит?

Б.: В буквальном переводе «Пусть мне будет плохо за тебя».

А.: Что за глупость!

Стереотипная инокультурная реакция выражения сочувствия воспринимается в приведенном примере как нелепое высказывание. В данном случае мы также сталкиваемся с ситуацией, в которой непонимание обусловлено нежеланием понимать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Различные подходы к пониманию дискурса могут быть сгруппированы в определенные типы на основании базовых параметров дискурса, к которым относятся его тематика, характеристики участников, коммуникативная тональность, коммуникативный режим и акциональная природа. Эти подходы взаимодополнительны и не исключают друг друга. Рассмотрение дискурса как многомерного явления дает возможность системно охарактеризовать его диалогическую сущность, показать его встроенность в культуру и коммуникативное поведение, выявить и описать соотношение ситуативных, личностных и собственно текстовых характеристиках общения, раскрыть специфику личностно-ориентированного и институционального дискурса и обосновать предмет изучения антропологической лингвистики — языковую личность в пространстве культуры и коммуникативной практики.

© Карасик В.И., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136—137.
- Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества* / сост. С.Г. Бочаров. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 381—393.
- Бейлинсон Л.С. *Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы: монография*. Волгоград: Перемена, 2009. 266 с.
- Бобырева Е.В. *Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения)*. Волгоград: Перемена, 2007. 375 с.
- Буряковская В.А. *Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков)*. Волгоград: Перемена, 2014. 228 с.

- Галичкина Е.Н. *Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство*. Волгоград: Парадигма, 2012. 322 с.
- Грайс Г.П. Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217—237.
- Гусейнова И.А. *Жанровая организация маркетингового дискурса*. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. 364 с.
- Дейк Т.А. ван. *Язык. Познание. Коммуникация* / Пер. с англ. Благовещенск: Благовещ. гуманитар. колледж, 2000. 310 с.
- Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // *Вопросы языкознания*. 1983. № 6. С. 58—67.
- Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // *Язык. Личность. Текст*: Сборник к 70-летию Т.М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34—55.
- Дубровская Т.В. *Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков)*. М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. 351 с.
- Зубова Л.В. *Языки современной поэзии*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 384 с.
- Исаева Л.А. *Художественный текст: скрытые смыслы и способы их представления*. Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1996. 251 с.
- Иссерс О.С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 285 с.
- Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Карасик В.И. *Языковые ключи*. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
- Кашкин В.Б. *Введение в теорию дискурса*. М.: Восточная книга, 2010. 152 с.
- Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // *Вопросы языкознания*. 1994. № 5. С. 126—139.
- Кочетова Л.А. *Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. 404 с.
- Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
- Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // *Труды по знаковым системам*. Вып. 6. Тарту, 1973. С. 227—243.
- Лутовинова О.В. *Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса*. Волгоград: Перемена, 2009. 476 с.
- Макаров М.Л. *Основы теории дискурса*. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
- Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // *Язык. Текст. Дискурс*: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Ставрополь: Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2003. С. 26—40.
- Митягина В.А. *Социокультурные характеристики коммуникативного действия*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. 356 с.
- Олешков М.Ю. *Педагогический дискурс: учебное пособие*. Нижний Тагил: Нижнетагильск. гос. соц.-пед. академия, 2012. 310 с.
- Олянич А.В. *Презентационная теория дискурса*. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
- Палашевская И.В. *Судебный дискурс: функции, структура, нарративность*. Волгоград: Парадигма, 2012. 346 с.
- Плотникова С.Н. *Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах)*. Иркутск: ИГЛУ, 2000. 244 с.

- Ракитина С.В. *Научный текст: когнитивно-дискурсивные аспекты*. Волгоград: Перемена, 2006. 278 с.
- Савицкий В.М. *Порождение речи: дискурсивный подход*. Самара: Поволжск. гос. соц.-гуманит. академия, 2013. 226 с.
- Седов К.Ф. *Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 180 с.
- Степанов В.Н. *Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации*. СПб.: Роза мира, 2003. 263 с.
- Степанов Ю.С. *Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века: сб. статей*. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 35—73.
- Тюпа В.И. *Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике*. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
- Чернявская В.Е. *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие*. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 248 с.
- Шейгал Е.И. *Семиотика политического дискурса*. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
- Щедровицкий Г.П. *Философия. Наука. Методология*. М.: Школа Культурной Политики, 1997. 656 с.
- Яроцкая Г.С. *Аксиогенез экономического сознания в русской лингвокультуре: монография*. Одесса: Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, 2013. 552 с.
- Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. L.: Routledge.
- Habermas, J. (1984). *The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society*. L.: Heinemann.
- Hall, E.T. (1969). *The Hidden Dimension*. New York: Anchor.
- Hasan, R. (1984). *Ways of saying: ways of meaning / The semiotics of culture and language*. In R.P. Fawcett, M.A.K. Halliday, S.M. Lamb, A. Makkay (ed.). Vol. 1. London: Frances Pinter, 105—162.
- Halliday, M.A.K. (1978). *Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning*. London: Arnold.
- Hymes, D. (1979). *Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach*. London: Tavistock.
- Hymes, D (1986). *Discourse: Scope Without Depth. International Journal of the Sociology of Language*. 57, 49—89.
- Kramarae, C., Schulz M., O'Barr W.M. (1984). *Introduction: Toward an Understanding of Language and Power*. In Language and Power. C. Kramarae et al. (ed.). Beverly Hills: Sage, 9—22.
- Pearson, B., de Villiers P. (2006). *Discourse, Narrative and Pragmatic Development / Encyclopedia of Language and Linguistics*. In K. Brown (ed.). Amsterdam etc.: Elsevier, Vol. 3, 686—693.
- Pinker, S. *The stuff of thought: language as a window into human nature*. Penguin, 2008.
- Slembrouck, S. (2002). *What is meant by discourse analysis?* Retrieved from: <http://banc.rug.ac.be/da>
- Trappes-Lomax, H. (2004). *Discourse Analysis. The Handbook of Applied Linguistics*. In A. Davies, C. Elder (ed.). Malden, Oxford: Blackwell, 133—164.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 октября 2016

Дата принятия к печати: 02 декабря 2016

Для цитирования:

Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 4. С. 56—77.

Сведения об авторе:

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Сфера научных интересов: социолингвистика, лингвокультурология, анализ дискурса, аксиологическая лингвистика. Контактная информация: e-mail: vkarasik@yandex.ru

UDC: 811.111.42

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-56-77

DISCOURSE MANIFESTATION OF PERSONALITY

V.I. Karasik

Volgograd State Socio-Pedagogical University

Lenin Ave., 27, 400066, Russia

The paper deals with approaches to discourse studies. The approaches may be regarded as discourse dimensions associated with models presented and substantiated by M.M. Bakhtin, J. Habermas, Yu.M. Lotman and M.A.K. Halliday. They comprise contents, participants, tonality, channel and communicative actions. The approaches described complement each other and make it possible to synthesize the results achieved in Text Linguistics, Pragmatics, Social Linguistics, and Discourse Studies. They are joined by and oriented towards the concept of Language Personality, i.e. persons who manifest themselves in various kinds of communicative situations. However, each discourse dimension corresponds to a certain type of discourse. A Topic Approach to discourse focuses upon its contents (its referential substance) and specifies the correlation between explicit and implicit meaning expression. A Subject Approach to discourse makes it possible to single out and describe two basic types of communication as presented in Personality bound and Status bound discourse, the former diverges into two subtypes — Habitual and Existential communication, whereas the latter is manifested in various kinds of Institutional discourse. A Tonality Approach to discourse highlights different types of stylistic and emotional modes of communication and correspondingly characterizes personality types who are engaged in such situations. A Regime Approach is concentrated on communication channel and technical peculiarities of behavior determined by those restrictions. An Action Approach to discourse gives us a broader understanding of a performative act, i.e. an action incorporated in culture and a situational behavioral interaction.

Key words: discourse, personality, communication topic, communication participants, communication tonality, communication channel, communicative action

REFERENCES

- Arutyunova, N.D. (1990). *Diskurs* [Discourse]. Moscow: Sov. Entsikl. (In Russian).
- Bakhtin, M.M. (1986). *K metodologii gumanitarnykh nauk* [To the methodology of the humanities]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
- Beylinson, L.S. (2009). *Professional'nyj diskurs: priznaki, funkcii, normy* [Professional Discourse: Features, Functions, Rules]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
- Bobyreva, E.V. (2007). *Religioznyi diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious discourse: values, genres, strategies (based on the Orthodox Christianity)]. Volgograd: Peremena. (In Russian).

- Borbot'ko, V.G. (1998). *Obshchaya teoriya diskursa* [General discourse theory]. Krasnodar. (In Russian).
- Buryakovskaya, V.A. (2014). *Kommunikativnye kharakteristiki massovoj kul'tury v medijnom diskurse (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov)* [Communicative characteristics of popular culture in the media discourse (based on Russian and English languages)]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
- Chernyavskaya, V.E. (2009). *Lingvistika teksta. Polikodovost'. Intertekstual'nost'. Interdiskursivnost'* [Text Linguistics. Polycodedness. Intertextuality. Interdiscursiveness]. Moscow: LIBROKOM. (In Russian).
- Dejk, T.A. van. (2000). *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: Blagoveshch. gumanit. kolledzh. (In Russian).
- Dem'yankov, V.Z. (1983). *Ponimanie kak interpretiruyushchaya deyatel'nost'* [Understanding as interpreting activity]. Moscow: Voprosy yazykoznanija (6), 58—67. (In Russian).
- Dem'yankov, V.Z. (2005). *Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obyden'nogo yazyka* [Text and Discourse as Terms and as Words of Ordinary Language]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur Sbornik k 70-letiyu T.M. Nikolaevoj, 34—35. (In Russian).
- Dubrovskaya, T. V. (2010). *Sudebnyi diskurs: rechevoe povedenie sud'i* [Legal discourse: verbal behavior of the judge.]. Moscow: Akademiya MNEPU. (In Russian).
- Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. L.: Routledge.
- Galichkina, E.N. (2012). *Komp'yuternaya kommunikatsiya: lingvisticheskie status, znakovye sredstva, zhanrovoe prostranstvo* [Computer communication: linguistic status, sign means, genre space]. Volgograd: Paradigma. (In Russian).
- Gorbacheva, E.N. (2016). *Diskursivnaya performativnost': priznaki, tipy, zhanry* [Discursive performance: characteristics, types, genres]. Tambov. (In Russian).
- Grays, G.P. (1985). *Logika i rechevoe obshhenie* [Logic and speech communication]. Moscow: Progress, 217—237. (In Russian).
- Guseynova, I.A. (2009). *Zhanrovaya organizatsiya marketingovogo diskursa* [Genre Organization of Marketing Discourse]. Moscow: IPK MGLU Rema. (In Russian).
- Habermas, J. (1984). *The Theory of Communicative Action*. Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society. L.: Heinemann.
- Hall, E.T. (1969). *The Hidden Dimension*. New York: Anchor.
- Hasan, R. (1984). *Ways of saying: ways of meaning / The semiotics of culture and language*. In R.P. Fawcett, M.A.K. Halliday, S.M. Lamb, A. Makkay (ed.). Vol. 1. London: Frances Pinter, 105—162.
- Halliday, M.A.K. (1978). *Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning*. London: Arnold.
- Hymes, D. (1979). *Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach*. London: Tavistok.
- Hymes, D (1986). *Discourse: Scope Without Depth*. *International Journal of the Sociology of Language*. 57, 49—89.
- Izvekova, M.G. (2006). *Pragmalingvisticheskie kharakteristiki ritual'nogo diskursa* [Pragmalinguistic Characteristics of the Ritual Discourse]. Volgograd. (In Russian).
- Isaeva, L.A. (1996). *Khudozhestvennyi tekst: skrytye smysly i sposoby ikh predstavleniya*. [The artistic text: the latent senses and ways of their representation]. Krasnodar. (In Russian).
- Issers, O.S. (2008). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Omsk: Omsk State University. (In Russian).
- Kramarae, C., Schulz M., O'Barr W.M. (1984). *Introduction: Toward an Understanding of Language and Power*. In *Language and Power*. C. Kramarae et al. (ed.). Beverly Hills: Sage, 9—22.

- Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoj krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
- Karasik, V.I. (2009). *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Moscow: Gnozis. (In Russian).
- Kashkin, V.B. (2010). *Vvedenie v teoriyu diskursa* [Introduction into discourse theory]. Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russian).
- Kibrik, A.A. (1994). *Kognitivnye issledovaniya po diskursu* [Cognitive studies in discourse]. Moscow: Voprosy Jazykoznanija (5), 126—139. (In Russian).
- Koltunova, M.V. (2006). *Konventsional'nost' kak osnova delovogo obscheniya* [Conventionality as the basis of business communication]. Moscow. (In Russian).
- Kon'kov, V.I. (1996). *Rechevaya struktura gazetnykh zhanrov* [Speech structure of newspaper genres]. St. Petersburg. (In Russian).
- Kochetova, L.A. (2013). *Angliyskiy reklamnyi diskurs v dinamicheskom aspekte* [English Advertising Discourse in Dynamic Aspect]. Volgograd: VolGU. (In Russian).
- Larina, T.V. (2009). *Kategoriya vezhливosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [Category of politeness and communicative style: Comparison of Russian and English language and culture traditions]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian).
- Lotman, Yu.M. (1973). *O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury* [On two models of communication in culture system]. Tartu (6), 227—243. (In Russian).
- Lutovinova, O.V. (2009). *Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa* [Linguoculturological features of virtual discourse]. Volgograd: Paradigma. (In Russian).
- Makarov, M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Discourse Theory Bases]. Moscow: Gnozis. (In Russian).
- Manaenko, G.N. (2003). *Diskurs v ego otnoshenii k rechi, tekstu i yazyku* [Discourse and its relation to speech, text and language]. Stavropol': Pyatigorsk, 26—40. (In Russian).
- Mityagina, V.A. (2007). *Sociokul'turnye kharakteristiki kommunikativnogo deystviya* [Sociocultural Characteristics of Communicative Action]. Volgograd: VolGU. (In Russian).
- Oleshkov, M.Yu. (2012). *Pedagogicheskiy diskurs* [Pedagogical discourse]. Nizhniy Tagil: Nizhnetagil'sk. gos. soc.-ped. Akademiya. (In Russian).
- Olyanich, A.V. (2004). *Prezentatsionnaya teoriya diskursa* [Presentation of discourse theory]. Volgograd: Paradigma. (In Russian).
- Palashevskaya, I.V. (2012). *Sudebnyi diskurs: funkzii, struktura, narrativnost'* [Discourse: functions, structure and narrativity]. Volgograd: Paradigma. (In Russian).
- Pearson, B., de Villiers P. (2006). *Discourse, Narrative and Pragmatic Development* / Encyclopedia of Language and Linguistics. In K. Brown (ed.). Amsterdam etc.: Elsevier, Vol. 3, 686—693.
- Pinker, S. *The stuff of thought: language as a window into human nature*. Penguin, 2008.
- Plotnikova, S.N. (2000). *Neiskrenniy diskurs (v kognitivnom i strukturno-funktsional'nom aspektah)* [Insincere Discourse (cognitive, structural and functional aspects)]. Irkutsk: IGLU. (In Russian).
- Popova, E.A. (1995). *Kul'turno-yazykovye kharakteristiki politicheskogo diskursa (na materiale gazetnykh interv'yu)* [Culture and language characteristics of political discourse (based on journal interviews)]. (In Russian).
- Rakitina, S.V. (2006). *Nauchnyi tekst: kognitivno-diskursivnye aspekty* [Scientific Text: Cognitive-Discourse aspects]. Volgograd: Paradigma. (In Russian).
- Savickiy, V.M. (2013). *Porozhdenie rechi: diskursivnyi podhod* [Birth of Speech: Discursive Approach]. Samara: Povolzhsk. gos. soc.-gumanit. Akademiya. (In Russian).

- Schedrovickij, G.P. (1997). *Filosofiya. Nauka. Metodologiya* [Philosophy. Science. Methodology]. Moscow: Shkola kul'turnoy politiki. (In Russian).
- Schipitsina, L.Yu. (2011). *Kompleksnaya lingvisticheskaya harakteristika komp'yuterno-oposredovannoy kommunikatsii (na materiale nemetskogo yazyka)* [The complex linguistic characteristics of the computer-mediated communication (based on the German language)]. (In Russian).
- Sedov, K.F. (1999). *Stanovlenie diskursivnogo myshleniya yazykovoj lichnosti: Psiho- i sociolingvisticheskij aspekt* [Formation of Discourse Thinking of Language-using Personality: Psycho- and Sociolinguistic Aspects]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. (In Russian).
- Sheigal, E.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis. (In Russian).
- Slembrouck, S. (2002). *What is meant by discourse analysis?* Retrieved from: <http://banc.rug.ac.be/da>.
- Stepanov, V.N. (2003). *Provokativnyi diskurs social'no-kul'turnoy kommunikatsii* [Provocative discourse of social-cultural communication]. St. Petersburg: Roza mira. (In Russian).
- Stepanov, Yu.S. (1995). *Al'ternativnyi mir, Diskurs, Fakt i printsypy prichinnosti* [The Alternative World, Discourse, Fact and Causality Principles]. Moscow: Ross. Gos. Gumanit. Univesitet, 35—73. (In Russian).
- Trappes-Lomax, H. (2004). *Discourse Analysis. The Handbook of Applied Linguistics*. In A. Davies, C. Elder (ed.). Malden, Oxford: Blackwell, 133—164.
- Tyupa, V.I. (2010). *Diskurskiye formatsii: ocherki po komparativnoy ritorike*. [Discourse Formations: Essays to Comparative Rhetoric]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russian).
- Yarockaya, G. S. (2013). *Aksiogenez ekonomicheskogo soznaniya v russkoy lingvokul'ture* [Axio-genesis of economic consciousness in Russian linguistic culture]. Odessa: Odesskiy natsional'nyi universitet im. I.I. Mechnikova. (In Russian).
- Zheltukhina, M.R. (2004). *Spetsifika rechevogo vozdeystviya tropov v yazyke SMI* [Specificity of speech influence of tropes in mass-media language]. Moscow. (In Russian).
- Zubova, L. V. (2010). *Yazyki sovremennoy poezii* [Languages of modern poetry]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Article history:

Received: 20 October 2016

Revised: 20 November 2016

Accepted: 02 December 2016

For citation:

Karasik, V.I. (2016). Discourse Manifestation of Personality. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 56—77.

Bio Note:

Vladimir I. Karasik, Professor, Head of English Philology Department at Volgograd State Socio-Pedagogical University. *Research interests:* sociolinguistics, language and culture, acsiology. *Contact information:* <http://edu.vspu.ru/lingvoperson/karasik-vladimir-ilich>; e-mail: vkarasik@yandex.ru

ДИСКУРСОЛОГИЯ И СТИЛИСТИКА: ИНТЕГРАТИВНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИА КОММУНИКАЦИИ

Н.И. Клушина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
125009, Россия, ул. Моховая, д. 9

На пространстве российской науки о тексте «столкнулись» традиционная отечественная стилистика и заимствованная западная дискурсология, что привело к эклектике в терминологическом аппарате стилистики, смешению и неразграничению терминов и методов дискурс-анализа. Даже термины стиль и дискурс часто не различаются. Цель данного исследования — выявить научные проблемы, связанные с «конкуренцией» двух коммуникативных дисциплин (стилистики и дискурсологии), и наметить пути координации и интеграции их методов и подходов, чтобы понять перспективы их дальнейшего сосуществования в российской науке. На материале медиа коммуникации в статье рассматриваются две теоретические концепции изучения текста — стилистическая и дискурсивная, которые имеют общий предмет исследования (текст), общий вектор его изучения — коммуникативный, но разные методы анализа и разный терминологический аппарат. В статье дифференцируются понятия стиль и дискурс, которые в современной науке часто не различаются, постулируется, что данные феномены не исключают, не дублируют, а взаимодополняют друг друга. Подобный подход позволяет развивать славянскую стилистику в коммуникативном аспекте, а дискурсология получает дополнительный импульс к изучению стилистической организации медиадискурса.

Ключевые слова: стилистика, дискурс, таксономия дискурсов, функциональные стили, медиадискурс, интенциональный метод, нарративная организация медиадискурса

1. СТИЛИСТИКА VS ДИСКУРСОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКЕ

Коммуникация является предметом изучения многих гуманитарных наук. Сегодня наиболее значительные успехи в изучении современной коммуникации достигнуты в двух параллельно развивающихся в России областях: в традиционной отечественной стилистике и заимствованной западной дискурсологии. В каждой из этих наук выработан собственный научный аппарат, созданы и опробованы самостоятельные методы и подходы анализа речевого материала, поставлены оригинальные и разные задачи. Но общий предмет исследования — текст — и общее научное пространство — русская лингвистика — предопределили неизбежность взаимодействия этих изначально независимых друг от друга дисциплин.

Стилистика изучается в рамках вузовских курсов русского литературного языка на филологических факультетах и факультетах журналистики. Дискурсология развивается на факультетах иностранных языков в курсах теории коммуникации и переводоведения. Стилистика на этих факультетах преподается в других объемах и по другим учебникам.

Самобытность стилистики отчетливо проступает в трудах современных отечественных лингвистов — А.И. Горшкова, М.Н. Кожинной, В.И. Конькова, В.Г. Костомарова, Н.А. Купиной, К.А. Роговой, О.Б. Сиротининой, Г.Я. Солганика и других ученых, унаследовавших традиции М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Л.В. Щербы и др., впервые поставивших и разработавших проблемы русской стилистики.

Дискурсология в своем развитии на русской почве опирается на теории западных исследователей коммуникации, таких как Р. Водак, Т. ван Дейк, Н. Луман, Г. Макклэун, Д. Матисон, П. Серйо и других зарубежных коммуникативистов. Хотя сегодня мы уже можем говорить о русской дискурсологии, которая сформирована научными концепциями В.И. Карасика, В.Б. Кашкина, Е.А. Кожемякина, Е.Г. Малышевой, Г.Н. Манаенко, А.А. Негрышева, А.В. Полонского, Л.Н. Синельниковой, В.Е. Чернявской, А.П. Чудинова и многих других отечественных дискурсологов.

Коммуникативный поворот в русской стилистике обозначился в конце XX в., когда стало очевидным, что системоцентрическое описание языка себя исчерпало. Поэтому стилистика закономерно стала пониматься как наука о функционировании языка, по определению Ст. Гайды, т.е. как коммуникативная дисциплина. Коммуникативная стилистика выросла из функциональной стилистики и стилистики текста, рассматривающих тексты как речевые произведения, созданные в определенной сфере социальной жизни средствами литературного языка, т.е. можно сказать, что стилистика изучает текстовые формации, распределенные по функциональным стилям литературного языка. Таких стилей в классическом вузовском курсе стилистики пять: научный, публицистический, официально-деловой, литературно-художественный и разговорный. До сих пор дискуссионным в русской стилистике остается вопрос о статусе религиозного, рекламного и политического стилей.

Дискурсология также изучает тексты как фиксированную средствами языка репрезентацию дискурсивной деятельности человека и тоже эти тексты пытается систематизировать, но в отличие от функциональной стилистики, дискурсология не имеет общепринятой таксономии дискурсов.

Таким образом, в российской гуманитарной науке возникла «конкуренция» двух коммуникативных дисциплин (стилистики и дискурсологии), которые имеют общий предмет исследования (текст), общий вектор его изучения — коммуникативный, но разные методы анализа и разный терминологический аппарат, которые эклектически смешиваются и не разграничиваются, что размывает границы данных дисциплин.

И в этом заключается основная проблема сосуществования стилистики и дискурсологии в одном научном поле русской и — шире — славянской лингвистики. Эта проблема достаточно долгое время оставалась латентной и обнажилась только тогда, когда и стилисты, и дискурсологи абсолютно запутались, что такое *стиль*, а что такое *дискурс*, чем они отличаются друг от друга и в каких отношениях между собой находятся: взаимодополнения, взаимоисключения, взаимозаменяемости или индифферентности и неразличения.

Отсутствие строгой, построенной на едином основании классификации дискурсов приводит к тому, что сегодня существует незамкнутое, постоянно пополняемое множество типологий дискурсов, выделяемых различными учеными по своему вкусу и на свое усмотрение. Общеизвестным, наверное, можно считать только деление дискурсов на институциональные и неинституциональные (межличностные, персональные или бытовые и бытийные, по В.И. Карасику [Карасик, 2002]).

Параметрами, объединяющими тексты в какой-либо дискурс, являются *тема* (напр., *театральный дискурс*), *событие* (*крымский дискурс*), *жанр* (*новостной дискурс*), *возраст* (*студенческий дискурс*), *тональность* (*агрессивный дискурс*), *персона* (*дискурс Чернобырдина*) и т.п. *Стиль* также становится дискурсоформирующим параметром, который группирует тексты: *научный дискурс*, *публицистический дискурс*, *официально-деловой* и т.п.

Таким образом, функциональные стили, переименованные в дискурсы, переносятся из области стилистики в область дискурсологии довольно-таки органично, так как параметризация дискурсов не имеет строгих ограничений и далека от завершения.

Но обратное заимствование дискурсивных таксонов в область стилистики приводит к разрушению функциональных стилей и к эклектике в научных стилистических штудиях последних лет. Именно стилистика является страдающей стороной от экспансии модного слова дискурс, в то время как дискурсология только обогатилась, включив в область своих интересов стили-дискурсы.

2. НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ О ПРЕДМЕТЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Мода на дискурс и дискурсивные исследования в российской стилистике привела к тому, что термин *дискурс* практически вытеснил термин *стиль*, тем самым лишив стилистику ее основной категории — категории стиля. По наблюдениям томского профессора О.В. Орловой, многие российские стилисты в начале XXI в. отказались от слова «стиль» в пользу слова «дискурс» [17]. Добавлю, что подобные замены происходили неосознанно и практически незаметно, пока не достигли критической массы.

Таким образом, центральным предметом изучения в стилистике становился дискурс, а сама стилистика на фоне бурно развивающейся дискурсологии начала восприниматься как атавизм.

Чтобы прояснить сложившуюся ситуацию, проф. Ст. Гайда в Опольском университете (Польша) в марте 2011 г. инициировал круглый стол «Стиль и дискурс», на котором славянские стилисты (Ст. Гайда, Е. Малиновска, М. Войтак, Д. Бжозовска, Н.И. Клушина и др.) и славянские дискурсологи (В.Б. Кашкин, И.Ф. Ухванова-Шмыгова и др.) попытались определиться с терминами и обозначить свое понимание происходящего.

Результатом этой дискуссии можно считать саму постановку проблемы и привлечение к ней внимания ведущих стилистов и дискурсологов в России, Польше,

Австрии, Белоруссии и на Украине. Последовавшая научная рефлексия на заданную тему нашла отражение в коллективной монографии «Дискурс и стиль», вышедшей в 2014 г. в серии «Научные дискуссии» (Фланта: Наука, М.), в тематическом номере авторитетного польского ежегодника «Stylistyka» (Ополе, 2014) и в сборнике *La Table Ronde*. Вып. 2 (Минск, 2013).

Критическое осмысление проблемы выявило различия во взглядах и подходах ведущих ученых-стилистов:

1. Стиль и дискурс нужно разграничить и убрать из стилистики все нестилистическое (Б. Тошович «Стилистика — антистилистика — контрстилистика — неостилистика»).

2. Стиль и дискурс можно и нужно сблизить и создать интердисциплинарную дискурсивную стилистику (Г.Г. Хазагеров, В.Е. Чернявская, Е.А. Баженова, Т.А. Воронцова).

3. Стилистика может и должна стать интегративной, трансдисциплинарной наукой, открытой для новых теорий и связующей их на своей основе (Ст. Гайда «Философия стиля»).

Но, как видим, эти различия совпадают с этапами развития любой науки: вначале она отграничивается от смежных или конкурирующих с ней дисциплин, чтобы сохранить свою самобытность и самостоятельность, а затем интегрирует в себя необходимые для дальнейшего развития новые импульсы из других областей знаний. Так происходит то, что эволюционисты называют «рождением сложности» (Марков, 2010), маркирующим исторический путь любой фундаментальной науки.

3. СТИЛЬ И ДИСКУРС: РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Обозначу свое видение проблемы.

Речевую практику можно описать через стили, можно через дискурсы, но это разные методы и разные подходы. Стилистика и дискурсология все-таки разные науки. Но они могут обогатить друг друга, при сохранении своей уникальности. Стилистические методы релевантны для критического дискурс-анализа (КДА) и могут войти в него как составная и необходимая часть, наравне с социологическими методами (напр., контент-анализ), прагматическими методами (теория речевых актов), филологическими методами контекстного словоупотребления и семантического анализа и т.п. Дискурс-анализ и есть применение различных методов к изучению определенного дискурса.

Теория дискурса также может обогатить стилистику — за счет включения термина «дискурс» в научный аппарат стилистики, но с отличным от термина «стиль» значением. Их взаимонезаменяемость лучше всего видна в оппозициях *стиль эпохи / дискурс эпохи и стиль мышления / ...*

Дать точные и максимально полные дефиниции дискурса и стиля не представляется возможным, поскольку эти сложные, многогранные феномены трудно уловимы для строгого научного препарирования и при попытке их объяснения неизбежно редуцируются и упрощаются. Поэтому существует множество реду-

ционистских, но операциональных и необходимых для дидактических целей определений как стиля, так и дискурса, в которых профилируется только один аспект их категориальной сущности.

Дадим собственное рабочее определение исследуемых феноменов в их сопоставлении.

Дискурс — это совокупность/система текстов. Стиль — это и совокупность текстов (система функциональных стилей), и их отличительная черта. То есть стиль может рассматриваться как система и как имманентный признак/характеристика системы. Стиль организует структурную связность системы и несет целостную информацию о ней.

Дискурс оказывает давление на личность, подчиняет авторское *я* доминирующим дискурсивным практикам, он ориентирован на типичное, объединяющее различные тексты в определенные типы дискурсов.

Стиль (понимаемый шире, чем функциональный стиль), напротив, не приемлет шаблонности, ориентирован на креативность, на сопротивление стандарту. Стиль — либо эталон, либо девиация, но не стандарт и не рутинка. Стиль не подавляет автора, а, напротив, высвобождает его интуицию, обостряет чувство прекрасного, направляет творческий порыв. Авторское *я* выражается именно в стиле. По точному определению Ст. Гайды, стиль — это «гуманитарная структура текста» (Гайда, 2015).

И стиль, и дискурс очень важны для современной лингвистики — как точки пересечения и как точки отталкивания: дискурс привносит в текст социальное измерение, стиль — философское и эстетическое. Дискурс влияет на человека, его язык, мышление. Стиль, по известному выражению Бюффона, и есть человек — человек, способный менять дискурс. Дискурс — это поле практической деятельности, стиль — теоретический, эстетический, мыслительный конструкт.

Как видим, стиль принадлежит ментальному и эстетическому, дискурс — реальному и прагматическому.

Можно предположить, что термин *дискурс* в современной российской лингвистике, несмотря на множество научных определений и теорий, на практике используется в значении «совокупность текстов», т.е. дискурс — это тексты, объединенные по определенному параметру, который эксплицирован прилагательным-определением (*крымский дискурс*) или управляемым существительным в Тв. п. (*дискурс о Крыме*).

Многообразие типов дискурсов, возможно, и не стоит укладывать в прокрустово ложе единой и единственной системы, поскольку оно отражает неупорядоченную, реальную действительность, описываемую разными текстами, с разных сторон, с разных точек зрения. Т.е. хочу подчеркнуть, что отличительной чертой дискурсологии является ее пристальное внимание к различным дискурсивным практикам, эти практики изучаются и описываются через множественность различных дискурсов, которые моделируют, форматируют и объясняют существующие фрагменты действительности. В дискурсе — хаотичность, случайность, незаданность, нестандартность, но и жизненность, прагматика и внимание ко всем мельчайшим подробностям окружающей действительности.

Дискурс ломает жанровые перегородки, так как он объединяет тексты вне жанров или поверх жанров, в то время как в стилистике тексты застегнуты в жанры и упакованы в стили. Именно отсюда ее, стилистики, стройность, логичность, алгебраическая красота и эстетическая закономерность.

4. ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ СТИЛИСТИКИ

Я вижу подтверждение своей гипотезы о важности для стилистики понятия *дискурс*, не совпадающего с понятием *стиль*, в том, что многие современные стилисты в своих новейших работах стали различать *стиль* и *дискурс* и включать их в свои исследования. Вот лишь некоторые цитаты: «Место стабильной стилевой системы с четкими внутренними границами сегодня занимает динамичное дискурсивное пространство» (Гайда, 2015: 18); «На речь, находящуюся в сфере знаний, чаще всего смотрят через призму функциональной стилистики. На актуальную речь чаще смотрят через категориальный аппарат теории дискурса» (Коньков, 2015: 38); «Большинство чешских и словацких авторов, по всей вероятности, в ближайшее время не откажется от них (стилеобразующих факторов — Н.К.), не даст возможности растворить их в коммуникативных факторах, учитывая современное направление от стилистики скорее к социолингвистике, этнолингвистике, антропологической лингвистике, когнитивной лингвистике» (Гоффманова, 2015: 54); «В чешском языке современная коммуникация характеризуется очень динамичными отношениями между стилем и языковыми разновидностями», т.е. дискурсивными образованиями (Мареш, 2015: 69) и т.п.

Как видим, дискурс в стилистике стал пониматься не как эквивалент или дублет стиля, а как категория, уточняющая и оттеняющая ускользающее понятие стиля, как равноправный предмет исследования, наряду со стилем. По всей вероятности, можно говорить о том, что для современной стилистики, которая понимается как стилистика коммуникативная, материалом исследования становятся многочисленные типы различных дискурсов, которые она профилирует в соответствии с уже заданными эталонами стилей, а также со сложившимися стилевыми канонами. То есть тексты, собранные в дискурсы по какому-либо параметру, в научном пространстве стилистики получают еще одно — стилистическое — измерение, что и придает многомерность современным лингвистическим исследованиям.

5. СТИЛЬ И ДИСКУРС В МЕДИАСТИЛИСТИКЕ

Необходимость дифференциации категорий стиля и дискурса легче всего проиллюстрировать на стиле и дискурсе массмедиа, волею судеб и усилиями современных лингвистов занявшего чуть ли не центральное место в научных исследованиях последних лет.

Стиль массмедиа в традиционной стилистике именуется газетно-публицистическим или публицистическим стилем. Он имеет два подстиля: информационный и собственно публицистический и разветвленную систему жанров. Этот стиль детально описан в функциональной стилистике как особый вариант русского литературного языка, в котором используются специфические языковые элементы всех уровней, характерные именно для этого стиля.

Новый коммуникативно-интенциональный подход к описанию текстов публицистического стиля был предпринят нами в авторской монографии «Стилистика публицистического текста» (Клушина, 2015), где в основу исследовательского метода была положена не функция (как в функциональной стилистике), а интенция, давшая название опробованному в монографии и разработанному в дальнейших статьях интенциональному методу.

Теория дискурса дала нам толчок к формулированию и разработке еще одной концепции стиля массмедиа, развивающей *интенциональную концепцию*, — это *концепция нарративной организации медиасталя*. В этой концепции стиль рассматривается как дифференцирующая (от других стилей) и в то же время интегрирующая тексты в единый континуум категория, а *медиадискурс* — как совокупность медиатекстов, которые имеют особую нарративную структуру, не зависящую от жанров и подстилей медиадискурса. В нем можно выделить *авторский нарратив* (интерпретацию журналистом раскрываемых им тем и описываемых событий), в который вплетены *нарратив очевидцев событий*, так называемый синхрон (свидетельства обычных людей о происходящем вокруг них), *нарратив экспертов* (специалистов, оценивающих сложившуюся ситуацию) и *нарратив «героев»* (действующих лиц, персонажей, о ком идет речь в сюжете). И только авторский нарратив тенденциозен.

Приведем пример, выбранный нами методом случайной выборки и тем не менее оказавшийся весьма показательным.

В статье Дмитрия Лемешевского «С Порошенко будет не просто договориться» ((Metro. 27 мая 2014 г.) авторский нарратив разворачивается подчеркнуто нейтрально. Журналист оперирует цифрами и не позволяет себе давать оценки: *«По предварительным данным с результатом в 54% на выборах президента Украины побеждает глава кондитерской компании Roshen Петр Порошенко. Юлия Тимошенко набрала около 13%, поэтому с большой долей вероятности можно сказать, что второго тура не будет...»*.

Вся статья построена на чередовании нарративов экспертов — украинского политолога Андрея Окары (*«— Уникальность этих выборов в том, что кандидаты практически не вели активную агитационную кампанию, — рассказал Metro политолог Андрей Окара. — Это были не выборы лучшего из худших. Порошенко стал во многом компромиссной фигурой...»*) и директора российского Международного института политической экспертизы Евгения Минченко (*«— Это попытка сохранить модель управления страной, которая сложилась еще при Кучме, когда у власти были олигархические кланы, — говорит Минченко. — Экономического базиса для сохранения этой модели не существует. Такой режим не может быть устойчив. Я не думаю, что Порошенко долго просидит в своем кресле, страну ждет еще не один Майдан...»*).

Подобная нарративная организация статьи позволяет автору претендовать на объективность, поскольку он представляет разные, порой противоречивые прогнозы заинтересованных сторон (России и Украины). И только заголовок отражает авторскую идею и авторскую позицию.

Но каким бы нейтральным и объективным ни хотел предстать автор-журналист, он скорее всего отразит национальную специфику истории.

В теории постмодернизма (Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ю. Кристева, М. Фуко и др.) есть положение о «смерти автора» и деконструкции текста. Это очень ценные идеи для объяснения нарративной организации медиастилия.

Отдельный журналистский текст имеет конкретного автора. Автор, реализуя свой замысел, подчиняет себе необходимые стилистические ресурсы (т.е. «присваивает» язык). И через выбор «идеологии», номинаций, тональности, оценочности и интерпретации (понимаемой как стилистический вариант описания фактов действительности) автор старается убедить своего читателя в правильности (или хотя бы в правомерности) своего видения реальности (т.е. «удваивает» реальность, по Н. Луману). В конкретном тексте зафиксировано именно авторское прочтение мира. Но таких прочтений — открытое множество. Н. Луман пишет о системе массмедиа: «Как и в других функциональных системах, этот внешний мир остается операционно недостижимым, он не может включаться по частям и именно поэтому требует постоянных „прочтений“» (Луман, 2012: 129).

Множество «прочтений» не может обеспечить отдельный текст. Но его может дать медиадискурс (в целом), если рассматривать его не только как совокупность /склад отдельных текстов, но и как объединение, переплетение, противоборство и наслоение нарратив-сюжетов, разворачивающихся вокруг события или героя. Чтобы из множества фрагментарных, разрозненных медиатекстов, которые формируют каждый раз новую повестку дня (ведь новая информация — одна из важнейших функций медиа) выстроить сюжет, нужно действительно «убить автора» и произвести «деконструкцию» текстов, сложив из них линейный метанарратив.

Так, например, если «демонтировать» приведенную выше статью Дмитрия Лемешевского «С Порошенко будет не просто договориться» (Metro, 27 мая 2014 г.) и выделить в ней как *самостоятельные* авторский нарратив и нарративы экспертов (без авторской интерпретации), то нарративы экспертов предстают не как подтверждение авторской точки зрения, не как только лишь отдельные аргументы, а как независимая информация о происходящем, особенно если к ним добавить нарративы экспертов из других материалов других авторов, но на эту же тему. Таким образом, рефлексирующий читатель, в отличие от «наивного» читателя, может отстраниться от идеологического давления и манипуляции и сформировать собственное мнение.

Подобной рефлексии способствует и «отдельное» прочтение нарративов очевидцев. Сложенный из фрагментов прямых включений (синхронов) на телевидении и цитат в газетах и прочитанный (просмотренный) как самостоятельный целостный линейный нарратив, свидетельства очевидцев событий могут подтолкнуть независимое сознание рефлексирующего читателя к совсем другим выводам и впечатлениям, чем те, которых добивается автор. Модусная рамка автора «обрезает» нарративы очевидцев, чтобы согласовать их с собственной интерпретацией, именно поэтому их следует рассматривать отдельно, чтобы избежать манипуляции (впрочем, не всегда и не обязательно осознанной) со стороны автора-журналиста.

Таким образом, нарративная организация медиастилия позволяет глобальной системе массмедиа избежать манипуляции, в отличие от национальных СМИ, выстраивающих собственную идеологию, нацеленную на консолидацию общества и поддержку правящей элиты, получающей (присваивающей) через СМИ право говорить.

Медиастиль через деконструкцию отдельных текстов и выстраивание из них линейных нарратив связывает медиадискурс в единую уникальную систему. Это сложная система, внутренние процессы в которой отражают максимально возможное объективное познание мира (через познание авторов-журналистов, очевидцев, «героев», экспертов и пользователей Интернета), то есть отражают современное понимание объективной реальности.

Кажущаяся внешняя фрагментарность, мозаичность медиадискурса, о которых в последнее время часто говорят исследователи, справедливы только для нерелексирующего восприятия «наивным» читателем описываемых в СМИ событий.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной лингвистике изучение текста ведется в двух актуальных направлениях: с позиций традиционной стилистики и активно развивающейся дискурсологии. Взаимодействие этих двух дисциплин провоцирует конкуренцию терминов, диффузию методов, эклектику различных научных подходов. Дифференциация стилистики и дискурсологии как взаимопересекающихся, но не тождественных дисциплин позволяет уточнить цели, методы и категориальный аппарат исследований, что необходимо для дальнейшего развития как стилистики, так и дискурсологии.

Становление дискурсологии как самостоятельного лингвистического направления в отечественной науке проходит путь, уже однажды пройденный стилистикой (см., например, дискуссию 1960-х гг. и обсуждение стилистических проблем в польском журнале *Stylistyka* (Ополе, Польша, 1997)).

Дискурсология пытается определить предметную область своих исследований, разработать собственную таксономию дискурсов, определиться с терминологией и основными научными категориями, наконец, очертить границы своего направления и выработать оригинальную методологию.

Мы полагаем, что в современных коммуникативных и лингвистических исследованиях возможна интеграция методов дискурс-анализа и стилистики, что будет способствовать более глубокому пониманию современного текста. Сегодня площадкой для подобных научных экспериментов становится медиастилистика, в рамках которой мы пытаемся разграничить понятия стиль и дискурс, медиастиль и медиадискурс и показать их необходимость и взаимозаменяемость (несинонимичность), по крайней мере, для современной медиалогии.

Медиастиль — отличительная особенность медиадискурса, понимаемого нами как совокупность созданных профессиональными журналистами текстов, функционирующих в медиапространстве. Медиастиль — интегративный феномен, связывающий все тексты медиадискурса в сложную систему, которая отличается

от других текстовых систем. Мы видим уникальность медиастилия в его интенционально-нарративной структуре, которая моделирует дискурс в двух направлениях — интенционально (для реализации заданной интенции) и как нарратив («плетение» целостного сюжета в дискурсе из фрагментарной его интерпретации в отдельных текстах). При формальном (схематическом) подходе к медиадискурсу ученые обычно отмечают видимую его фрагментарность, мозаичность, неупорядоченность, разрозненность и несогласованность, так как отдельные тексты не выстраивают целостную публицистическую картину мира. Но при нарративном подходе медиадискурс предстает как хронологически и сюжетно выстроенные истории с открытым финалом. Выявленная нами нарративная структура отдельного медиатекста позволяет сложить («сплести») из множества медиатекстов, то есть в дискурсе, медианарратив. Таким образом, деконструкция отдельного медиатекста позволяет конструировать целостный дискурс.

Нарративная организация медиастилия отражает его национальную специфику, в то время как интенциональная его структура не является уникальной, напротив — она типична для любой современной медиакультуры.

Универсальность, всеобщность и в то же время национальная специфичность медиастилия еще раз подчеркивает сложность этого феномена и открытость его для дальнейшего познания.

Таким образом, дискурс и стиль не исключают, а пронизывают друг друга, и в этом взаимопроникновении кроется гармония методов, которую лингвисты могут услышать и понять, чтобы не создавать эклектику простого арифметического сложения методов из разных областей знания.

© Клущина Н.И., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Воронцова Т.А. Функциональная стилистика vs дискурсология или функциональная стилистика + дискурсология? // *Актуальные проблемы стилистики*. 2015. № 1. С. 71—78.
- Гайда Ст. *Философия стиля // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты*: колл. монография / Под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клущиной, Н.В. Смирновой. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. С. 9—17.
- Гайда Ст. Актуальные задачи стилистики // *Актуальные проблемы стилистики*. 2015. № 1. С. 11—21.
- Гоффманова Я. Концепция стилеобразующих факторов и возможности ее модификации в настоящее время // *Актуальные проблемы стилистики*. 2015. № 1. С. 51—57.
- Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты*: колл. монография / Под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клущиной, Н.В. Смирновой. М., 2014. 268 с.
- Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Кашкин В.Б. *Основы теории коммуникации: краткий курс*. М.: АСТ, 2008. 256 с.
- Кашкин В.Б. *Дискурс: пределы точности*. / *Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты*: колл. монография / Под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клущиной, Н.В. Смирновой. М., 2014. С. 46—51.
- Клущина Н.И. Интенциональная конфигурация медийного пространства // *Политическая лингвистика*. 2013. № 2 (44). С. 40—46.

- Клушина Н.И. Современная стилистика: проблемы и перспективы // *Актуальные проблемы стилистики*. 2015. № 1. С. 44—50.
- Кожина М.Н. Речеведение. *Теория функциональной стилистики: избранные труды* / М.Н. Кожина. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 624 с.
- Коньков В.И. Слово живое и мертвое (о двух коммуникативных типах речи) // *Актуальные проблемы стилистики*. 2015. № 1. С. 36—43.
- Костомаров В.Г. *Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. 3-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. 319 с.
- Луман Н. *Реальность массмедиа*. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 240 с.
- Мареш П. Дифференциация языка и стиливое построение чешских текстов // *Актуальные проблемы стилистики*. 2015. № 1. С. 65—70.
- Марков А.В. *Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня. Неожиданные открытия и новые вопросы*. М.: CORPUS, Издательство «Астрель», 2010 г. 226 с.
- Тошович Б. Стилистика — антистистика — контрстистика — неостилика // *Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции*. Часть I. М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. 282 с.
- Хазагеров Г.Г. Две возможности дискурсивной стилистики // *Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография* / Под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. С. 116—127.
- Чернявская В.Е. *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
- La Table Ronde. *Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики*. Сб. материалов / Под ред. И.В. Ухвановой. Минск: РИВШ, 2013. Вып. 2. 272 с.
- Matheson, D. (2005). *Media Discourses: Analysing Media Texts*. Open University Press.
- McLuhan M., Fiore Q. (1967). *The Medium is the Massage: An Inventory of Effects*. N.Y.: Random House.
- Stylistyka. (2012). № YI. Ополе (Польша).
- Stylistyka. (1997). № XXIII. Ополе (Польша).
- Teun A. van Dijk. (2009). *Society and Discourse. How Social Contexts Influence Text and Talk*. Cambridge University Press, New York.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27 июня 2016

Дата принятия к печати: 25 сентября 2016

Для цитирования:

Клушина Н.И. Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 4. С. 78—90.

Сведения об авторах:

Клушина Наталья Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, Председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов. *Сфера научных интересов*: медиа-стилистика, стилистика, дискурсология. *Контактная информация*: e-mail: nklushina@mail.ru

UDK: 811.161.42

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-78-90

DISCOURSE ANALYSIS AND STYLISTICS: INTEGRATIVE METHODS FOR RESEARCH OF MEDIA COMMUNICATION

N.I. Klushina

Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov
9, Mohovaja str., 125009 Moscow, Russia

In Russian communicative studies we can observe the collision of traditional Russian Stylistics and Western Discourse Analysis which resulted in eclectic and random use of terminology and methods of Discourse Analysis. Even the terms *style* and *discourse* are often mixed up and are not differentiated. The purpose of the article is to point out some theoretical problems concerning the “competition” of two communicative disciplines in the study of media discourse — Stylistics and Discourse Analysis — and to outline the ways of their possible cooperation and integration of their methods in Russian Linguistics. In our research we analyze two theoretical conceptions of text analysis in media communication — stylistic and discursive, which have the common subject of research, which is text, and the same communicative vector of study, but they apply different methods of analysis and different terminology. I distinguish between style and discourse and argue that style and discourse do not exclude one another, but to some extent they overlap and complement each other. Such approach gives a new impetus to the development of Russian and Slavonic stylistics in communicative perspective as well as encourages the study of stylistic organization of media discourse.

Key words: stylistic, discourse, taxonomy of discourses, functional styles, media discourse, intension method, narrative organization of media discourse

REFERENCES

- Chernyavskaya, V.E. (2009). *Lingvistika texta: polikodovost, intertextualnost, interdiskursivnost*. M.: “LIBROKOM”. (In Russian).
- Diskurs i styl: teoreticheskiye i prikladnye aspekty* (2014). [Discourse and Style: Theoretical and Practical Aspects]. Pod red. G.Y. Solganika, N.I. Klushinoy, N.V. Smirnovoy. [In G.Y. Solganika, N.I. Klushinoy, N.V. Smirnovoy (ed.)]. M.: Flinta:Nauka. (In Russian).
- Gayda, St. (2014). *Filosofia styl'a // Diskurs i styl: teoreticheskiye i prikladnye aspekty* [Philosophy of Style // Discourse and Style: Theoretical and Practical Aspects]. Pod red. G.Y. Solganika, N.I. Klushinoy, N.V. Smirnovoy. [In G.Y. Solganika, N.I. Klushinoy, N.V. Smirnovoy (ed.)], (pp. 9—17). M.: Flinta:Nauka. (In Russian).
- Gayda, St. (2015). Aktual'nye voprosy stylistiki [Actual Questions of Stylistics]. *Aktual'nye problemy stylistiki* [Actual Problems of Stylistics]. 1, 11—21. (In Russian).
- Goffmanova, Y. (2015). Konceptsi'a styleobrazuyushih faktorov i vozmozhnosti eye modifikacii v nastoyashee vremya [Style Formation Concepts and its Actual Modification Possibilities]. *Aktual'nye problemy stylistiki* [Actual Problems of Stylistics]. 1, 51—57. (In Russian).
- Hazagerov, G.G. (2014). Dve vozmozhnosti diskursivnoy stylistiki [Two Possibilities of Discourse Stylistics]. *Diskurs i styl: teoreticheskiye i prikladnye aspekty* [Discourse and Style: Theoretical and Practical Aspects]. Pod red. G.Y. Solganika, N.I. Klushinoy, N.V. Smirnovoy. [In G.Y. Solganika, N.I. Klushinoy, N.V. Smirnovoy (ed.)], (pp. 116—127). M.: Flinta:Nauka. (In Russian).
- Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
- Kashkin V.B. (2008). *Osnovy teorii kommunikacii* [Theory of Communication]. M.: ACT. (In Russian).

- Kashkin, V.B. (2014). *Diskurs: predely tochnosti / Diskurs i styl: teoreticheskiye i prikladnye aspekty* [Discourse: exactness limits / Discourse and Style: Theoretical and Practical Aspects]. Pod red. G.Y. Solganika, N.I. Klushinoy, N.V. Smirnovoy. [In G.Y. Solganika, N.I. Klushinoy, N.V. Smirnovoy (ed.)], (pp. 46—51). M.: Flinta:Nauka. (In Russian).
- Klushina, N.I. (2013). Intencional'naya konfiguraciya mediynogo prostranstva [Intentional Configuration of Mass Media]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2 (44), 40—46. (In Russian).
- Klushina, N.I. (2015). Sovremennaya stylistika: problemy i perspektivy [Modern Stylistics: problems and perspectives]. *Aktual'nye problemy stylistiki* [Actual Problems of Stylistics], 1, 44—50. (In Russian).
- Kozhina, M.N. (2014). *Rechevedenie. Teoria funkcionalnoy stilistiki* [Speech Studies. Theory of Functional Stylistics]. M.: Flinta:Nauka. (In Russian).
- Kon'kov, V.I. (2015). Slovo zyvoe i mertvoe (o dvyh kommunikativnyh tipah rechi). *Aktual'nye problemy stylistiki* [Actual Problems of Stylistics], 1, 36—43. (In Russian).
- Kostomarov V.G. (1999). *Yazykovoy vkus epohi: iz nabludeniy nad rechevoy praktikoy mass-media*. Sankt-Peterburg: Zlatoust. (In Russian).
- La Table Ronde. (2013). *Lingvistyka diskursa i perspektivu eye razvitiya v paradigm sovremennoy slavistiki*. Pod red. I.V. Uhvanovoy [In I.V. Uhvanova (ed.)]. Minsk: RIVSH. V. 2. (In Russian).
- Luman N. (2012). *Realnost massmedia* [Mass Media Reality]. M.: 'Kanon+'. (In Russian).
- Mareš, P. (2015). Differenciaciya yazyka i stylevoe postroenie cheshskih textov [Language Differentiation and Czech Texts Stylistic Formation]. *Aktual'nye problemy stylistiki* [Actual Problems of Stylistics], 1, 65—70. (In Russian).
- Markov, A.V. (2010). *Rozhdeniye slozhnosti. Evolucionnaya biologiya segodnya. Neozhidannyye otrutiya i novyye voprosu*. M.: CORPUS. (In Russian).
- Matheson, D. (2005). *Media Discourses: Analysing Media Texts*. Open University Press.
- McLuhan M., Fiore Q. (1967). *The Medium is the Massage: An Inventory of Effects*. N.Y.: Random House.
- Stylistyka. (1997). № YI. Opole (Poland).
- Stylistyka. (1997). № XXIII. Opole (Poland).
- Teun A. van Dijk. (2009). *Society and Discourse. How Social Contexts Influence Text and Talk*. Cambridge University Press, New York.
- Toshovich, B. (2014). Stylistika — antistylistika — kontrstylistika — neostylistika. *Stylistika segodnya i zavtra*. M.: Fakul'tet zhurnalistiki MGU. (In Russian).
- Voroncova, T.A. (2015) Funkcional'naya stylistika vs diskursologiya ili funkcional'naya stylistika + diskursologiya? [Functional stylistics vs Discourse studies]. *Aktual'nyeproblemy stylistiki* [Actual Problems of Stylistics], 1, 71—78. (In Russian).

Article history:

Received: 27 June 2016

Revised: 12 July 2016

Accepted: 25 September 2016

For citation:

Klushina, N.I. (2016). Discourse and Stylistics: Integrative Methods of Research of Media Communication. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 78—90.

Bio Note:

Klushina Natalia, Doctor of Philology, Professor of the Department of Stylistics of the Russian Language Faculty of Journalism at Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov, President of Commission on Stylistics of the International Slavistic Committee. *Research interests*: Media Stylistics, Stylistics, Discourse Analysis. *Contact information*: e-mail: nklushina@mail.ru

УДК: 810114.02

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-91-102

ДИСКУРС, ВЫСКАЗЫВАНИЕ И РЕЧЕВОЙ АКТ

Е.А. Красина

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6

Дискурс как компонент социокультурного взаимодействия представляет собой сложное единство языковой формы, значения и действия, т.е. коммуникативного события или акта. Связь с событием и действием позволяет рассматривать дискурс как некоторую форму жизни, обращенную к коммуникативному взаимодействию и к прагматической ситуации с опорой на методологию исследований Э. Бенвениста, М. Фуко, И. Кечкеша, Дж.Р. Сёрля и др. И в лингвистике, и в других областях знаний понятие дискурса способствует интеграции гуманитарных исследований. Интегрирующий принцип, включение в широкий гуманитарный контекст проблемы взаимодействия дискурса, речевого акта и высказывания позволяет нетривиально решать целый ряд собственно лингвистических проблем, в частности, проблему высказывания. Логика определяют высказывание через пропозицию; лингвисты — через предложение; теория речевых актов — через иллокутивный акт. Будучи включенным в дискурс или его фрагмент, высказывание становится их интегральной составляющей, хотя и не единственной. В отношении речевого акта высказывание оказывается его единственно возможной областью определения, одновременно оформляя и означивая речевой акт посредством пропозиционального содержания. Цели и задачи настоящего исследования — определить условия взаимодействия и соотношения дискурса, речевого акта и высказывания как лингвистических конструктов, выявить их отличительные и сходные свойства и показать конструктивную роль высказывания как минимальной единицы речепорождения. Исследование выполнено с применением аналитико-теоретического подхода и интерпретативного анализа. Соотношение дискурса, высказывания и речевого акта подтверждает роль высказывания как дискретной единицы синтаксического континуума, обращенной одной стороной к языку, а другой к речи: оно не принадлежит исключительно ни языку, ни речи, а отличает их взаимодействие в ходе речевой деятельности, являясь одновременно «атомом дискурса» и областью определения речевого акта.

Ключевые слова: высказывание, дискурс, коммуникативное событие, пропозиция, прагматическая ситуация, речевой акт

1. ВВЕДЕНИЕ

Макросинтаксические исследования 60—70-х гг. XX в. избирают своим объектом текст, диалог, повествование и под., то есть «единицу, входящую за пределы привычных синтаксических образований — предложения и словосочетания, и это позволяет обозначить переход от лингвистики текста к лингвистике дискурса и сформулировать начала теории дискурса» (Караулов, Петров 1989: 8).

В этот период дискурс трактуется как «связная последовательность предложений или речевых актов», но уже в последующие десять лет он рассматривается как «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста, т.е. дискурс осознается как «сложная система иерархии знаний» [там же].

Будучи существенным компонентом социокультурного взаимодействия, «дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или акта» (Караулов, Петров 1989: 121—122. Связь с событием и действием позволяет Н.Д. Арутюновой определять дискурс как «текст, взятый в событийном аспекте», как «речь погруженную в жизнь» (ЛЭС 1990: 137), и тем самым рассматривать дискурс как некоторую форму жизни, по Л. Витгенштейну. Дискурс, таким образом, оказывается обращенным к коммуникативному взаимодействию и к прагматической ситуации. В коммуникативном аспекте он обращен к ментальным и интенциональным состояниям и процессам участников коммуникации. В прагматическом аспекте, выявляя интерес к языковому употреблению, дискурс позволяет моделировать типовые ситуации, или фреймы, с одной стороны, и рассматривать так называемые «сценарии», моделируя развитие ситуаций, с другой стороны, т.е. он изучается как одна из форм жизни и преимущественно рассматривается как последовательность речевых актов (ЛЭС 1990: 412).

Противопоставив дискурс, или «речь, присваиваемую говорящим» так называемому «объективному повествованию» (*discourse vs recit*), Э. Бенвенист создал предпосылки для распространения понятия дискурса на «все виды прагматически обусловленной и различающейся по своим целеустановкам речи» [там же], ср.: устный и письменный дискурс Т.А. ван Дейка; разговорный дискурс Е.В. Падучевой, включая режимы речевой и нарративной интерпретации; политический, юридический и другие виды дискурса.

В лингвистике и в других областях знаний понятие дискурса способствовало и способствует интеграции гуманитарных исследований. Такая роль дискурса дает повод М. Фуко определять его как «внешнее пространство, в котором размещается сеть различных мест» (Фуко 1996: 56), т.е. как поле: «Дискурс — это нечто большее, нежели просто место, где должны располагаться и накладываться друг на друга — как слова на листе бумаги — объекты, которые могли бы быть уставлены только впоследствии» [там же: 43].

2. ДИСКУРС И РЕЧЕВОЙ АКТ

Термин «дискурс» ввел в лингвистический обиход бельгийский лингвист Э. Бюиссанс (Buyessens 1943), исходя из сосюрювской трихотомии «язык — речь — речевая деятельность». Фактически, заняв место «*langage*», дискурс сформировал промежуточное звено в цепочке «*langue — discourse — parole*», «где *langue* — система, некая отвлеченная умственная конструкция, *discourse* — комбинации, посредством реализации которых говорящий использует код языка (...), и *parole* — механизм, позволяющий осуществлять эти комбинации...» (Структура текста 1980: 454).

Иными словами, дискурс — это «речевое произведение, которое возникает каждый раз, когда мы говорим», при этом «нельзя упускать из вида своеобразный статус высказывания: нашим объектом является самый акт производства высказывания, а не текст высказанного» (Бенвенист 1974: 312).

В свою очередь, речевое произведение представляет собой результат акта речи, понимаемого в широком смысле, а речевой акт — идеальный, модельный акт речи как особой коммуникативный акт, точнее, коммуникативное событие: оно представлено особым перформативным высказыванием структуры «я-говорящий субъект — речевое действие — ты-слушающий, адресат».

Речевой акт совершается в определенной социально обусловленной коммуникативной (речевой) ситуации, осложненной целым рядом параметров и предполагающей множество контекстов (см.: I. Kecskes & F. Zang 2009; И. Кечкеш 2014; К. Bednářová-Gibová 2015 и др.). Реализация речевого акта — это комплекс сложных многоступенчатых действий, целенаправленно совершающийся говорящим субъектом в направлении к слушателю с целью воздействия на сознание и поведение адресата. По структуре речевой акт представляет собой гетерогенное трехуровневое образование, объединяющее локутивный, иллюкутивный и перлокутивный акты (Серль, 1986).

Семантические характеристики речевого акта обусловлены двумя основными свойствами — конвенциональностью и интенциональностью.

В теории речевых актов интенциональность принято понимать как «свойство многих ментальных состояний и событий» (Серль, 1987: 96). Это свойство характеризуется направленностью на объекты и положения дел в реальном мире, в действительности, но оно не тождественно осознанности и не ограничивается намеренностью, проявлением интенций. Конвенциональность обусловлена типизированной иллюкутивной целью высказывания и его языковой формой. Иллюкутивная цель и иллюкутивная сила высказывания, которое представляет речевой акт как реализованную интенцию, позволяют включить его как фрейм в дискурс того или иного типа. Тогда дискурс предстает как некоторое макрополе, или область существования речевого акта, а фрейм — как микрополе, фрагмент дискурса, или область определения дискурса, сравните: дискурс так наз. «ритуального общения» — фреймы приветствия, прощания, поздравления, приглашения, выражения благодарности или соболезнования и др.

3. РЕЧЕВОЙ АКТ И ФРЕЙМ

Разделяя понимание фрейма как единицы, организованной «вокруг» некоторого концепта (ван Дейк 1989: 16), исходим из того, что фреймы конвенциональны в силу того, что с их помощью определяют и описывают нечто характерное и типичное, общепринятое в данном социуме, например, приветствия, чтение лекций, рекламные объявления и т.д.

Каким же образом связать реализацию целей и координацию действий говорящего субъекта **я**, учитывая происходящие события и условия коммуникации, с социальными нормами, как связать интенциональный речевой акт и конвенциональный фрейм? По мнению Т.А. ван Дейка (там же: 18—19), у них имеются, по крайней мере, три общих аспекта:

1) отдельные речевые акты, например, «речевые ритуалы», конвенциональные в высшей степени, одновременно являются и культурно обусловленными. Для них уместность и успешность определяется их социальной значимостью, общественным характером, например, приветствия, извинения, формулы этикета

в повседневном общении. Как правило, это не единичные акты, а последовательности, когда говорящий субъект **я** и слушающий **ты**, меняясь ролями, выполняют одно и то же речевое действие, вплоть до повтора, типа «Приветствую Вас!» (от **я**) — «Приветствую Вас!» (от **ты**). Более сложные последовательности повторяющихся речевых актов могут быть проиллюстрированы как чтение лекций, церковные проповеди, переписка, повседневные разговоры на бытовые темы и др.;

2) речевые акты включаются в сложные действия и становятся составной частью отдельных фреймов, например, при актах крещения «Нарекаю тебя Ольгой»; бракосочетания «Объявляю вас мужем и женой»; вынесения приговора «Вы проговариваетесь к трем годам лишения свободы»;

3) для адекватной интерпретации и понимания речевого акта необходимо знание мета-фрейма, или некоторого фокуса фрагмента мира, прежде всего знание условий успешности. Речь идет об уместности речевого акта, об адекватности его иллокутивной цели: например, поздравляя, я знаю, что у моего адресата произошло или происходит что-то хорошее. В этом смысле речевые акты связаны с прошлым и/или будущим действием говорящего и/или слушающего.

Семантический аспект анализа речевого акта как фрейма предполагает опору на перформативный контекст, выявляющий референциальные, модальные и темпоральные характеристики перформативного высказывания. В силу невозможности сочетания обеих функций — референции к миру и индивидуализации — говорящий субъект **я** придает перформативному высказыванию статус аутореферентного, поскольку «мир моего **я**» — это всегда присвоенный фрагмент действительности. «Мое **я**» концентрируется в модусе перформативного высказывания, как правило, имплицитном в формуле **Я х** и эксплицитном в формуле **Я х, что**. Модальность целиком и полностью обусловлена говорящим субъектом **я**, и потому она субъективна, но реальность речевого действия, сам факт локуции, реальность иллокутивной силы как осуществленного действия и перлокутивного эффекта превращают субъективный, точнее индивидуальный выбор **я**, в объективную реальность совершаемого речевого акта, а возможно, и его последствий как для слушающего, так и для говорящего. Подобно модальности, темпоральность обусловлена перформативным контекстом и связана с пониманием момента совершения высказывания как объемлющего интервала в рамках значения настоящего речевого акта, что материализуется в грамматической форме перформативного предиката.

Таким образом, фреймовая организация речевого акта и перформативного высказывания не затрагивает их внутреннего устройства, а предполагает включение либо в последовательность речевых актов, либо в состав более сложного фрейма, объединяющего как речевые, так и неречевые действия. Фреймовая организация позволяет вписать речевые акты в целом и/или перформативные высказывания, их оформляющие, в прагматический контекст благодаря семантическим сферам говорящего субъекта **я**, адресата **ты** и речевого действия перформативного высказывания. Наконец, фреймовая организация речевого акта позволяет характеризовать речевой акт как область определения в отношении дискурса — области существования фрейма.

4. ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ВЫСКАЗЫВАНИЕ

В триаде «речевая деятельность — речь — язык» предложение принадлежит языку, поскольку эта единица встраивается в иерархию абстрактных языковых единиц, обладает парадигматическими характеристиками хотя бы на уровне модели или структурной схемы; в системе абстрактных единиц языка отвечает условиям «входит в» и «состоит из», хотя в отдельных случаях нейтрализуется по отношению к слову и морфеме — значимым двусторонним единицам языка.

В речевой деятельности предложение «чудесным образом превращается» в высказывание, поскольку приобретает коммуникативную функцию, оформляется интонацией и порядком слов, наделяется интенциями говорящего и слушающего и др. Взаимодействие предложения и высказывания в коммуникативной функции часто приводит к их отождествлению, по крайней мере, к некоторой симметрии, которая обнаруживается в акте коммуникации и результирует в акте означивания фрагмента действительности, ситуации или события.

Объяснение, которое лежит на поверхности, связано с относительной свободой системы языка, которая, в отличие от его структуры, не накладывает строгих ограничений. Ограничения накладывает символическая функция языка, которая способствует двойному означиванию: семиотическому на уровне системы, парадигматики языка и семантическому — в синтагматике языке. Как пишет проф. Л.Г. Зубкова, «Принцип знака в языке как посреднике между внешним миром и внутренним миром человека воплощается в принципе двойного означивания — семиотического (в слове) и семантического (в предложении)» (Зубкова 2014: 122).

Категориальная семантика предложения позволяет рассматривать предложение и как номинативную единицу, референтом для которой служит ситуация, событие, фрагмент действительности. В этом смысле предложение сближается со словом и ему свойственно семиотическое означивание.

Приобретая множество дополнительных смыслов, будучи единицей речи, речевой деятельности, высказывание обнаруживает явно выраженную синтагматическую организацию, а потому означивание в высказывании семантическое. На самом деле, и тот, и другой тип означивания присутствует в обеих единицах: речь идет только о мере и степени проявления.

Дуализм предложения и высказывания заключается не просто в том, что высказывание как бы дублирует предложение, выполняя функцию формы выражения, а оказывается солидарным с предложением как формой содержания, тем самым они образуют некий двусторонний знак в рамках речевой деятельности, в котором высказывание становится означающим, а предложение — означаемым. И этот знак обладает известными свойствами и принципами словесного знака: условностью, произвольностью, линейностью и материальностью означаемого (отчасти) и др.

Обе стороны знака в единстве и взаимодействии стремятся выразить содержание, но каждая обладает специфическими индивидуализированными средствами, а потому они означивают нечто подобно синонимам и стремятся к симмет-

рии. Наоборот, в силу различий семиотического и семантического означивания они выступают как омонимы, точнее — омоформы, и поэтому выявляют асимметрию. И симметрия, и асимметрия обнаруживаются на уровне символической (семиотической) функции языка и обусловлены номинативной спецификой предложения и коммуникативным ракурсом высказывания.

Понятие высказывания в значительной степени неопределенно, поскольку оно иллюстрируется всевозможными проявлениями языка, или речевыми произведениями — от междометного «А-а-а!» до текста. По Э. Бенвенисту: «Высказывание и есть приведение языка в действие посредством индивидуального акта его использования. (...) Высказывание следует рассматривать как акт говорящего, который употребляет язык в качестве орудия, и с учетом тех языковых черт, в которых проявляется отношение между говорящим и языком» (Бенвенист 1974: 312).

Наиболее узкое и конкретное понимание высказывания сформулировано в рамках теории актуального членения, когда оно представляется как предложение в динамическом аспекте (П. Адамец, В.А. Белошапкова и др.). Тогда синтагматический аспект, связанный с последовательностью элементов высказывания (слов, словоформ, синтагм) в сочетании с интонацией, включая эмфатическое словесно-фразовое ударение, «задает» и актуализирует содержание в целом либо отдельные смыслы высказывания в направлении от говорящего к слушающему, а высказывание получает определение актуализированного предложения.

Полагаем, что именно в рамках данного подхода существует и определение высказывания как целостной речевой единицы, «как минимальной коммуникативной единицы, где непосредственно осуществляется использование языковых средств в соответствии с намерением говорящего» (Крекич 1993: 7—8).

Если же понимать высказывание как предложение, принадлежащее определенному коммуникативному контексту, и одновременно как предложение, принадлежащее прагматическому контексту, т.е. не только произведенное говорящим, но и воспринятое слушающим, тогда высказывание будет включаться в план содержания, в означаемое предложения, станет некоей формой содержания предложения, его знаковой составляющей, его представителем в семантической системе языка. Оно будет тем самым дискретным элементом синтаксического континуума, который заполнит свободные пространства синтаксической решетки и окажет влияние на синтаксическую динамику. По мнению К. Бюлера, Ф. де Соссюра уже вел поиски такой единицы, но он обозначил лишь область ее функционирования как «parole», иногда «langage» (Бюлер 1993: 335).

Тогда высказывание — это эксплицированный вариант предложения, принадлежащий языку в действии, выступающий в контексте речевой деятельности, уже — речевого акта, как реальная единица, в то время как предложение, будучи виртуальной единицей, оказывается носителем инвариантных значений, например, значения предикативности. Высказывание и речевой акт взаимодействуют, соответственно, как область определения и область существования.

5. РЕЧЕВОЙ АКТ И ПЕРФОРМАТИВНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ

Подобно любому физическому действию, речевой акт имеет иерархию и фазы (см. J. Austin, J. Searle).

Отметим, вслед за Т.А. ван Дейком (ван Дейк 1989: 291), что речевой акт содержит две важные переменные — пропозициональный и референциальный акты. С названными аргументами связаны и различия речевых актов: «...наблюдая извне речевой акт любого рода, мы можем назвать или не назвать его сообщением, просьбой или советом и т.д. в зависимости от двух факторов: 1) что было сказано (пропозициональный акт. — Е.К.) и 2) считаем ли мы, что намерения и/или предположения (...) действительно могут быть приписаны говорящему» (Вежбицка, 1985: 255).

Очевидно, что основным параметром речевого акта оказывается иллокутивная цель, которая понимается как смысл конкретного типа иллокуции. При этом делаются два существенных ограничения: 1) иллокутивная цель не предполагает никакого перлокутивного воздействия на слушающего; 2) иллокутивная сила несводима к иллокутивной цели, тем более не тождественна ей; «понятие иллокутивной силы производится от нескольких элементов» (Грайс 1985: 227). В большинстве случаев иллокутивная цель обнаруживается благодаря контексту и ситуации. Иллокутивная цель высказывания по своей сути является коммуникативной имплицатурой (*conversational implicature*) [там же].

В концепции Дж. Серля и Д. Вандервекена иллокутивная сила включает семь компонентов: 1) иллокутивную цель; 2) способ достижения иллокутивной цели; 3) интенсивность иллокутивной цели; 4) условия пропозиционального содержания речевого акта; 5) предварительные условия речевого акта; 6) условия искренности и 7) интенсивность условий искренности речевого акта (Серль, Вандервекен 1986: 251).

Если исходить из того, что «иллокутивная цель — это базисное понятие, вокруг которого группируются различные способы использования языка, то окажется, что число различных действий, которые мы производим с помощью языка, довольно ограничено» (Серль 1986: 194), полагая, что все речевые действия, как правило, комплексные, направлены на изменение положения дел в существующем мире.

Операционный подход к определению иллокутивной цели позволяет представить ее как внутренний замысел иллокутивного, шире — речевого акта. В силу этого в теории речевых актов иллокутивная цель представлена пятью и только пятью типами: *ассертивная комиссивная директивная декларативная экспрессивная цели* (Серль, 1979; Серль, Вандервекен 1986).

Каждому типу иллокутивной цели соответствуют иллокутивная сила и иллокутивные глаголы: ассертивы (репрезентативы), комиссивы, директивы, декларативы, экспрессивы. При этом иллокутивные глаголы-суперпредикаты речевого действия выявляют перформативные смыслы и значения, а иллокутивная сила представлена перформативными высказываниями в целом.

Обозначение иллокутивной цели речевого акта, которое объединяет все возможные семантические его разновидности на уровне перформативного высказывания, прежде всего предиката речевого действия, представляет такой фрейм, ко-

торый в свою очередь распадается на несколько гомогенных фреймов по принципу родовидовых и цело-частных отношений в их единстве, например: *директивы* распадаются на *требования и приказы, запреты и разрешения, предупреждения и предсказания, рекомендации и советы* и др. (Апресян 1995; Красина 1999). Семантические особенности разновидностей директивных речевых актов строятся на родовидовых отношениях, а стилистические, особенно по принадлежности к функциональному стилю и оценке, — на цело-частных отношениях, сравните:

Я приказываю вступить в сражение (однозначная формулировка директивной иллокутивной цели, официальные отношения). — *Я прошу Вас отказаться от десерта* (размытость директивной иллокутивной цели в силу неофициальных, неформальных обстоятельств).

В речевом акте арсенал языковых средств и речевых приемов предстает в виде комплексов, образующихся с учетом коммуникативной цели говорящего субъекта *я* и речевой ситуации. Один из таких комплексов, специфичных для каждого конкретного языка, представлен перформативами — высказываниями, избирающими особые механизмы, способы и средства отражения и объяснения мира. Применительно к речевому акту перформативность — это семантико-прагматическая категория, позволяющая представить речевое действие, обозначенное особым глаголом с особым контекстом, реализующееся в коммуникативном контексте перформативного высказывания, в речевом акте.

Перформативное высказывание, оформляющее и представляющее речевой акт, сочетает свойства конвенциональности и интенциональности, связанных с иллокутивной силой и/или целью речевого акта, исходящими от говорящего субъекта; структура перформативного высказывания «*я-говорящий субъект — перформативный предикат речевого действия (n-местный предикат, суперпредикат) — ты-адресат/слушающий*» проецирует три семантико-прагматические сферы, центральное место среди которых занимает суперпредикат, понимаемый как многоместный реляционный предикат, существующий в пределах перформативной пропозиции.

Комплекс языковых средств, оформляющих перформативное высказывание и речевой акт, опирается на прагматическую парадигму — парадигму эгоцентрических слов, поэтому реляционный каркас «*я — ты*» задает одновременно субъективность и полярность, конвенциональность и интенциональность, аутореферентность и самоверифицируемость как существенные свойства речевого акта и перформативного высказывания, в то время как перформативные предикаты — носители дескриптивного и перформативного значений представляют их номинативную основу. Модусно-диктумная организация перформативной пропозиции проецируется и на речевой акт в целом, что и позволяет создать изоморфные таксономии перформативных глаголов-суперпредикатов и перформативных высказываний.

Итак, перформативное высказывание последовательно объединяет собственно речевой акт, условия реализации данного акта и средства его осуществления, поэтому оно и становится областью определения речевого акта. Оно становится областью определения в отношении речевого акта — области существования перформативного высказывания.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во взаимодействии дискурса, речевого акта и высказывания обнаруживается определенная иерархия: дискурс — это поле, в котором наряду с другими объектами существуют речевые акты и высказывания, и одновременно дискурс конституируется как сложная система знаний, которые могут быть представлены посредством высказываний и речевых актов.

Речевой акт, выступая как фрейм, конституирует своеобразное микрополе в пределах дискурса и тем самым становится его областью определения. В отношении же высказывания, перформативного высказывания в первую очередь, речевой акт выступает в качестве области существования.

Амбивалентность речевого акта создает устойчивую прагматическую цепочку: «дискурс — речевой акт — перформативное высказывание», в которой дискурс является областью существования речевого акта и, по нисходящей, — перформативного высказывания, а речевой акт оказывается областью существования для перформативного высказывания, в свою очередь выступающего как область определения в отношении речевого акта. Будучи включенным в дискурс или его фрагмент (фрейм), высказывание становится их интегральной составляющей, хотя и не единственной. В отношении речевого акта высказывание оказывается его единственно возможной областью определения, одновременно оформляя и означивая речевой акт посредством пропозиционального содержания.

В рамках взаимодействия с дискурсом речевой акт и высказывание предстают как коммуникативное дискурсивное событие, «которое ни язык, ни смысл ни в состоянии полностью исчерпать» (Фуко, 1996: 30), поэтому «нет высказывания вообще, свободного, безразличного и независимого, но лишь высказывание, включенное в последовательность или совокупность, высказывание, играющее роль среди других» (там же: 100).

Таким образом, соотношение дискурса, высказывания и речевого акта подтверждают предлагаемое понимание высказывания как дискретной единицы синтаксического континуума, обращенной одной стороной к языку, а другой к речи. Подобно субъекту, который, по Л. Витгенштейну, «не принадлежит миру, а представляет собой некую границу мира», высказывание также не принадлежит исключительно ни языку, ни речи, а отмечает их взаимодействие в ходе речевой деятельности, являясь одновременно «атомом дискурса» и областью определения речевого акта.

© Красина Е.А., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Апресян Ю.Д. *Перформативы в грамматике и словаре* // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 199—218.
- Austin, J.R. (1962). *How to do things with words*. Oxford.
- Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М.: Прогресс, 1974. 447 с.

- Беднарлова-Гибова К. (2015). О некоторых прагматических и когнитивных теориях применительно к литературному дискурсу // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2015. № 4. С. 61—70.
- Бюиссанс Э. *Язык и дискурс*. URL: <http://www.studfiles.ru/preview//1863762> (дата обращения 04.09.2016).
- Бюлер К. *Теория языка. Репрезентативная функция языка*. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
- Ван Дейк Т.А. *Язык. Познание. Коммуникация*. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
- Вежбицка А. Речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 251—275.
- Грайс П. Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217—237.
- Зубкова Л.Г. Языковые единицы и категории в свете сущностных свойств языка и системные принципы // *Языковые категории и единицы*. Сб. научных статей: К 85-летию профессора А.Б. Копеоловича. Владимир: Транзит-ИКС, 2014. С. 118—125.
- Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Ван Дейк Т.А. *Язык. Познание. Коммуникация*. М., 1989. С. 5—11.
- Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2014. № 1. С. 7—18.
- Kecskes I., Zhang F. (2009). Activating, seeking, and creating common ground: A socio-cognitive approach // *Pragmatics and cognition*, 17 (2), 2009, 331—335.
- Красина Е.А. *Русские перформативы*: Монография. М.: Изд-во РУДН, 1999. 126 с.
- Крекич Й. *Побудительные перформативные высказывания*. Сегед, 1993. 241 с.
- ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1996.
- Серль Дж.Р. Природа Интенциональных состояний // *Философия, логика, язык*. М.: Прогресс, 1983. С. 96—126.
- Серль Дж.Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1986. Вып. 18. С. 242—264.
- Структура текста: сборник статей / Отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1980. 284 с.
- Фуко М. *Археология знаний*. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28 июля 2016

Дата принятия к печати: 01 ноября 2016

Для цитирования:

Красина Е.А. Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 91—102.

Сведения об авторе:

Красина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН (Москва, Россия). *Сфера научных интересов*: синтаксис, семантика синтаксиса, теория речевых актов, лингвистическая прагматика, теория языка, методология и теория языкознания. *Контактная информация*: e-mail: elena_krassina@mail.ru.

УДК: 810.114.02

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-91-102

DISCOURSE, STATEMENT AND SPEECH ACT

Elena A. Krasina

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198

Being a component of socio-cultural interaction discourse constitutes a sophisticated cohesion of language form, meaning and performance, i.e. communicative event or act. Cohesion with event and performance let us treat discourse as a certain lifeform, appealing both to communicative interaction and pragmatic environment using the methodology of studies of E. Benveniste, M. Foucault, I. Kecskes, J.R. Searle et al. In linguistics and other fields of humanitarian knowledge the notion of *discourse* facilitates the integration of studies in humanities. Principles of integration, incorporation into broad humanitarian context reveal some topics of discourse-speech act-utterance interaction which leads to substantive solutions of a number of linguistic topics, in particular, that of an utterance. Logicians determine utterance through proposition; linguists — through sentence, while speech act theory does it by means of illocutionary act. Integrated in a discourse or its part, utterance makes up their integral constituents although not unique ones. In relation to speech acts, utterance happens to be the unique definitional domain synchronically modelling and denoting speech act by means of propositional content. The goal of the research is to show the conditions of interaction and correlation of discourse, speech act and utterance as linguistic constructions, reveal some similarities and differences of their characteristics and prove the importance of the constructive role of utterance as a minimal unit of speech production. Discourse-speech act-utterance correlation supports the utterance role of a discrete unit within syntactic continuum, facing both language and speech: still, it belongs exclusively neither to language nor speech, but specifies their interaction in course of speech activity exposing simultaneously its nature of an 'atom of discourse' and creating the definitional domain of a speech act.

Key words: discourse, communicative event, pragmatic environment, proposition, speech act, statement, utterance

REFERENCES

- Apresyan, Yu.D (1995). *Performativi v grammatike i slovare* [Performatives in Grammar and Dictionary] T. II. M.: Shola "Yaziki Russkoy kul'turi", 199—218. (In Russian).
- Austin, J.R. (1962). *How to do things with words*. Oxford.
- Bednárová-Gibová K. (2015). On some pragmatic and cognitive theories applicable to literary discourse. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language, Semiotics and Semantics*. 4, 61—70. (In Russian).
- Benveniste, É. (1974). *Problèmes de linguistique générale*, 2nd ed. Paris, Gallimard.
- Buyessens, E. (1943). *Langue et discours*. Bruxelles. Retrieved from: <http://www.studfiles.ru/preview//1863762> on 04.09.2016.
- Bühler, K. (1934). *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*. G. Fischer, Jena.
- Foucault, M. (1969) *L'Archéologie du savoir*. Paris, Gallimard, coll. «Bibliothèque des Sciences humaines».
- Grice, P. (1975). Logic and conversation In: *Syntax and Semantics*, v. 3. NY Academic Press, 41—58.
- Karaulov, Yu.N., Petrov V.V. (1989). Ot grammatiki texta k kognitivnoi teorii diskirsa [From text grammar to the cognitive discourse theory] // *Van Dijk T.A. Yazik. Poznanie. Kommunikatsia*. Moscow, 5—11. (In Russian).

- Krasina, E.A. (1999). *Russkie performativi* [Russian performatives: Monography]. M.: Izd-vo RUDN. (In Russian).
- Kecskes I. (2014). Word, context and communicative meaning. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 7—18. (In English).
- Kecskes I., Zhang F. (2009). Activating, seeking, and creating common ground: A socio-cognitive approach // *Pragmatics and cognition*, 17 (2), 331—335.
- Krekich, J. (1993). Imperative performative statements. Segded. (in Russian).
- LES (1990): *Lingvističeskii Entseklpedičeskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M.: Sovetskaya Entseklpedia. (In Russian).
- Searle, J.R. (1976). A classification of illocutionary acts // *Language in Society*, 5, 1—23.
- Searle, J.R. (1987). *Priroda intencional'nykh sostoyanii* [The Nature of Intentional States] // *Philosophia, logika, Yazyk*. M.: Progressc, 96—126.
- Searle, J.R., Vanderveken D. (1984). *The Foundations of Illocutionary Logic*. Ch. 2: Basic notions of a calculus of speech acts. Cambridge.
- Stryktura text: Sbornik statei. (1980). [Text structure]. In T.V. Tsyvyan (ed.). M.: Nauka. (In Russian).
- Van Dijk, T. (1989). *Language. Knowledge. Communication*. Newbury Park, CA: Sage.
- Wierzbicka, A. (1972). *Acts of speech*. In: Wierzbicka, A. *Semantic primitives*. Frankfurt-am-Main, Athenäum, 122—146.
- Zubkova, L.G. (2014). *Yazykovie edinsti i kategorii v svete sushnostnykh svoystv yazyka i systemnykh printsipov* [Language units and categories in the light of essential features of language and systemic principles]. *Yazykovie kategorii i edinsti*. Sb. Nauch. Statey: k 85-letiu professor A.B. Kopeoliovicha. Vladimir: Transit-IKS, 118—125. (In Russian).

Article history:

Received: 28 July 2016

Revised: 20 September 2016

Accepted: 02 December 2016

For citation:

Krassina E. (2016). Discourse, Statement And Speech Act. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 91—102.

Bio Note:

Krasina Elena Alexandrovna, PhD, Dr of Philology, Professor, professor of the General and Russian Linguistics Department, Philological faculty, RUDN University (Moscow, Russia). *Research Interests:* syntax, syntactical semantics, theory of language, speech act theory, linguistic pragmatics, methodology and theory of language studies. *Contact information:* e-mail: elena_krassina@mail.ru.

УДК: 811.161.42

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-103-121

SPEECH GENRES AND DISCOURSE: GENRES STUDY IN DISCOURSE ANALYSIS PARADIGM

Vadim V. Dementyev

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., 410012, Saratov, Russia

The article is devoted to the place of research on speech genres in the paradigm of discourse analysis. Focus is brought to bear on the directions of discourse analysis which have much in common with the theory of speech genre problems, categorical apparatus or set of base units, as well as using speech genre methodology to solve their problems. It is shown that the main problem, combining discourse analysis and theory of speech genres, is structuring and parameterization of speech communication, and thus — search for basic models of structuring, which organize a production of speech and its interpretation. In this regard, discourse units as well as their location with respect to the genres in the general speech space are discussed. The communicative and cognitive aspects of these units are analyzed, the chain links are constructed, which correspond to the components of communicative concepts that have clear compositional, thematic and stylistic content: the standard structure of the communicative concept is a chain of “action/act ~ process / manner ~ role / type ~ genre ~ communicative tonality”, while in most chains the main components are speech genres. Much attention is paid to the discursive classification of speech genres: genres are discussed in different types of discourse.

Key words: speech genres theory, discourse analysis, parameterization of speech, classification, communicative concepts

1. INTRODUCTION

Modern discourse analysis is based on the concept of speech genre (hereinafter — SG) as one of the most effective explanatory mechanisms in the process of studying speech generation and interpretation. The theory of speech genres (hereinafter — SGT) is one of the existing practice patterns of verbal communication, considering the situation and sphere of communication, style, intentional factor, form of speech, ways of beginning and ending the speech, initiative transfer in the dialogue, as well as strategies and tactics of communication. This is a favorable difference of speech genre from language units “outside” the situation of communication and from speech acts as elements of this situation.

The history of SGT (about development and current state of SGT in Russia and abroad, see, e.g., in monographs and collective monographs: [Swales 1990; Adamzik 1995; Gatunki mowy 2000—2007; Witosz 2005; Anthology of speech genres 2007; Fix 2008; Dementyev, 2010; Pokrovskaya 2011; Salimovsky 2002; Sherstyanih 2013], journal “Speech genres”) was marked by a number of important achievements — external and internal structure of discourse in statics and dynamics. If we try to characterize the development of speech genres theory in the most general terms, we can say that, firstly, the theory of speech genres is in the process of great changes together with general scientific paradigm in linguistics; however, in almost every new scien-

tific paradigm SGT is in demand. Secondly, SGT continually contributes to the development of new trends in linguistics, also SG concept is allocated as the basic unit and is one of the basic units of this theoretical concept.

In the late 1970s, when Bakhtin's article "The problem of speech genres" was published in the Soviet Union, the study of speech in linguistic scientific paradigm was determined by:

- (1) Soviet/foreign colloquialisms/methodology of conversation analysis (the study of colloquial speech was reflected in a series of monographs "Russian colloquial speech" (Moscow) wherein the Soviet school is characterized by search for particular speech systematicity that is different from the language).
- (2) Theory of speech acts: Just as linguists in the West, Russian linguists at this time successfully used the methodology of pragmatics and speech acts theory of J. Austin and J. Searle. It had become vital for poststructuralist linguistics to consider the human factor in language components in communicative situations and discourse. At the same time, these studies were carried out through external linguistic means, based on a deep understanding of units and system of relations, or significance of language inherent in the prior — system-structural — scientific paradigm.

It is through the prism of these theories that linguists welcomed M.M. Bakhtin's concept of speech genres: the first attempt of its practical use was a significant convergence of its provisions for colloquialisms and the theory of speech acts. This was significant all the more so because the linguistics of speech was characterized, on the one hand, as a total 'pragmatized' scientific apparatus, and on the other — a search for base units, in a formal and more comprehensive relationship exceeding the sentence / speech act (this search leads to an intersection of the general theory of communication, colloquialism, stylistics, pragmatics, text linguistics).

The article by A. Wierzbicka — "Speech Genres" [Wierzbicka 1983], which received wide publicity, reflects precisely this state of speech linguistics. These features were fully appropriate for the next stages of development in speech genres theory.

By the end of the 80's — early 90's the ideas of SGT were subjected to further pragmatization; and the method of speech acts theory in genre studies of this time (generistics) started to dominate. As a result, SGT suffered some drawbacks in comparison to TSA (see below).

By the mid-late 90s, with linguistic concepts becoming more semantic and cognitive, speech genre studies also undergo this influence, and the content side of speech genre comes to the fore. The very notion of "genre" largely interacts and intersects with the idea of "concept". It is significant that SG once again becomes (in another sense) a base unit:

- (1) of cognitive discourse analysis
- (2) for studying communicative competence and communicative concepts,
- (3) of national and cultural (language and communicative) world view
- (4) for portraying linguistic identity
- (5) of Linguo cultural typecasting.

Further semantisation of scientific research in linguistics was marked, on the one hand, by increasing attention to the content of the language units, and on the other, involvement in the linguistic usage of complex phenomena (manipulation, hint, irony, etc. and aspects of indirect communication), which were not subject to systematic study in linguistics earlier. When studying these phenomena again — in a slightly different form — they are in demand to explain the potency of speech genre model.

Now the concept of SG is one of the most important theoretical representation of *pragma linguistics, text linguistics, stylistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cultural linguistics* (each case of understanding SG has its own adjustments).

In particular, the concept of speech genre is associated with general issues of *communicative and speech competence, framing of knowledge* [Minsky 1975; Fillmore 1976; Dijk 1985]: cognitive knowledge about SG is organized into conceptual systems, which has recently been actively described in frame terms [Mustajoki 2013; Peeters 2009; Shevchenko, 2015].

In addition, the concept of SG is associated with *intranational speech cultures* (practical usage of basic SG kit is considered to be the most significant aspect of speech competence, according to V. Goldin and O. Sirotinina — amongst six “international speech cultures” [Goldin, Sirotinina 1993]).

SGT continues to actively develop: description and systematization of speech genres is being carried out consistently and successfully, as also the development of specific meta-language for describing the SG. Various aspects of speech genres are being studied, their number is multiplying: *linguistic aspects of SG* [Bhatia 2002; Dementyev et al. 2014; Dementyev 2010; Dymarsky 2015]; *text features of SG* [Tannen 2010; Borisov 2001; Dementyev 2015; Matveev 1995]; *stylistic peculiarities of SG* [Kozhina 1999; Mkrtychyan 2015; Salimovsky 2002]; *psycholinguistic aspects of SG* [Sedov 2016; Krasnikh 2015]; *cultural aspects of SG* [Goddard, Wierzbicka 1997; Dementyev 2009; Lakoff 2006; Manes 1983, 1984 by Thomas; Wierzbicka 1991; 2006; Riabtseva 2007]; *speech genres and concepts* [Dementyev 2010: 248—258; Slyshkin 2005; Shevchenko 2015]; *SG and history* [Hanks 2000; Balashova 2014].

At the same time, the main problem combining discourse analysis and theory of speech genres in all phases, remains structuring and parameterization of speech communication, and thus the search for basic models of structuring, which organize speech production and its interpretation continues. Speech genre acts as a constitutive category of discourse and as a unit of discourse.

2. SPEECH GENRE AS A CONSTITUTIVE CATEGORY OF DISCOURSE

The notion of genre has always occupied an important place in linguistic concepts of speech system. This problem is not just unresolved, but also has many years of negative experience, due to earlier failures and hesitancy for further research.

The main obstacle on the way to actual linguistic study of genres lies in the nature of its variability. Even if we imagine that someone will make a complete list of SG, in any attempt, it will be almost impossible to apply it to speech and genre variety

in practice, due to a huge number of small and large deviations from the “standard”, “author’s” and “listener’s” unpredictability, personal attitude, subjective will and other different unpredictable speech components.

Of course, diversity of genres and their variability is not merely a single unresolved problem of SG’s place in systematicity. The notion of genre, on the one hand, has acquired a strong position in the theory of discourse (earlier — in linguistic text) as one of its basic units (although it is not acknowledged as the basic unit of discourse genre organization by researchers); on the other hand, many modern works on the theory of discourse/text do not use either the term “genre”, nor the ideas of Bakhtin and other ideas existing in Russia “after Bakhtin’s” theory of speech genres.

Thus, the problem of speech systematicity is a key issue not only for the theory of speech genres: it would be no exaggeration to say that an adequate solution to this problem is the main task of linguistics of text and discourse theory.

As is known, the basis of text linguistics since its inception on the basis of pragmatics, stylistics and rhetoric lies in the idea of special communication practices, standards and recognizable speech rules, which organizes speech while at the same time, remains different from language rules. In fact, if the “rules of the text/speech” coincided with the language rules and norms, it would be unclear as to what are the differences between various types of texts in the same language (*novel, note, protocol, letter*) and what the differences will be between the text as a unit of speech and a sentence.

In text linguistics it is proven that “the rules of the text/speech” are multidimensional, variative and addressed to numerous spheres of extralinguistic reality: to the language and language/speech units which make up the text, to the content, i.e. the true or imaginative reality, to the author (to his intentions, motives, i.e., to his purpose) and to the reader/listener, to other authors and texts, and finally, to the culture (in any text “just like a drop of water in the ocean”, all of national and humane culture gets reflected).

Of course, the text addresses its own genre as the most obvious from the text rules.

In the context of this discussion, the term “*genre*” seems intuitively clear and logically related to the text, however, the question that remains unresolved is how to define the genre of work that is devoid of (literary) traditions, for example, “*Krokhotok*” by A. Solzhenitsyn and “*Fallen Leaves*” by B. Rozanov (the writers take credit for “invention” of these genres), for example:

- *The baby is crying. You get up. After all you are here and not asleep.*
- *If he cries, then what? He would cry in the arms. Perhaps I’ll hold him.*
(*Why the family breaks up; the first Nadia*)

Even more obviously, this applies to abstract, modernist, symbolist, futurist poetry. Compare:

IZRE

- It is an honor to be born a poor man.*
- *D. Burluk*

These “difficult” cases, however, represent only a stylization of the real difficulties that we find in large numbers in real direct communication. The content complexity, ad-

ditional interpretive moves of the addressee and the inherent varieties of indirect communication, are not the prerogative of the “difficult” areas of communication. Compare:

(*A enters the room where B and C are working*)

A. *Whatever/but it is lunch time //*

B. *Uh-huh //* (*A silently gathers and leaves to dine*)

(example from: [Kitaygorodskaya, Rozanova, 1999: 360]).

Saying *whatever/but it is lunch time* can be interpreted as an offer to have dinner together, but this offer is vague. In any case, it is impossible to be sure what is the goal of the speaker, based on follow-up actions of the other participants — A does not try to persuade his colleagues, and, moreover, A is quite satisfied with the vague response — *Uh-huh*. The latter perhaps, proves that expression *whatever/but it is lunch time* is understood as purely informative (message about unknown information concerning time) and does not contain any inducement. However, the purpose of the first phrase is not clear. As if it has been uttered to make the recipient understand it merely as a remark rather than an offer.

The researcher and linguist, faced with such a material, builds various hypotheses about the replica of this conversation. There is no doubt that the same incongruity exists amongst the participants themselves. Thus, even in this seemingly “simple” everyday conversation there cannot be a “simple” interpretation, that which implies a semiotic use of signs, because, obviously, we have before us indirect communication, where the uncertainty is inherent in the intentions of the speaker, a fact which is understood by the addressee. The response *Uh-huh* is a definite signal that the specific information has been taken into consideration (lunch time), and there is an indefinite refusal for an indefinite offer.

Understanding of the material (such examples are primarily characteristic of oral communication) lead the linguistics of text in the 60—70s to the necessity of using a complex set of text categories (including situational, dialogical, multiple character interpretations, intertextuality, verbal and non-verbal components of communication). Some of these categories which determine the completeness of a work extracted text linguistics from syntax, which deals with means of communication between sentences — and very soon formulated linguistics of discourse from traditional text linguistics. “Text plus situation” became its main categories. Interacting with pragmalinguistics and sociolinguistics, linguistics of discourse is enriched with the following categories:

- (1) Participants of communication (status-role-playing and situational-communicative characteristics);
- (2) Terms of communication (presuppositions, sphere of communication, chronotop, communicative sphere);
- (3) Organization of communication (motives, goals and strategies, segmentation, communication control and variability of communicative means);
- (4) Means of communication (channel and mode, tone, style and genre of communication).

Language is the main factor in organization and normativity of communication (in synergic terminology — *attractors*). Except for language, there are a large number

of different ways to streamline communication, overcome entropy, different genre and rhetorical rules, verbal and non-verbal communication, communication categories.

For understanding genres as a means of formalization of communication it is essential to understand SG as a transition phenomenon between language and speech. On the one hand, genre is not communication, but only its form [Bakhtin 1996: 192]; on the other hand, it is a speech form, although it is already quite standardized. SG is not a language, but also “not quite” speech: it is a transition phenomenon with hybrid properties. Genre is a high level unit, when there are no boundaries between speech and language. Speech genres make up buffer space consisting of “alienated” language system and its actual use. Genres bring systemacy, standard and semiotic beginning into speech and communication [Benveniste 1974], contributing to the development and crystallization of language in the “fight” against the disadvantages of indirect communication and preventing effective exchange with more precise meanings.

Speech genres, representing communication attractors, impose limits on interpretation of speech utterances, thereby making interpretation more standard and reducing the degree of undefined communication [Bogin 1997]. One of the most important SG features is to serve as identification to the addressee of intention. Compare the determination of SG by S. Gajda: this is “horizon of expectations for listening and a model building for speakers” [Gajda 1991: 70]. K. Dolinin indicates the property of SG as a “cognitive-constructive aspect of SG”: “The knowledge of genre canons <...> provides identification of the genre by the recipient (it is often enough to produce a small segment of discourse), i.e. orientation in speech event in which he/she is involved, activation of corresponding script, kept in lasting memory, and, consequently, setting the desired wave, turning on corresponding setting — perceptual or actual, and as a result, the ability to forecast a partner’s future speech acts, further unfolding of discourse and adequate reaction” [Dolinin 1999: 10].

Genre speech consistency is made up of the actual speech and genre moments of standardization and formalization (common to all speech genres) and rhetorical moments of formalization (inherent in rhetorical genres in which the sender seeks to “construct a sentence in a more effective way” [Sirotinina 1999: 28]).

The place of speech and rhetorical genres in general structuring of verbal and non-verbal communication is a typology based on the freedom level of a listener’s interpretive activities (as has been said, the genres take an important part in limiting this freedom) (Table. 1).

Table 1

Typology of communication according to the degree of the listeners freedom of interpretation

Basic sentence	Nonisosemic linguistic construction	Elliptical construction	Tropes	Conventional indirect statements	Flirt, irony, small talk	Unpredictable interpretation of a listener
Explicit statements		Implicit statements				
They are implemented by means of language				Language tools are insufficient		
Conventional statements				Unconventional indirect statements		
Genre typed statements				Genre non-typed statements		

The most important genre aspects of structure and interpretation of communication are:

- ◆ Existence of typical genre forms, which result into statements (including indirect ones).
- ◆ Existence of variability inside genres; existence of changing accents and secondary genres.
- ◆ Existence of indirect speech genres (genre as implicit information).
- ◆ Genre as attractor i.e. means of standards and removal of “indirect” communication.

3. SPEECH GENRE AS A UNIT OF DISCOURSE

Turning to the units of discourse, we emphasize that different units present different types of systematic discourse in the logic of speech attractors. In general, despite the fact that all researchers recognize speech attractors, it is still impossible to present a full picture of the relation between such moments of systematicity — even if it includes the most widespread model and studied types of rules and regulations, categories, units.

The following is a very rough list that represents different types of systematic discourse — as has been said, almost each of them has some moments of genre systematicity (and some are even equal):

- speech genre, subgenre, hyper genre
- communicative category, communicative concept (and hence communicative value), frame, script
- speech act, illocutionary act, speech/communicative course, illocutive component, intention and intentional state
- strategy (micro and macro strategies), tactics
- speech event, dialogical unity, transaction
- (function) style, tone, discourse type
- connector, “loop”(thematic) chain of theme-rheme progression, functional perspective and communicative dynamism.

As can be seen, the list (for convenience, we split it into several homogeneous groups) includes almost all units and modes, which are used in modern discourse theory — roughly speaking, we have included here everything beyond the level of language syntax and sentence, starting with specific communication means between two sentences in the text.

In some cases, the relationship between individual and group units is carefully examined in linguistics, for example, between *intention* and *intentional state* (starting with J. Searle 1983). A number of works is devoted to the relationship between the concepts *communicative category* and *communicative concept* [Karasik 2002; Karzenkova, Salimovsky 2005, Shevchenko, 2015]: the category is calibrated/scaled, there is no imaginative component and values are significantly weak.

Let’s consider *the relationship between speech genre and speech act*: a stage in the development of SGT passed under the sign of rapprochement between mutual influence of these theories.

Bakhtin's theory of speech genres, according to colloquists, is inseparable from speech act theory created by the British logician J. Austin [Austin 1962] (Bakhtin's "statement" defined by the trinity "theme — style — composition", is often identified with the "speech act" of J. Austin).

Genetic closeness of speech genres theory and speech act theory has repeatedly been noted by various researchers [Wierzbicka 1983; Dönninghaus 2001; Kozhina 1999; Mkrtychyan 2015; Fedosyuk 1997; Shmelev 1997].

In 1983 A. Wierzbicka, compared the position of speech acts theory, which was very popular and influential in linguistics of speech, and Bakhtin's theory of speech genres, which was almost unknown to wide linguistic public, and exposed the first theory to heavy criticism. She pointed that even though the aim of SAT is to analyze real units of speech act, in reality it has not freed itself sufficiently from prior scientific paradigm of linguistic limitations and does not go beyond the sentence in speech understanding:

"The point here is not about the terminology change. And it is also not about the opposition of something static to dynamic. "Speech genre", as understood by Bakhtin, is an action, not a product (more precisely, it is a codified form of action). The word "genre" is better, it is less erring than the word "act", because "act" is a short, routine saying. As a result, the study of human speech acts often turns into sentence study — especially the sentences that are specialized as weapon of certain genres. "The fact is that there are types of sentences, which usually function as whole utterances of particular genre types. These are question, exclamation and incentive sentences" [Bakhtin 1996: 194]. <...> The notion of speech genres, formulated and developed in numerous works of Bakhtin, seems to me to be very fruitful for both literary and linguistic studies (as well as for culture study in general). In my opinion the emphasis that Bakhtin lays, on the one hand, on meaning diversity of speech genres, and on the other — the need for unified methodology of their research is very important" [Wierzbicka 1983: 126].

M. Kozhina [1999] formulated the most important differences between speech act and speech genre (i.e., subject and aim of speech act theory and speech genres theory) in a more precise way.

Pointing, like other researchers, to considerable genetic affinity of these theories (the similarities between TSA and TSG are the starting points and definition of the unit under study as a speech; the similarity is also their dynamic aspect: SA and SG as units of linguistic communication process and speech activity as units (elements) in speech dynamics, in the process of constructing the text, discourse; the word as the action and activity of communication; hence the similarity is the principle of studying this unit in the context of extralinguistic factors [same: 54]), the researcher emphasizes that the most important differences lie not in quantity, but in significant qualitative planes — theoretical, methodological, ideological, beginning with a general worldview settings of the creators of these theories: "Existing differences between these concepts are due to specificity of national (or regional), scientific and philosophical interests and aspirations of the founders of these theories; G. Austin and J. Searle on one side, M. Bakhtin on the other [Same: 52].

These are the following lines of differences: 1) SA — action, SG has quantitatively and qualitatively a more complex nature and correlates with situation, event, text;

2) the focus of TSA is grammar (sentence), TSG is verbal communication and functional style; 3) TSA is monological, TSG is dialogical (sociological) [Same: 18—22].

In our opinion, consistent consideration of the above concepts reveals some obvious similarities and “mutual repulsion”: so the similarity between the terms “speech act” and “speech genre” is obvious, as well as techniques to study them. At the same time we pay attention, on the one hand, to apparent diversity of SG and relative homogeneity of SA, on the other hand — SA is not close to all SG (hardly anyone would think to talk about the speech acts of *lectures, discussions, conversation*). We consider that extended understanding of SG allows the bringing together of SA and SG if the position of the latter is primary; SA especially comes closer (and is even identified) with a type of SG, namely conventional primary simple SG.

Let’s now consider another significant problem both for SGT and for discourse such as *a group/chain of genre phenomena in speech systematicity*. The work of Dementyev [Dementyev 2016] presents a cognitive study of mental images of these phenomena in the minds of native speakers (based on the material surveyed), here the center of attention were *communication concepts* having a clear composition — thematic — stylistic content: the fixed names of these concepts are either the direct names of speech genres, or their components (strategies, tactics, etc.), or they reflect an attitude towards them within a given culture.

Standard structure of communicative concept is a chain of “*action/act ~ process/manner ~ role/type ~ genre ~ tonality*”.

In the case of symmetric conceptualization all the links in the chain are filled (it is clear that such situations are rare, especially in the case of new and borrowed concepts).

On the forefront can be speech genre typification, action (communication and speech acts), process (communication, speech events and complex events), behavior and role in this type of communication (e.g. competition or game) or social type itself (or rather its communicative refraction — linguo-cultural type).

Correspondingly, the name or type (obviously, it will be a noun) of the speech action can be on the forefront amongst the other names of communicative concepts: single (speech act) and long duration (verbs — perfective and imperfective verbs respectively), name of the process (noun) or genre name (nouns in this function are more common than verbs and are called speech acts).

In this respect, the bigger evaluation units in this evaluation chain are especially significant (and other units may be absent from the assessment point of view), for example, in the evaluation chain (*лесть ~ льстить ~ льстец ~ льстиво/льстивый*) *flattery ~ to flatter ~ flatterer ~ in a flattering manner*, *flattering* is the principal component, apparently, in most of these genre, but in one of the newest chains (*троль ~ троллинг ~ троллить*) *troll ~ trolling ~ to troll*, the main component is evaluative type *troll*; the genre is likely *trolling* (the genre is perceived as major, although *troll* is derivationally the source), the tone, apparently exists, but adjective and adverb are absent.

As for specific *language processing* the chains “genre ~ tone”, some of the details have already been revealed in the questionnaire [Dementyev 2016]: one-word names — nouns and verbs were on the forefront; adjectives and adverbs were presented very rarely

(their markedness is obvious), “action / SA (verb) ~ genre name (noun) ~ tonality: 1) genre characteristics (noun ⇒ adjective), 2) characteristics of action / SA (verb ⇒ adverb).

Apparently, it is possible to take for granted that this genre relevant axiology is fixed at the lexical level, at the same time *evaluative tokens* are highlighted:

- (1) Genre title (noun) = evaluation of the genre (*denunciation, flattery, boasting*);
- (2) verbs — action names / SA (the same, but less expressed (*boast, slander, incite*);
- (3) evaluative characteristics of the genre (actions/act as a part of the genre — intragenre strategies and the like.) — adjectives, adverbs: genre performance is assessed in this case:
 - a) general assessment of SG is preserved and enhanced (the genre is performed correctly): *sincere, honest, wise heart talk, imaginative novel*;
 - b) contrary to or opposed to overall evaluation SG (the genre is not properly performed): *insincere heart talk, graphomaniac novel*.

4. DISCOURSE CLASSIFICATION OF SPEECH GENRES: GENRES IN DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE

No less obvious is the theoretical and practical connection between the two discussed theories — discourse theory and the theory of speech genres — present in the typological sphere: the division of a certain type of discourse on genres and connection of discursive classification, i.e., allocation of types of discourse on any basis, with speech genre classification. In other words, differentiating respective types of speech genres.

This tradition probably has a very long history: typological discourse models date back to Aristotle’s ideas about literary genres, as well as provide them with the same types of oratorical speeches (advisory, epideictic, judicial).

It should be noted that this tradition is actively developing in modern discourse analysis: compare recent research in speech genres in scientific discourse [Salimovskiy 2002; Dönninghaus 2005], political writing [Duskaeva 2012], religious [Bobyreva 2007; Itskovich 2015; Wojtak 2011], political [Lakoff 2001; Sheigal 2004], pedagogic [Oleshkov 2012], medical [Ponomarenko 2011], judicial [Dubrovskaya 2014; Palashevskaya 2012], colloquial [Borisova 2001; Small talk 2000; Tannen 2008; 2010], Internet discourse [Herring 2007; Schurina 2016].

This list can and should be continued. We see a possibility to highlight the following in the modern environment — political, administrative, legislation, military, pedagogic, religious, mystic, medical, business, advertising, sport, scientific, stage and media types of institutional discourse. Of course the list can be continued or changed. It is important to note that institutional discourse is historically variable — if some public institution disappears as a separate cultural system, the corresponding discourse is dissolved in close and related discourses. For example it is highly unlikely to find hunter’s discourse in modern Russia [Karasik 2002: 279].

We may note that the above mentioned research is varied in its selection of particular objects (a particular type of discourse or its particular aspect, different types of discourse in comparison, significant discrepancies in their structure and development; function) as also of the research methodology and terminology.

For example, R. Wodak gives a characteristic example of medical discourse, the basis of which is a diagram of the necessary communicative actions which are connected with admission of patients in one of Vienna's hospitals:

- 1) The patient is invited to the consulting room.
- 2) The patient undresses and lies down on the couch.
- 3) One of the physicians examines the patient.
- 4) The patient is dressed and returns to the hall.
- 5) A doctor who examined the patient dictates results to his colleague, then they exchange points of views or the doctor takes notes in his workbook.
- 6) The doctors invite the next patient.

In fact, this scheme is rarely put into practice, because along the way colleagues and doctors answer the phone, the nurse brings X-ray images of the previous patient; it is found that the patient's history is lost and the nurse goes to look for it, the electrocardiograph unit doesn't work, the next patient peers into the room, etc. All participants of the dialogue are accustomed to deviations and react to them normally [Wodak 1996: 55—56].

The book by T. Itskovich [Itskovich 2015] is devoted to systematization of religious discourse genres/styles on communicative-pragmatic and categorical-text basis, taking into account their cultural, historical and textual genesis. The author develops a unified deductive theoretical model for the study of these genres, including, on the one hand, a small system of ancient proto-genres (*prayer, preaching, life*), providing branches to a large number of modern genres, and on the other hand — theoretical understanding of text structure through the medium of the most important text categories and practical analysis of all proto-genres and modern genres of religious style by a single method — based on textual genres structures, on material of about thousand complete religious texts of different genres: the canonical texts of the Gospel in Russian translations, texts of modern preaching as well as newspapers of Orthodox media and informal dialogues in groups of Orthodox parishes in the Internet.

The work by T. Itskovich is interesting due to its vivid deductive character: as the author notes, a deductive model (for example, genre typification) allows us to view the system of “branching”. This deductive approach seems justified because, the search of genetic regularity cannot be different; secondly, the study of speech genres by itself almost always is deductive, at least in modern linguistics: statements as speech genres rule production and interpretation of texts; there are some specific genres (conditional *X, Y, Z*), as well as their types which are accepted deductively, though there is a gaping lacuna between these types and real linguistic analysis which needs to be filled in the future.

T.V. Itskovich suggests an external typology (the selection of genres, speech genre analysis) on the basis of the reverent tone and bi-directional religious communication, from the sacred to the profane world (sermon); from the profane to the sacred (prayers); religious communication in the framework of the profane world, focused on the transcendental reality (life).

The basis of the internal typology (text-categorical analysis of religious genres) is a model “topic (situational, subject-sacred, spiritual) ~ composition ~ chronotop ~

tone”, which the author tries to consistently and uniformly apply to all genres — the objects of his analysis: three protogenres as well as contemporary genres, even in cases where he investigates genres far removed from the general religious space like online (internet) communication (including expressive lexemes) or prayers genre, the most difficult of all genres amenable to analysis under this scheme.

The detailed study of **political** discourse and its genres is represented in the well-known monograph by E. Sheigal in Russia and abroad (E.I. Sheigal: [2004]).

The speech genre research by E. Sheigal is very significant: the author has undertaken extremely profound and original typological research of genres in political discourse.

She highlights sets of main and peripheral genres for political discourse and its other types; she also shows how to divide the field of these genres, and reveals the line of convergence in political discourse with other types of discourses — scientific, legal, educational, religious, media discourse, as well as sports and games. It is shown that the centers of political discourse genres are those that correspond to the main purpose of political communications — the struggle for power: *parliamentary debates, speeches of politicians, vote*. In peripheral genres of political discourse, the function of struggle for power remains, but it is intertwined with the functions of other types of discourse. For example, *an interview with a politologist* includes elements of media, scientific and political discourse. At the junction between the discourse of the media and political discourse there are other genres, which can be placed on the scale viz a viz the actual political content: *pamphlet, feuilleton, problematic political article* written by a journalist, *speaker columnist, editorial, report* (from the Congress, rally, etc.), *news article, interview with a politician, problem analytical article, debate* (TV debates, discussions in the press), *politician's speech, political document, (the Presidential decree, the text of the law, the communiqué)*.

E. Sheigal constructs typology of genres in political discourse on a number of grounds: in particular, ritual genres are limited by the nature of leading intention in political discourse (*inaugural speech, commemorative speech, traditional radio report*), orientation genres (party program, the Constitution, *the President's message on the situation in the country, a summary report, a decree, agreement*), agonal genres (*slogan, advertising speech, electoral debates, parliamentary debates*).

In addition, E. I. Sheigal has undertaken a special study of such genres of political discourse, as the *inaugural address, slogan and political scandal as a narrative* [same].

It should be noted that genre studying is significantly enriched not only by the mentioned work of E. Sheigal, but also by the fact, that the highlighted types of genres were studied by her followers from a number of other schools and on other material — for example, on the material of journalistic and colloquial discourse.

Many researchers believe it is significant to contrast *personality-oriented and status-oriented discourse*.

The first case (in the case of a student-centered discourse — *VD*) in speech the communicants who know each other well, take part. They reveal to each other their inner world, in the second case, communication is reduced to a dialogue of representatives of a particular social group [Karasik 2002: 277].

Personal discourse is divided, according to V. Karasik, into two main varieties — *home* (everyday) and *existential* discourse.

A distinctive feature of everyday discourse that V. Karasik believes in is the “short code” of communication (restricted code, according to B. Bernstein [Bernstein 1979: 164—167]), when people understand each other “at a glance”.

The existential discourse is designed to find and experience real meanings; we are not talking about the obvious things, but of artistic and philosophical comprehension of the world. Here is an extract from “Karamazov Brothers”:

“But what does it matter to us?” laughed Ivan. “We’ve time enough for our talk, for what brought us here. Why do you look so surprised?”

Answer: why have we met here? To talk of my love for Katerina Ivanovna, of the old man and Dmitri? Of foreign travel? Of the fatal position of Russia? Of the Emperor Napoleon? Is that it?”

“No.”

“Then you know what for. It’s different for other people; but we in our green youth have to settle the eternal questions first of all. That’s what we care about. Young Russia is talking about nothing but the eternal questions now. Just when the old folks are all taken up with practical questions. Why have you been looking [pg 256] at me in expectation for the last three months? To ask me, ‘What do you believe, or don’t you believe at all?’ That’s what your eyes have been meaning for these three months, haven’t they?”

“Perhaps so,” smiled Alyosha. “You are not laughing at me, now, Ivan?”

“Me laughing! I don’t want to wound my little brother who has been watching me with such expectation for three months. Alyosha, look straight at me! Of course I am just such a little boy as you are, only not a novice. And what have Russian boys been doing up till now, some of them, I mean? In this stinking tavern, for instance, here, they meet and sit down in a corner. They’ve never met in their lives before and, when they go out of the tavern, they won’t meet again for forty years. And what do they talk about in that momentary halt in the tavern? Of the eternal questions, of the existence of God and immortality. And those who do not believe in God talk of socialism or anarchism, of the transformation of all humanity on a new pattern, so that it all comes to the same, they’re the same questions turned inside out. And masses, masses of the most original Russian boys do nothing but talk of the eternal questions! Isn’t it so?”

Of course, the following genres are traditionally opposed: fiction and nonfiction, written and oral, monologue and dialogue texts/discourse/genres. We are not going to speak about widespread elaborate types of speech, we will note that linguists usually connect the essence of art-based communication and general opposition to others — non-fiction varieties with discursive and recursive organization of speech, i.e., creative speech and standard use of the language [Juvan 2002; Dementyev, et al 2016]. It is noted that differentiation of art-based communication can take place on various grounds: it is a language game, different types of play behavior, including playing in the theater, artistic speech, literature in all its diversity of genres. Artistically-oriented communication overlaps with personally-oriented communication, as self-disclosure occurs mostly in creativity [Karasik 2002: 291—292].

5. CONCLUSION

The main task of current direction in discourse analysis is to find an adequate model of real dialogical speech communication. As shown in this article, TSG has good potentials for solving this problem.

Since the end of 80s SGT has already experienced a number of stages in its development, which can be summarized as follows: If at first (late 80s — early 90s) speech genres were studied on the basis of methodology and terminology of speech act theory, the second stage consisted of overcoming disadvantages of the first stage.

Now SGT seems to be going through a new stage. It is connected, first of all, to bridge the gap between two previous trends — in fact the gap is artificial. Secondly, in understanding new, unclaimed ideas of Bakhtin (in genre studies “forward” often means “back to Bakhtin”); for example in modern genre studies *representation of current speech pattern* becomes especially important and a relevant issue for contemporary discourse analysis. M. Bakhtin gave initial impetus to studying actual processes of modern speech. He determined SG as “transmission belts from social history to the history of the language” [Bakhtin 1996: 165].

This aspect is being developed in several research groups:

- studying modernity: culture, communication, society — through the prism of SG (“Speech genres, selected by the language, are <...> one of the best keys to the culture of the society» [Wierzbicka 1983: 127]). Unfortunately, there are very few special works on this theme [Averincev 1986; Mustajoki 2013; Dementyev 2015]);
- studying SG through the prism of modernity: in fact, almost every study, claiming to be adequate, uses an integrated approach, at the same time it connects SG with more or less a broad cultural and historical context. We mention only a few most revealing works: [Abrahams 1974; Hanks 2000; Salimovsky 2002; Sedov 2016; Lakoff 2006; Intercession and others 2011]. In this regard, two aspects are studied often: appearing of new SG and new features and transformation of some traditional SG.

© Vadim. V. Dementyev, 2016

REFERENCES

- Abrahams, R.D. (1974). *Black Talking on the Streets. Explorations in the Ethnography of Speaking*. Chapter IV: Speech Acts, Events, and Situations. N.Y.: Cambridge University Press.
- Adamzik, K. (1995). *Textsorten — Texttypologie. Eine kommentierte Bibliographie*. Münster: Nodus Publ., 1995. (Studium Sprachwissenschaft. 12).
- Austin, J.L. (1962). *How to Do Things with words*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Averintsev, S.S. (1986). *Istoricheskaya podvizhnost' kategorij zhanra: opyt periodizatsii* [Historical mobility of category of the genre: the experience of periodization]. Moscow: Nauka, 104—116. (In Russian).
- Balashova L.V. (2014). *Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitii: XI—XXI vv.* [The Russian metaphorical system in development: 11th — 21st cent.]. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi: Znak. (In Russian).
- Bakhtin, M.M. (1996). *Problema rechevykh zhanrov* [The problem of speech genres]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 159—206. (In Russian).

- Benveniste, E. (1979). *Problemes de linguistique generale*. P.: Gallimard, 1974. Vol. 1—2.
- Bernstein, B. Social Class, Language and Socialization // *Language and Social Context: Selected Readings*. Harmondsworth: Penguin, 1979.
- Bhatia, Vijay K. (2002). Applied genre analysis: a multi-perspective model // *Ibérica*, 4, 3—19.
- Bobyreva, E. V. (2007). *Religioznyi diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious discourse: values, genres, strategies (based on the Orthodox Christianity)]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
- Bogin, G.I. (1997). *Rechevoy zhanr kak sredstvo individualizatsii* [Speech genres as means of individualization]. Saratov: Kolledj. (In Russian).
- Borisova, I.N. (2001). *Russkiy razgovornyi dialog: struktura i dinamika* [Russian colloquial dialogue: structure and dynamics]. Yekaterinburg: Ural Univ. Publ. (In Russian).
- Dementyev, V.V. (2009). Russian Anekdots of 1970s: on the Material of the Soviet Humorous Magazine “Krokodil”. *Russian Journal of Communication*, Vol. 2, Nos. 3/4. Special Issue: The Russian anekdot as cultural genre, discourse and performance.
- Dementyev, V.V., Balashova, L.V., Stepanova N.B., Baykulova A.N. (2014). Linguistic aspect of speech genres. *Journal of Language and Literature*. 5(4), 288—291.
- Dementyev V.V., Balashova L.V., Stepanova N.B., Shapovalova N.G. (2016). Language — genre — creativity: linguistic aspects of the problem. *Journal of Language and Literature*. 7.(1), 142—145.
- Dementyev, V.V. (2010). *Teoriya rechevykh zhanrov* [A theory of speech genres]. Moscow: Znak. (Kommunikativnye strategii kul'tury). (In Russian).
- Dementyev, V.V. (2015). *Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nye protsessy sovremennoj rechi* [The theory of speech genres and actual processes of the modern speech]. Moscow: *Voprosy yazykoznaniiya*, 6 (7—107). (In Russian).
- Dementyev, V.V. (2016). Nekotoryye metodologicheskiye printsipy izucheniya rechezhanrovykh zaimstvovaniy [Some Methodological Principles of Study on Borrowing Speech Genres]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Lingvistika*. 20 (1), 7—24. (In Russian).
- Dijk, T.A. van. (1985). *Handbook of discourse analysis*. V. 1—4. L.: Academic Press.
- Dönninghaus, S. (2001). Sprechakt und Kommunikationsgenre. (Theoretische Aspekte der sprachlichen Interaktion). *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (PolySlav)*. Bd. 4. München, 69—79.
- Dönninghaus, S. (2005). *Die Vagheit der Sprache: Begriffsgeschichte und Funktionsbeschreibung anhand der tschechischen Wissenschaftssprache (Slavistische Studienbücher. Neue Folge)*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Dolinin, K.A. (1999) *Rechevye zhanry kak sredstvo organizatsii social'nogo vzaimodeystviya* [Speech genres as means of organization of social interaction]. Saratov: *Zhanry rechi* (2), 7—13. (In Russian).
- Dubrovskaya, T.V. (2014). Sudebnyi diskurs kak kul'turnyi fenomen: natsional'no-kul'turnye osobennosti rechi sudei (na materiale russkikh, anglijskikh i avstralijskikh sudebnykh zasedaniy) [Legal discourse as a cultural phenomenon based on English, Russian and Australian court hearings]. Moscow: *Voprosy yazykoznaniiya* (2), 76—88. (In Russian).
- Duskaeva, L.R. (2012). *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [Dialogical nature of the newspaper speech genres]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. (In Russian).
- Dymarskiy, M.Ya. (2015). *Model' vyskazyvaniya i rechevye zhanry (na materiale kontroptativnykh infinitivnykh vyskazyvaniy)* [The model o statement and speech genres]. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova, 54—56. (In Russian).
- Fedosyuk, M.YU. (1997). *Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov* [Unsolved problems in the theory of speech genres]. Moscow: *Voprosy yazykoznaniiya* (5), 102—120 (In Russian).

- Fillmore, Ch. (1976). *Nyt need for a frame semantics within linguistics*. *Statist. Meth. Linguist.* Vol. 1.
- Fix U. (2008). *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin: Frank & Timme GmbH.
- Gajda St. (1991). *Gatunki wypowiedzi potocznych. Język potoczny jako przedmiot badań językoznawczych*. Z. Adamiszyn: Opole, 67—74.
- Gatunki mowy (2004—2007). Gatunki mowy i ich ewolucja*. Pod red. Danuty Ostaszewskiej. T. 1. *Mowy piękno wielorakie*. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2000; T. 2. *Tekst a gatunek*. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2004; T. 3. *Tekst a odmiany funkcjonalne*. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego.
- Goddard, C. & Wierzbicka, A. (1997). *Discourse and Culture // Teun A. van Dijk (ed.) Discourse as Social Interaction / Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. L.: Sage, Vol. 2, 231—259.
- Goldin, V.E., Sirotinina, O.B. *Vnutrinatsionalnye rechevye kultury i ikh vzaimodeistvie* [Sub-national speech cultures and their interactions]. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. univers. (In Russian).
- Hanks W.F. (2000). *Dialogic conversions and the field of missionary discourse in Colonial Yucatan. Les Rituels du Dialogue*. A. Monod Becquelin & Philippe Erikson (ed.). Nanterre: Société d'Ethnologie, 235—254.
- Herring, S.C. (2007). *A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse*. *Language@Internet*, 4. Article 1 [Retrieved April 26, 2009].
- Itskovich, T.V. (2015). *Kategorial'no-tekstovaya specifika sovremennoy pravoslavnoy propovedi* [Categorical and textual specificity of modern Orthodox preaching]. Ekaterinburg: ID Azhur. (In Russian).
- Juvan, M., (2002). *Literariness as a culturally based feature*. *In Stylistyka XI*. Opole, 9—29.
- Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoj krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
- Karzenkova, E.P., Salimovskiy, V.A. (2005). *K ehksplikatsii ponyatiya kommunikativnoy kategorii* [To the explication of communicative category's notion]. Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 98—104. (In Russian).
- Kitaygorodskaya, M.V., Rozanova, N.N. (1999). *Rech' moskvichey. Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt* [Speech of Muscovites. Communicative and cultural aspect]. Moscow: Russkie slovari. (In Russian).
- Kozhina, M.N. (1999). *Rechevoy zhanr i rechevoy akt (nekotorye aspekty problemy)* [Speech genre and speech act (some aspects of the problem)]. *Zhanry rechi*. No. 2. Saratov: Zhanry rechi (2), 52—61. (In Russian).
- Krasnyh, V.V. (2015). *Zhanry rechi skvoz' prizmu mnogomernosti bytiya Cheloveka govoryashchego* [Speech genres through the prism of the multidimensionality of Homo Loquens]. Moscow: Zhanry rechi (1), 9—14. (In Russian).
- Lakoff, R. (2001). *The Language war*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Lakoff, R. (2006). *Identity à la carte: you are what you eat*. *Discourse and Identity*. Anna DeFina, Deborah Schiffrin and Michael Bamberg (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 142—165.
- Manes J. (1983). *Compliments: A Mirror of Cultural Values // Sociolinguistics and Language Acquisition*. N. Wolfson, E. Judd (Eds.). Rowley.
- Matveeva, T.V. (1995). *K lingvisticheskoy teorii zhanra* [By linguistic theory genre]. Kiev: Collegium (1—2). (In Russian).
- Minsky, M. (1975). *A Framework for Representing Knowledge*. MIT-AI Laboratory Memo 306, June. Reprinted in *The Psychology of Computer Vision*, P. Winston (Ed.), McGraw-Hill.

- Mkrtychyan, S.V. (2015). *Rechevoy zhanr: o edinitsah strukturovaniya produkta rechevoy deyatelnosti* [Speech genre: the unit of product structuring off speech activity]. Saratov: Zhanry rechi. (In Russian).
- Mustajoki, A. (2013). *Title Risks of miscommunication in various speech genres. Understanding by Communication*. E. Borisova & O. Souleimanova (ed.). Cambridge Scholars Publishing. Cambridge, 33—53.
- Oleshkov, M.Yu. (2012). *Pedagogicheskiy diskurs* [Pedagogical discourse]. Nizhni Tagil: Nizhni Tagil State Social-Pedagogical Academy. (In Russian).
- Palashevskaya, I.V. (2012). *Sudebnyi diskurs: funktsii, struktura, narrativnost'* [Legal discourse: functions, structure, narrativity]. Volgograd: Volgograd State Pedagogical Univ. (In Russian).
- Peeters, B. (2009). Language and cultural values: the ethnolinguistic pathways model. *Flinders University Languages Group Online Review*. 4 (1), 90—117.
- Pokrovskaya, E.A., Dudkina, N.V., Kudinova, E.V. (2011). *Rechevye zhanry v dialoge kul'tur* [Speech genres in the dialogue of cultures]. Rostov-na-Donu: Foundation. (In Russian).
- Ponomarenko, E.A. (2011). *Rechevye zhanry v meditsinskom diskurse (v proizvedenyakh russkikh pisateley-vrachev)* [Speech genres in the medical discourse (in the texts of Russian doctor writers)]. Simferopol': Dombrovsky Writers' House. (In Russian).
- Salimovskiy, V.A. (2002). *Zhanry rechi v funktsional'no-stilisticheskom osveshhenii (nauchnyy akademicheskiiy tekst)* [Speech genres from the functional-stylistic perspective (academic scientific text)]. Perm': Izd-vo Perm. un-ta. (In Russian).
- Searle, J.R. (1983). *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sedov, K.F. (2016). *Obshchaya i antropocentricheskaya lingvistika* [General and anthropological linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russian).
- Shevchenko, I.S. (2015). *Koncept kommunikativnogo povedeniya i zhanr* [Concept of communicative behavior and genre]. Saratov: Zhanry rechi (1), 23—24. (In Russian).
- Sheigal, E.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis. (In Russian).
- Sherstyanykh, I.V. (2013) *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow: Flinta Nauka. (In Russian).
- Shmeleva, T.V. (1997). *Model' rechevogo zhanra* [Model of speech genre]. Saratov: Kolledj (1), 88—89. (In Russian).
- Schurina, Y.V. (2016). *Zhanrovoe svoeobrazie social'noj seti Instagram* [Genre individuality of Instagram social net]. Saratov: Zhanry rechi (1), 156—168. (In Russian).
- Sirotinina, O.B. (1999). *Nekotorye razmyshleniya po povodu terminov "rechevoj zhanr" i " ritoricheskij zhanr"* [Some reflections concerning the term "speech genre" and "rhetorical genre"]. Saratov: Kolledj, 26—31. (In Russian).
- Slyshkin, G.G. (2005). *Rechevoj zhanr: perspektivy konceptologicheskogo analiza* [Speech genre: perspectives of conceptological analysis]. Saratov: IZ Nauka: Zhanry rechi, (4), 34—49. (In Russian).
- Small talk (2000). Small talk. J. Coupland (ed.). Harlow: Longman.
- Swales, J.M. (1990). *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tannen D. (2008). «We've Never Been Close, We're Very Different»: Three Narrative Types in Sister Discourse. *Narrative Inquiry*. 18:2, 206—229.
- Tannen, D. (2010). Abduction and identity in family interaction: Ventriloquizing as indirectness. *Journal of Pragmatics*. 42, 307—316.

- Thomas, J. (1985). Cross-cultural discourse as “unequal encounter”: towards a pragmatic analysis. *Applied Linguistics*, 5.
- Wierzbicka, A. (1983). Genry mowy // Tekst i zdanie. Zbiór studiów / Red. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław itd.: PAN, 125—137.
- Wierzbicka, A. (1991). *Cross-Cultural Pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Wierzbicka, A. (2006). *Anglo scripts against ‘putting pressure’ on other people and their linguistic manifestations*. Cliff Goddard (ed.) *Ethnopragmatics: Understanding Discourse in Cultural Context*. Mouton de Gruyter, 31—63.
- Witosz, B. (2005). *Genologia lingwistyczna. Zarys problematyki*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Wodak, R. (1996). *Disorders of discourse*. London and New York: Longman.
- Wojtak, M. (2011). *Współczesne modlitewniki w oczach językoznawcy*. Studium genologiczne. Tarnów: Biblos.

Article history:

Received: 15 September 2016

Revised: 28 September 2016

Accepted: 02 October 2016

For citation:

Dementyev, V. (2016). Speech Genres and Discourse: Genres Study in Discourse Analysis Paradigm. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 103—121.

Bio Note:

Vadim Dementyev, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics of Chernyshevsky Saratov State University, member of the editorial board of *Russian Journal of Linguistics* (Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow). *Research interests*: the theory of discourse, communicative axiology, theory of speech genres. *Contact information*: e-mail: dementevvv@yandex.ru.

УДК: 811.161.42

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-103-121

**ЖАНРЫ РЕЧИ И ДИСКУРС:
МЕСТО ЖАНРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ПАРАДИГМЕ ДИСКУРС-АНАЛИЗА**

В.В. Дементьев

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
410012, г. Саратов, Россия, ул. Астраханская, д. 83

Статья посвящена месту исследований по речевым жанрам в парадигме дискурс-анализа. Обсуждаются направления дискурс-анализа, имеющие общие с теорией речевых жанров проблемы, категориальный аппарат или набор базовых единиц, а также использующие речежанровую методику

для решения своих проблем. Показано, что главной проблемой, объединяющей дискурс-анализ и теорию речевых жанров, является структурирование и параметризация речевой коммуникации, а тем самым — поиск базовых моделей данного структурирования, организующих как порождение речи, так и ее интерпретацию. В этой связи обсуждаются единицы дискурса, место их по отношению к речевым жанрам и в общем околожанровом пространстве речи. Анализируются коммуникативный и когнитивный аспекты данных единиц, строятся цепочки, звенья которых соответствуют компонентам коммуникативных концептов, имеющих четкое композиционно-тематически-стилистическое содержание (зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых жанров, или их компонентов, или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры): стандартная структура коммуникативного концепта представляет собой цепочку «действие/акт ~ процесс/манера ~ роль/тип ~ жанр ~ коммуникативная тональность», при этом в большинстве цепочек речевые жанры являются главными компонентами. Много внимания уделяется дискурсивной классификации речевых жанров: обсуждаются жанры в разных типах дискурса.

Ключевые слова: теория речевых жанров, дискурс-анализ, параметризация речи, классификация, коммуникативные концепты

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 сентября 2016

Дата принятия к печати: 02 октября 2016

Для цитирования:

Дементьев В.В. Жанры речи и дискурс: место жанроведческих исследований в парадигме дискурс-анализа // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 4. С. 103—121.

Сведения об авторах:

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. *Сфера научных интересов:* теория дискурса, коммуникативная аксиология, теория речевых жанров. *Контактная информация:* e-mail: dementevvv@yandex.ru

АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА POLITICAL DISCOURSE ANALYSIS

UDK: 811.112.42

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-122-139

MOVEMENTS AND MEANINGS: TOWARDS AN INTEGRATED APPROACH TO POLITICAL DISCOURSE ANALYSIS

Douglas Mark Ponton

University of Catania

1 Viva Cava Gucciardo Pirato, 97015, Catania, Italy

This chapter has two principal focuses; firstly backwards in time, across some of the high points in the development of political discourse analysis, in order to assess the current state of the field. It also has a future focus, as it attempts to integrate insights from some emerging fields, such as Multimodality, with more consolidated approaches. It has been argued, in many accounts (e.g. Fairclough and Fairclough 2012), that persuasion is the most pervasive function of all political discourse, and most authors agree that the processes involved encompass both textual and non-textual features. An influential early attempt, for example, to describe some non-verbal aspects of persuasive rhetoric was Atkinson (1984), who identified features like the speaker's voice quality, intonation, posture, body language, eye movements, and so on, as well as some other non-linguistic 'tricks'. As influential as this work was, however, these features have tended to be omitted from many subsequent accounts of persuasion in political rhetoric, which have concentrated on features of argumentation operating at a strictly textual level. The overall aim of this work is to suggest pathways towards the ambitious goal of developing a usable, integrated model for analysing political discourse. Instead of analysing a single feature such as metaphor (Charteris-Black 2006), parliamentary insults (Ilie 2004), evaluative language or humour (Swain 1999, 2002), the model attempts to combine descriptions of textual and non-verbal/multimodal features of political discourse, in order to provide a practical tool for analytical purposes, and a coherent account of their possible pragmatic effects.

Key words: political discourse analysis, multimodality, persuasion, textual and non-textual features

1. INTRODUCTION

It has been suggested, in many accounts of political discourse, e.g. (Halmari & Virtanen, *Persuasion across genres: a linguistic approach*, 2005; Fairclough & Fairclough, 2012) that persuasion is among the most pervasive of its functions, and most authors agree that the processes involved encompass both textual and non-textual features. The aim of this chapter is to propose a model for political discourse analysis, which may be

applied to video representations of political discourse, where this term refers to any of the various sub-genres involved: conference address, TV interview, party political broadcast, presidential debate, appearance on Question Time, and so on. The model attempts to recover the performative dimension (Mast, 2006) of the political speech, in the context of an analytical tradition that has been, in the main, focused primarily on effects at the textual level.

An influential early attempt to describe some non-verbal aspects of persuasive rhetoric was Atkinson (Atkinson, 1984), who identified features like the speaker's voice quality, intonation, posture, body language, eye movements, and so on, as well as some other non-linguistic tricks, such as the use of a camera angle that emphasises the speaker's power. Despite the book's influence, however, these features have tended to be down-played or simply omitted in many subsequent accounts of persuasion in political rhetoric, many of which have concentrated primarily on textual features.

As an example of what I mean, consider this reference, from Charteris-Black's important work on metaphor in political discourse, where he discusses Obama's use of the dramatic pause:

'Yes. We. Can' — notice the intonational emphasis that comes from treating these three words as separate rather than as a phrase. Delivery is also an essential component of classical rhetoric (Charteris-Black, 2005, p. 290).

The issue is that 'also', with which the concept of delivery is referred to here. This is, in fact, the only explicit reference the writer makes to intonation in this work which, as it deals with the subject of metaphor, has less space to devote to other factors. I am not, of course, suggesting that non-verbal factors do not figure at all in serious studies of political persuasion (see e.g. Fairclough 2000, Chilton 2004); however, where the writer's attention is on some textual aspect, as is the case here, there may not be space to do them justice.

The overall aim of this work, then, is to suggest pathways towards the ambitious goal of developing a usable model for analysing single instances of political discourse that will include non-verbal aspects. Instead of analysing a single textual component such as metaphor, the model attempts to combine descriptions of textual and non-verbal/multimodal features of political discourse, in order to provide a practical tool for analytical purposes. The model, it is hoped, will enable the analyst to approach any sample of political discourse and obtain insights into the persuasive techniques adopted in each separate instance, as well as answers to the specific research questions which motivated the enquiry.

2. POLITICAL DISCOURSE ANALYSIS

Political discourse analysis (PDA) has branched out over the last thirty or so years in many directions, so that today it is possible to speak of a number of distinct approaches. These may, at times, borrow specific methodologies or tools from one another, but there is no unified methodological approach (nor is it necessarily possible, or desirable, that there should be). Some of the most important currents are:

— Rhetorical. Studies of this type build on an ancient western tradition, dating back to Aristotle, of classification and description of rhetorical figures or tropes (Conley, 1990), Kennedy (1994). Among more modern scholars inter-

ested in rhetoric, Charteris-Black's work on critical metaphor analysis (2005, 2014), includes consideration of possible pragmatic effects, thus integrating work on classical rhetoric with more modern approaches;

- Critical discourse analysis. Since its earliest days, CDA has been interested in the ways that power and ideology manifest in political discourse. It is impossible to sum up, in a short paragraph, the range and scope of the work of scholars like Chilton, Fairclough, Wodak or Van Dijk, but some of their key studies have shed light on manipulative discursive processes in the areas of political language (Fairclough 2000), racism, (Van Dijk 1995, 2000), Wodak (2009), gender inequalities and other social issues (Chilton 2004, Chilton et al 2012, Fairclough 1992, 2000, Fairclough and Fairclough 2012). These studies probe beneath the surface of discourse, to expose implicit ideologies and institutionalised patterns of inequality and injustice.
- Corpus linguistics. There are numerous studies of political discourse using corpora of speeches or other political discourse (e.g. Partington 2009, 2012), while many studies from other currents adopt methodologies from corpus linguistics (e.g. Halmari 2005). One advantage of this methodology is that it allows for the study of large collections of texts, either from one speaker or a number of different speakers, allowing for the observation of textual patterns that recur across the genre.

Alongside these major trends are others, arguably with fewer adherents but nonetheless making significant contributions to the field: work on political discourse has been done in Cognitive Linguistics (e.g. Lakoff 2002, 2016, Van Dijk 2006), Multimodality (Chouliaraki, 2005), and approaches based on Appraisal Theory (Martin & White, 2005), Pragmatics (Wilson, 1990) and Conversation Analysis (Atkinson, 1984).

The picture of PDA that emerges from this necessarily brief outline is one of consolidated advances on many fronts. It may be, however, that some of these analytical methodologies follow their own heuristic pathways at the expense of developing an overall picture, and this trend complicates the task of defining an analytical model capable of general application, for the beginner as well as for the more experienced analyst of political discourse.

This chapter attempts to unite some of these diverse currents in an analytical model that will give due weight to a variety of contributory factors in its reading of any sample of political discourse. The model consists of analysing the following components: the *context*, *setting*, *camera-work*, *voice quality*, *kinesic features*, *rhetorical figures*, *evaluation*, *ethos*, *pathos* and *logos*.

Case Study: Bill Clinton's confession to the American people of his involvement with Monica Lewinsky

In this section, the analytical model referred to above is applied to political discourse, in an illustrative case study, of Bill Clinton's address to the American people admitting to his involvement with Monica Lewinsky¹. The research question involved

¹ "Bill Clinton Admits to Having Inappropriate Relationship with Monica Lewinsky". Youtube. N.p., n.d. Web. 29 Sept. 2016. <<https://www.youtube.com/watch?v=fo6bDvDHsuc>>.

in my study of this confessional address relates to understanding the role the speech played in Clinton’s rescue of his presidency, following an extremely serious scandal. Not only did he stand condemned, in the popular mind, of abusing his powerful position to obtain sexual favours but, more seriously, he had gone public with his denial of involvement. Therefore, like Republican president Richard Nixon before him, he stood accused of having lied to the American people, something which the American people are known to judge more seriously than many offences of ‘first order’ (Jaworski & Galasin, 2002, p. 630). Following Clinton’s admission of guilt, in fact, his approval ratings dropped to 57% (Mast, 2006, p. 136), though paradoxically they soon began to recover, peaking at 73% in the immediate aftermath of the impeachment procedure, a rating that exceeded any result recorded by one of the most popular of all American presidents, Ronald Reagan². Clinton was able to serve out his term, and the following endorsement from ABC News was to sum up how many Americans felt about their late president:

You can’t trust him, he’s got weak morals and ethics — and he’s done a heck of a good job³.

The following table (table one) gives a broad picture of the model’s analytical criteria as they are exemplified in the Clinton confession video. For reasons of space, it is not possible to include more than brief summaries of these points in the table itself, and each category is then followed up in more detail below.

Table 1

The model applied to Clinton’s confessional address

Context	Clinton confesses his affair with Monica Lewinsky to the US people
Setting	Presidential office (White House Map Room); Bowl of flowers back left; BC wears immaculate dark suit, white shirt, blue tie; Indistinct furniture behind; Darkness, chiaroscuro, like a Rembrandt self-portrait
Camera	Mid-shot, then moving into close-up then very close-up, drawing back to mid-shot at the end
Voice	Even tone, falling intonation pattern on sentence ends; Emphasises key words (“it was <u>w</u> rong”); Frequent dramatic pauses
Kinesic features	Looks straight at the camera, serious expression No hand gestures No smiles
Rhetorical figures	Alliteration, Anaphora, Amplification, Parallelism, Tricolon
Evaluation	BC: Positive and negative Independent counsel investigation: negative
Ethos, pathos	<i>Ethos</i> : Attempt to rescue BC’s damaged persona <i>Pathos</i> : Embarrassment / Regret / Concern / Hurt
Logos	Even presidents have private lives

² “Poll: Clinton’s Approval Rating up in Wake of Impeachment”. CNN. Cable News Network, n.d. Web. 29 Sept. 2016.

³ “Poll: Clinton Legacy Mixed”. ABC News. N.p., 17 Jan. 2001. Web. 29 Sept. 2016. <http://a.abcnews.com/sections/politics/DailyNews/poll_clintonlegacy010117.html>.

3. CONTEXT

At the apex of his success, Bill Clinton was seen as perhaps the most charismatic democratic president since J.F. Kennedy, and his skills as a communicator have been compared favourably with those of Ronald Reagan, the so-called ‘great communicator’ (Halmari, 2005). The scandal over his relationship with the intern Monica Lewinsky which, in 1998, almost resulted in his impeachment and removal from office, was the most serious in modern US political life since 1974, when Nixon had been forced to resign rather than risk impeachment over his role in the Watergate burglary and cover up. It is important to include Nixon in this description of the context, for otherwise it is hard to understand certain references in the Clinton speech, as we shall see below.

Clinton is filmed here confessing to the American people what he had previously denied for seven months, that he had had sexual relations with Monica Lewinsky, his hand finally forced by a semen-stained dress which was delivered to the Starr investigators, in late July 1998. The film was broadcast on American television, following Clinton’s testimony on the affair to the Grand Jury, on 17th August 1998.

4. SETTING

The setting of any staged political performance is extremely revealing, since it is an aspect of the event over which the speaker and his team have complete control. It can therefore be meticulously prepared, in order to support a particular interpretation or reading of the event by viewers. In this case, Clinton appears in a White House office, dressed in an immaculate suit, white shirt and blue tie. A bowl of carefully arranged flowers is the most noticeable object in the background, which also features the indistinct shapes of a painting and a table or writing desk. The scene is curiously lit, in a complex mixture of light and shade strongly reminiscent of the chiaroscuro techniques used by artists such as Rembrandt (figure 1).

Figure 1. The setting

Interpreting the overtones of any such image will naturally involve a degree of subjectivity. However, we can advance certain assertions about the setting that might be widely shared, alongside others of a more subjective nature. In the former category it would seem unproblematic to say that one effect of this presentation is to emphasise the president's *gravitas*: he looks every inch a world leader, and is speaking from a location most viewers will immediately recognise as inside the White House. The use of darkness underlines the seriousness of the occasion, emphasised also by the president's unsmiling demeanour. More speculatively, perhaps, we might feel that the setting encourages thoughts of a religious nature: the lighting, and the flowers, recall the interior of a church, while the sombre figure, whose suit merges with the dark background, appears in the penitential, self-questioning guise familiar in western art from Rembrandt's self-portraits.

5. CAMERA

As we can see from figure one, above, the camera angle is at eye level, which Kress and Van Leeuwen (1996: 140), in the context of photography, associate with 'equality' and lack of 'power difference'.

The scene opens with a mid-shot, moving slowly into close-up (from 00.24—00.35). From 01.38 to 01.45 it moves into very close-up, where it stays until the end of the discourse. From 04.10 to 04.13 the camera moves out, back into mid-shot; returning, that is, to its position in the opening. The effect of this is to gradually focus on the president, to deepen the sense of confession and intimacy, and to symbolise, by the fixity of the very close-up shot when it arrives, the fact that the heart of the message has been arrived at. Likewise, the retraction of the shot, towards the end of the film, signals that the moment of uncharacteristic closeness, when 'we' the viewers are privileged to be told intimate details about the private life of the president, is over, and normal distances are resumed.

6. VOICE

In terms of Van Leeuwen's classification of voice qualities, Clinton's voice is soft and intimate throughout, and would be seen as a 'personal' tone, denoting a relationship with the interlocutor of 'close friendship' (Van Leeuwen, 1999, p. 191). There is a tendency for his sentences to conclude with a falling intonation, a pattern found in assertions rather than questions, which has also been associated with an attitude of "assertiveness, aggression, and confidence" in the speaker (Cook, 2002, pp. 85—6). The following sample is fairly typical of Clinton's use of pauses, emphasis and falling intonation on sentence ends⁴:

Indeed I did have a relationship with Miss Lewinsky that was not (↓) appropriate (-) in fact (+)
it
was (↓) wrong (++) it constituted a critical lapse in judgment and a personal failure on my part
(+) for
which I am (↓) solely (-) and (↓) completely responsible (8—11).

⁴ I use the transcription conventions of Jefferson, as set out in Schiffrin (Schiffrin, 1994, pp. 422—433), with the system of Brown and Yule (Brown & Yule, 1983, p. xii) for pauses, where a dash [-] is used for short pauses, a plus sign [+] for longer pauses and two plus signs [++] for extended pauses.

As we shall see, in fact, Clinton's message, though admitting wrong-doing, is not one of contrition alone; rather, he is making a positive case against unnamed opponents, moving the discourse away from the confessional space and into familiar, partisan terrain, in which a more assertive tone is quite appropriate.

7. KINESIC FEATURES

Clinton is generally immobile throughout the speech, and there are no hand gestures. We only see the upper half of the figure, whose gaze is directly at the camera. The viewer is thereby engaged by the president in a one-way dialogue; the gaze positions him/her as the addressed. A personal relationship with the viewer is signalled, and symbolised, by this feature of the shooting (Kress & Van Leeuwen, 1996, pp. 120—1), (Baldry & Thibault, 2006, p. 201).

There are several points where he appears about to change posture (01.03, 01.17, 02.40, 03.14, 03.24, 03.49); the body moves a little to the right, but then resumes its former position. These slight movements appear to mark shifts in discourse; the first, for example, occurs after the confession (8—11), as he moves on to speak of his testimony to the Grand Jury:

/-----/
But I told the Grand Jury today (11—12)

Another of these slight postural shifts comes towards the end, when he says 'and so tonight' (36—37), changing the subject from the preceding discussion of the negative impact of the affair on American political life, and moving towards his conclusion.

Clinton's physical stillness further focuses viewers' attention on the slight movements of his head and face; but here too, movements are restrained. He dips his head in greeting at the beginning of the speech (00.03), and emphasises certain words with a similar slight nod:

/

2 the grand jury [00.12]

/

2—3 I answered their questions truthfully [00.15]

/

9—10 In fact, it was wrong [00.52]

It is possible, since we understand that this is a confession, to read these lateral head motions and slight nods as kinesic tokens of the speaker's culpability, as if he were saying, as the head nods, something like "Yes, I know, I did this, and it was wrong". This is particularly in evidence when he speaks of having deceived his wife:

/ / / /

14—15. I misled people. Including even my wife (01.22—01.26)

The most notable kinesic feature, however, is Clinton's eyebrow movements. They are frequently raised in a way that causes wrinkling of the forehead, and seem to occur when Clinton wants to emphasise a particular point:

/-----

18—19 [...] politically inspired lawsuit, which has since been dismissed, was a consideration too (01.48—01.54)

Here, for example, the wrinkling of the forehead appears on the relative pronoun introducing a clause in which the president speaks of the *dismissal* of the politically inspired lawsuit, and gradually subsides over the duration of the clause.

8. RHETORICAL FIGURES

The following table shows the rhetorical figures found in the address:

Table 2

Rhetorical figures in Clinton address

Feature	Text	Line
Alliteration	<u>constituted</u> a critical lapse a <u>personal</u> failure on my <u>part</u> pursuit of <u>personal</u> destruction and the <u>prying</u> into <u>private</u> lives	10 10—11 31—32
Amplification	that was not appropriate. In fact, it was wrong I intend to reclaim my family life for my family. It's nobody's business but ours. Even presidents have private lives. Now it is time — in fact, it is past time to move on.	9—10 29—31 34—35
Anaphora	<u>questions</u> truthfully, including <u>questions</u> about my private life, <u>questions</u> <u>dealings</u> 20 years ago, <u>dealings</u> The <u>investigation</u> itself is under <u>investigation</u> reclaim <u>my family</u> life for <u>my family</u>	2—3 21 25 30
Contrast	both public and private all the challenges and all the promise of the next American century	5 38—39
Parallelism	my public comments and my silence to all the challenges and all the promise to repair the fabric of our national discourse, and to return our attention to all the challenges	13—14 38—39 38—39
Tricolon	This has gone on too long, cost too much and hurt too many innocent people real opportunities to seize, real problems to solve, real security matters to face	25—26 35—36

The principal function of Alliteration, perhaps, is embellishment, though in the final instance we might feel that it allows the president to achieve a certain crescendo effect, underlining the gravity, from the speaker's point of view, of the behaviour he is criticising:

pursuit of personal destruction and the prying into private lives

The rhetorical devices here appear to serve two main roles; firstly, they assist in the development of Clinton's argument, and secondly they help in the reconstruction of presidential distance and authority at the close of the address. In terms of his argument, for example, Amplification is used as he moves from a personal statement, through a generalisation, to advance a specific political argument (29—31):

I intend to reclaim my family life for my family.

It's nobody's business but ours.

Even presidents have private lives.

Such a formula has a significant interpersonal charge, as Clinton appeals to family values, one of America's ideological constants: few viewers would deny the implicit de-

ontic force of the first two sentences, with their appeal to a widely shared framework of values in America. The likeliness that hearers will assent to the implicit proposition (every family has the right to its private space) makes more plausible the jump to Clinton’s overall claim, in this address, that he also has a right to a private space.

As Clinton concludes the address, there is an emergence of a rhetorical style more typical of presidential prose, as he speaks of ‘all the challenges and all the promise of the next American century’ (contrast, parallelism) and ‘real opportunities to seize, real problems to solve, real security matters to face’ (tricolon). Such phrases represent enormous generalisations — the problems are connected with weighty global matters such as the Middle East peace process, arms reduction talks with the Soviets, and so on — matters deserving the attention of an American president and the national media. They contrast markedly with the intimate personal details of the Lewinsky case. While the latter details position the president as close to his viewers, the former construe distance, as he evokes a discourse world far removed from their experience and concerns. Thus, this return of presidential rhetoric signals the end — at least, Clinton hopes it will be the end — not just of this intimate, confessional speech, but of an extraordinary period in America’s public life, in which the minutiae of a president’s private life loomed larger in the national consciousness than these pressing global issues.

9. EVALUATION

Evaluative language has been the subject of extensive research in linguistics, leading to the development of sophisticated tools, such as the Appraisal Framework, which is capable of registering the slightest semantic nuances. It would be possible to use such a tool on the Clinton address and obtain much useful information; to avoid undue complication of the model, however, I prefer to use a less technical approach to evaluation, asking just the following basic questions of Clinton’s discourse: who or what is being evaluated, and how, i.e. positively or negatively. This may only provide a rough picture of Clinton’s use of evaluation, but it will be sufficient for the purposes of the study (see table 3, below).

Table 3

Clinton address: Evaluation

Who/what evaluated	Reference	Positive/ Negative	Line
Clinton	I answered their questions truthfully	+	2—3
	In fact, it was wrong. It constituted a critical lapse in judgment and a personal failure on my part	–	9—11
	at no time did I ask anyone to lie, to hide or destroy evidence or to take any other unlawful action	+	12—13
	I know that my public comments and my silence about this matter gave a false impression	–	13—14
	I misled people, including even my wife	–	14—15
	I was also very concerned about protecting my family	+	17—18
(+ wife)	an independent federal agency found no evidence of any wrongdoing by me or my wife over two years ago	+	22—23
	I must put it right, and I am prepared to do whatever it takes to do so	+	28
(Republicans/ press)	It is time to stop the pursuit of personal destruction and the prying into private lives and get on with our national life	–	31—32
	I take my responsibility for my part in all of this	+ –	33—34

This basic approach shows several things: firstly, Clinton's evaluations are mostly directed at himself and his own conduct. We might expect his evaluations to be negative, since this is, after all, a confession. In fact, however, there are six positive evaluations (1, 3, 6, 7, 8, 10), against only three negative (2,4,10). Clinton's positive qualities are emphasised: his truthfulness (1), probity (3), protectiveness (6), honesty (7), tenacity (8) and responsibility (10). Secondly, his negative evaluations of himself are mitigated in several ways. There is no use of intensification (Martin & White, 2005, p. 20) to emphasise the speaker's sense of his own shortcomings. Clinton just calls his behaviour by the simple term 'wrong', specifying in the same breath that it constituted a 'critical lapse in judgement'. However, to call something a lapse in judgement is to shift blame from the moral towards the practical sphere. Again, use of the nominalised structure 'a personal failure' (11) rather than an agentive formulation ('I failed') is a strategy that aims at mitigation. Finally, to represent untruthfulness as 'misleading people' (5) or 'giving a false impression' (4) is very different from saying 'I lied'. As we have seen, Clinton is not shy of using the word 'truth' in connection with his own conduct (1).

The final instance of evaluation (10) has been coded both positively and negatively. Paradoxically, though Clinton admits responsibility for his part in the affair, he is able to exploit the positive associations of 'owning up', 'taking responsibility for one's actions', etc. to preserve, rather than diminish, his own face.

Summing up the picture of Clinton's use of evaluation, it is clear that it has a role to play in mitigating his own culpability, as well as forming part of a wider pattern of partisan argumentation, which I will explore shortly.

10. ETHOS, PATHOS

Aristotle talks of three qualities as involved in a speaker's ethos: good sense, good moral character, and goodwill (Aristotle, 1954, p. 91). Once people feel that their political representatives lack these qualities, they will lose faith in them. This consideration may further account for Clinton's representations of his own behaviour which, as we have just seen, emphasise his good qualities while mitigating his faults. The attempt is to repair a severely tarnished presidential image.

In terms of pathos, Clinton refers to the emotional realms of regret (15), embarrassment (17), concern (20) and hurt (26). Taken with the general darkness of the setting, and the sombre overall mood, Clinton's expression of regret, which is intensified by the adverb 'deeply' and accompanied by a sincere, tender expression (01.29), may be expected to affect viewers. Embarrassment is only briefly mentioned, and his expressions of concern relate to business matters, and are less relevant. As for the attempt to evoke sympathy for the 'many innocent people' who have been hurt by the affair, this occurs in the context of Clinton's attack on the process of investigation. It forms, therefore, part of Clinton's overall argument against his political opponents; probably it would have had more pathos if it had figured as part of his own confession.

More forceful emotional responses are cued by the speaker's demeanour and the other kinesic features, analysed above. Two of these stand out; firstly, a certain self-pity is evident at the outset (and returns, briefly, at the very close of the address), with Clin-

ton's sombre face, the darkness of the setting, and his opening representation of himself as having had to testify about his private life, just like any other 'American citizen' (4). However, from line 11, where there is the slightest hint of a smile (01.03), Clinton's mood lightens, becoming more confident, even belligerent, peaking as he proclaims:

I intend to reclaim my family life for my family (30)

His tone remains confident until the conclusion. As the camera shot moves away from the president's silent figure, however, a darker mood seems to return.

11. LOGOS: ARGUMENTATION

I am using a simplified model of the Toulmin model of argumentation (Toulmin, 1958) to describe the basic argument advanced here:

Data (because)	Warrant (since)	Claim (therefore)
This matter is private (29)	Even presidents have private lives (31)	We should, as a nation, move on from this (34—35)

Figure 2. Clinton address, argumentation

As we have seen, Clinton's address is not simply an admission of *mea culpa*; rather, he uses the occasion to attack the Republicans, blaming them for drawing out the process, to the detriment of America's national interests. In other words, while he admits his guilt in the specific instance, Republicans and unspecified media sources are blamed on two counts: firstly, it was they who have dragged the affair out for seven months, and secondly, because of this they are the ones responsible for the excessive costs incurred, and the hurt suffered by many innocent people. There are other instances of argumentation in the speech, but the one isolated above appears the crux of Clinton's use of logos in this address. Though apparently based on normative assumptions of generalised applicability, it is an inherently political, partisan argument. If viewers accept the argument that even presidents have private lives, then they are also invited to attribute the blame for the extended legal process, the obsessive circus of judicial and media activity, to the Republican party and their media outlets. Parenthetically, of course, it is true that, had Clinton made this address seven months previously, the investigation would have been unnecessary. References to this possible objection are found in the address, where Clinton speaks of political and personal reasons for his initial silence (16—23).

12. DISCUSSION

In analysing any sample of political speech, it is necessary to ask ourselves a basic question: what is the purpose underlying this discourse, what is the speaker hoping to achieve? I have mentioned above that, for most politicians, the key concept in most of

their speeches is that of persuasion, and Clinton's performance here is no exception. The most important context feature relates to the extent to which Clinton's image, as one of the most promising Democratic presidents of the post-war period, had been damaged by the Lewinsky scandal. For seven months, the attention of media, not just in America but globally had been mesmerised by the stream of daily information about the affair, and Clinton had begun to be widely characterised as a philanderer, a cheat and a liar. In order to rescue his presidency, he needed to persuade the American people that he was, after all, their elected president and that, despite his personal foibles, he was still able to function.

These context features help us to understand the curious tension in this address, a presidential media appearance almost without precedent. This was not, like Nixon's address on Watergate, an ignominious farewell broadcast. Clinton had to perform the rhetorical feat of confessing to actual wrong-doing in his intimate, personal life while at the same time informing the American people that he intended to carry on in office. Not only that, but he also had to justify his 'second-order' conduct, of lying about his behaviour to the American people. As I have analysed, above, the kinesic features, the setting and camera work all underline the serious, confessional mood that dominates the first part of the address, while Clinton's text, though admitting his guilt, attempts to mitigate the gravity of his offences in a number of ways. Grammatical metaphor is used to objectify processes and distance the speaker from involvement in them: the embarrassment of my own conduct (16—17), a personal failure on my part (10—11), my silence about this matter (14), etc. As we have also seen, positive self evaluation actually predominates over negative, with an attempt at mitigation. Sufficient positive qualities of the subject are listed to suggest that this offence could represent an occasional blemish in an otherwise exemplary life.

I have suggested, above, that at a certain point in the address Clinton's tone becomes more confident and assertive, and that this coincides with the moment when, having dealt with the topic of his personal failings to some extent, he is able to go on the attack and make some partisan points. A covert attack on the Republican party emerges from Clinton's evaluations, when he says:

at no time did I ask anyone to lie, to hide or destroy evidence or to take any other unlawful action (12—13).

This would seem to be a reference to the Watergate scandal, where Clinton's Republican counterpart, President Nixon, did precisely these things in order to hush up his own involvement in the affair. Clinton seems to be advancing a covert argument, which might be paraphrased: "Yes, I know, I did something wrong and lied to the American people about it (just like Nixon): however, I'm different because, while he asked people to lie, to hide and destroy evidence, I didn't." The attack is deepened in (31—32), where he refers to unspecified people pursuing "personal destruction", "prying into private lives". Probably the Republican media are referred to here, though Clinton is careful to refrain from attacking the Republicans too openly. Social actors involved in these

processes are not specified, and there is vagueness too in his phrases ‘a politically inspired lawsuit’ (18—19), and ‘an independent counsel investigation’ (20—21). Unlike his wife, Hillary, who had initially claimed that the whole Lewinsky case was due to a ‘vast right-wing conspiracy’⁵, Clinton avoids contextualising the affair too solidly in partisan politics. This would only have been possible in the absence of direct proof of his culpability; in the context of a confessional address it would hardly have been appropriate. However, Clinton is making covert gestures in this direction, and devotes a significant portion of the address (18—25) to an allusive summary of the legal harassment he and his wife had suffered at the hands of various unspecified, but politically inspired, social actors.

Thus, for at least part of the address, Clinton is back on more familiar terrain; and, as we saw above, this is reflected in the accompanying kinesic and rhetorical features. He is clearly more comfortable signalling his determination to fight these unnamed opponents than he is discussing his failures as a moral individual. By the end, when the discourse has moved definitively away from the intimate sphere, back to the impersonal realm of vast global processes, Clinton’s language becomes more rhetorical, more ‘presidential’, and the insecure figure of the video’s opening has been replaced by something more substantial.

13. CONCLUSION

For a prominent politician, axiological concepts such as truthfulness and justice readily become subordinate to the political process. In the Lewinsky affair, it is clear that Clinton’s behaviour was questionable on many levels, but it is also true that the Republican party wanted to make the utmost use of a political windfall. The process of justice was, therefore, complicated by mediated point-scoring in which innocence and guilt were subordinated to a lower level, partisan logic, and this is visible in the confessional address. Castells suggests that the ultimate failure of the Republican campaign against Clinton could have been due to public fatigue with “attack culture” (Castells, 2009, p. 252) and, though many Americans recognised his guilt, it would seem that they were not prepared to side with his accusers against him. Despite this, the sentiments expressed by prominent Republican Alan Keyes sum up a widespread feeling at the time that America had witnessed “a failure and betrayal of moral stewardship at the highest level in our nation’s life”⁶.

Confession, as Foucault (Foucault, 1981) pointed out, requires the presence — or virtual presence — of someone who is “not simply the interlocutor but the authority who requires the confession, prescribes and appreciates it, and intervenes in order to

⁵ Lauer, Matt. “Some folks are going to have a lot to answer for”. *Washington Post*. The Washington Post, n.d. Web. 19 Sept. 2016. <<https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1998/01/28/some-folks-are-going-to-have-a-lot-to-answer-for/f2102446-409c-48d4-9c43-ac6790c3be5e/>>.

⁶ Keyes, Alan. “Renew America Rally at the McKay Events Center”. *Alan Keyes Archive*. N.p., n.d. Web. 3 Oct. 2016. <<http://www.keyesarchives.com/transcript.php?id=132>>.

judge, forgive, console, and reconcile” (Foucault, 1981, p. 61), in Fairclough 1992: 53). This accounts for another source of tension in the Clinton confessional address, that constituted by the ambiguities surrounding its intended audience. The appropriate interlocutor for Clinton would surely be his wife Hillary, as the person most injured by his actions; yet she is the last person in the speaker’s thoughts. Possibly she did not even watch the address; almost certainly, she had a hand in writing it. Rather, Clinton’s intended audience is the American public; but in a sense, his ‘confession’ of involvement with Lewinsky is none of their business, as Clinton himself is at pains to underline. To what, then, is he confessing? The answer to this, it has been suggested above, is to the ‘crime’ of having attempted to deceive the American people, and we have seen that several of his attempts at self-justification lead in this direction. If this is true, however, then nothing said in the address would regard his transgression of the canons of his self-professed faith (line 28), his abuse of power regarding Monica Lewinsky, nor his bringing the institution he serves into global disrepute. It would seem, from what has been said above regarding the president’s end of term approval ratings, that Americans tended either to forgive and forget Clinton’s offences in these areas, or simply to subordinate moral logic to partisan considerations. In other words, Republicans might have been inclined to judge Clinton’s behaviour harshly, but this is only natural in one they regarded as a political enemy, while Democrats had every reason to find excuses for him. I would suggest that the success of this address lies, at least partially, in its blending of the genres of confessional/reality show and presidential broadcast, to create a portrait — *a la* Rembrandt — of a man who is able to balance the conflicting demands of his private and public roles, whose arguments are based on widely shared considerations in American society, and who is able, ultimately, to reclaim an appropriately ‘presidential’ aura of authority.

The model I have outlined in this paper has referred to many sources, applying a variety of concepts, approaches and methodologies which have necessarily been drawn on in a limited way, for reasons of space. This applies to the notion of context, about which a great deal more could be usefully written, and evaluative language, which could have been explored much more thoroughly using the Appraisal Framework, as I said above. It is true for the other features, about all of which entire books have been written. I hope that even this rough-grained analysis, integrating these features with other kinesic and textual aspects of political discourse, has been adequate to illustrate the operation of the model, and its analytical potentialities. Clearly, enriching or deepening the application of any one of the descriptors would be possible, and would affect the outcome of the analysis as a whole. It is also true that the selection of these particular textual/multimodal features, rather than others, would require more justification than has been possible here. An exploration of the ways in which the features interact with one another, contributing together to an overall persuasive effect, would also be a possible future research pathway. However, my intention in this chapter, as I said at the outset, has been to recover an emphasis on some of the non-verbal dimensions of political speech, in an analytical context that seems, over the course of its development, to have given undue weight to the textual aspects of political persuasion.

REFERENCES

- Aristotle. (1954). *The rhetoric and the poetics of Aristotle*. New York: Random House.
- Atkinson, M. (1984). *Our masters' voices*. London and New York: Methuen.
- Baldry, A., & Thibault, P. (2006). *Multimodal transcription and text analysis*. London and Oakville: Equinox.
- Brown, G., & Yule, G. (1983). *Discourse analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Castells, M. (2009). *Communication Power*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Charteris-Black, J. (2014). *Analysing political speeches: rhetoric, discourse and metaphor*. Basingstoke and New York: Palgrave MacMillan.
- Charteris-Black, J. (2005). *Politicians and rhetoric: the persuasive power of metaphor* (1 ed.). Basingstoke and New York: Palgrave-MacMillan.
- Chilton, P. (2004). *Analyzing political discourse: theory and practise*. London and New York: Routledge.
- Chilton, P., Tian, H., & Wodak, R. (2012). *Discourse and socio-political transformations in contemporary China*. Amsterdam: John Benjamins.
- Chouliaraki, L. (2005). Spectacular ethics: on the television footage of the Iraq war. *Journal of Language and Politics*, 4 (1), 43—59.
- Conley, T.M. (1990). *Rhetoric in the European tradition*. Chicago and London: Chicago.
- Cook, N.D. (2002). *Tone of Voice and Mind*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.
- Fairclough, I., & Fairclough, N. (2012). *Political discourse analysis: a manual for advanced students*. London: Routledge.
- Fairclough, N. (1992). *Discourse and social change*. Cambridge: Polity Press.
- Foucault, M. (1981). *History of sexuality* (Vol. 1). Harmondsworth: Penguin Books.
- Graham, P., Keenan, T., & Dowd, A.-M. (2004). A call to arms at the end of history: a discourse-historical analysis of G.W. Bush's declaration of war on terror. *Discourse and Society*, 15 (2—3), 199—221.
- Halmari, H. (2005). In search of “successful” political persuasion. A comparison of the styles of Bill Clinton and Ronald Reagan. In H. Halmari, & T. Virtanen, *Persuasion across genres: a linguistic approach* (pp. 105—134). London: John Benjamins.
- Halmari, H., & Virtanen, T. (2005). *Persuasion across genres: a linguistic approach*. London: John Benjamins.
- Jaworski, A., & Galasin, D. (2002). The verbal construction of non-verbal behaviour: British press reports of President Clinton's grand jury testimony video. *Discourse and Society*, 13 (5), 629—649.
- Kennedy, G.A. (1994). *A new history of classical rhetoric*. New York: Princeton.
- Kress, G., & Van Leeuwen, T. (1996). *Reading images: the grammar of visual design*. London: Routledge.
- Lakoff, G. (2002). *Moral politics: how Liberals and Conservatives think*. Chicago: University of Chicago Press.
- Martin, J., & White, P.R. (2005). *The language of evaluation: the appraisal framework*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.

- Mast, J.L. (2006). The cultural pragmatics of event-ness: the Clinton / Lewinsky affair. In J.C. Alexander, B. Giesen, & J.L. Mast, *Social performance: symbolic action, cultural pragmatics, and ritual* (pp. 115—146). Cambridge: Cambridge University Press.
- Partington, A.S. (2015). Corpus-assisted comparative case studies of representations of the Arab world. In A. McEnery, & P. Baker, *Corpora and discourse studies: integrating discourse and corpora* (pp. 220—243). London: Palgrave Macmillan.
- Partington, A.S. (2009). Evaluating evaluation and some concluding reflections on CADs. In P. Bayley, & J. Morley, *Corpus assisted discourse studies on the Iraq conflict: wording the war* (pp. 261—303). London: Routledge.
- Reisigl, M. (2009). Rhetorical tropes in political discourse. In J. L. Mey, *The concise encyclopedia of pragmatics* (pp. 882—890). Oxford: Elsevier.
- Reisigl, M., & Wodak, R. (2001). *Discourse and discrimination*. London and New York: Routledge.
- Schiffirin, D. (1994). *Approaches to discourse*. Cambridge, MA and Oxford: Blackwell.
- Swain, E. (1999). Disagreeing, but doing it in style: humour in a British parliamentary debate. In M.M. Mechel, N. Vasta, & C. Chiaruttini Leggeri, *Rappresentazioni dell'identità: la dimensione linguistica del conflitto*. Padova: Cedam.
- Toulmin, S. (1958). *The uses of argument*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Van Dijk, T.A. (2011a). Discourse and ideology. In T.A. Van Dijk, *Discourse studies: a multi-disciplinary introduction* (pp. 379—407). London: Sage.
- Van Dijk, T.A. (2011b). Discourse, knowledge, power and politics. Towards critical epistemic discourse analysis. In C. Hart, *Discourse, knowledge, power and politics* (pp. 27—63). Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.
- Van Dijk, T.A. (1995). Elite discourse and the reproduction of racism. In R.K. Slayden, & D. Slayden, *Hate speech* (pp. 1—27). Newbury Park: Sage.
- Van Dijk, T.A. (2000). Ideologies, racism, discourse: debates on immigration and ethnic issues. In J. Ter Wal, & M. Verkuyten, *Comparative perspectives on racism* (pp. 91—116). Aldershot: Ashgate.
- Van Leeuwen, T. (1999). *Speech, Music, Sound*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.
- Wilson, J. (1990). *Politically speaking*. Oxford and Cambridge, Massachusetts: Blackwell.
- Wodak, R. (2001). The discourse-historical approach. In R. Wodak, & M. Meyer, *Methods of critical discourse analysis* (pp. 63—95). London: Sage.
- Wodak, R. (2010). The Haiderisation of Europe. In A. Landwehr, *Diskursiver Wandel* (pp. 355—373). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Wodak, R. (2015). *The politics of fear: what right-wing populist discourses mean*. Los Angeles, London, New Delhi: Sage.
- Wodak, R. (2009). The semiotics of racism- a critical discourse-historical analysis. In J. Renkama, *Discourse, of course* (pp. 311—326). Amsterdam: John Benjamins.

Web References

- Lakoff, George 2016. “Obama Reframes Syria: Metaphor and War Revisited”. The Huffington Post. TheHuffingtonPost.com, n.d. Web. 20 Sept. 2016. <http://www.huffingtonpost.com/george-lakoff/obama-reframes-syria-meta_b_3879335.html>.
- Wodak, Ruth 2016. “Green against Blue” — Reflections on the 2016 Austrian Presidential Election’. International Relations. N.p., n.d. Web. 20 Sept. 2016. <<http://www.e-ir.info/2016/06/14/green-against-blue-reflections-on-the-2016-austrian-presidential-election/>>.

**Appendix: Clinton's address to the American people
on the Lewinsky affair, 17th August 1998**

Time	Line	Text
0.00—		
3.40	1	Good evening. This afternoon in this room, from this chair, I testified before
	2	the Office of Independent Counsel and the grand jury. I answered their
	3	questions truthfully, including questions about my private life, questions no
	4	American citizen would ever want to answer. Still, I must take complete
	5	responsibility for all my actions, both public and private. And that is why I
	6	am speaking to you tonight. As you know, in a deposition in January, I was
	7	asked questions about my relationship with Monica Lewinsky. While my
	8	answers were legally accurate, I did not volunteer information. Indeed, I did
	9	have a relationship with Miss Lewinsky that was not appropriate. In fact,
	10	it was wrong. It constituted a critical lapse in judgment and a personal failure
	11	on my part for which I am solely and completely responsible. But I told the
	12	grand jury today and I say to you now that at no time did I ask anyone to lie,
	13	to hide or destroy evidence or to take any other unlawful action. I know
	14	that my public comments and my silence about this matter gave a false im-
	15	pression. I misled people, including even my wife. I deeply regret that. I can
	16	only tell you I was motivated by many factors. First, by a desire to protect
	17	myself from the embarrassment of my own conduct. I was also very con-
	18	cerned about protecting my family. The fact that these questions were being
	19	asked in a politically inspired lawsuit, which has since been dismissed, was
	20	a consideration, too. In addition, I had real and serious concerns about an
	21	independent counsel investigation that began with private business dealings
	22	20 years ago, dealings I might add about which an independent federal agency
	23	found no evidence of any wrongdoing by me or my wife over two years ago.
	24	The independent counsel investigation moved on to my staff and friends, then
	25	into my private life. And now the investigation itself is under investigation.
	26	This has gone on too long, cost too much and hurt too many innocent people.
	27	Now, this matter is between me, the two people I love most — my wife and
	28	our daughter — and our God. I must put it right, and I am prepared to do
	29	whatever it takes to do so. Nothing is more important to me personally.
	30	But it is private, and I intend to reclaim my family life for my family. It's no-
	31	body's business but ours. Even presidents have private lives. It is time to stop
	32	the pursuit of personal destruction and the prying into private lives and get
	33	on with our national life. Our country has been distracted by this matter for
	34	too long, and I take my responsibility for my part in all of this. That is all I can
	35	do. Now it is time — in fact, it is past time to move on. We have important
	36	work to do — real opportunities to seize, real problems to solve, real secu-
	37	rity matters to face. And so tonight, I ask you to turn away from the specta-
	38	cle of the past seven months, to repair the fabric of our national dis-
	39	course, and to return our attention to all the challenges and all the promise
	40	of the next American century. Thank you for watching. And good night.

Article history:

Received: 01 June 2016

Revised: 14 July 2016

Accepted: 01 September 2016

For citation:

Ponton D. (2016). Movement and Meaning: Towards an Integrated Approach to Political Discourse Analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 122—139.

Bio Note:

Douglas Mark Ponton, DSc, Associate Professor at University of Catania (Italy). *Research Interests*: Pragmatics, Semantics, Discourse Analysis. *Contact information*: www.researchgate.net/profile/Douglas_Ponton; e-mail: dmponton@hotmail.co.uk

УДК: 811.112.42

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-122-139

СЛОВА И ЖЕСТЫ: ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Дуглас Марк Понтон

Университет Катании

97015, Италия, 1 Viva Cava Gucciardo Pirato

В данной статье проведено исследование по двум главным направлениям: первое — ретроспективный обзор, описание значимых моментов в истории развития анализа политического дискурса с целью оценить данную сферу исследования на современном этапе; второе — обзор перспектив развития данной исследовательской области. В статье предпринята попытка обобщить исследования в рамках появившихся недавно направлений, таких как мультимодальность, и других, уже утвердившихся, подходов. Во многих исследованиях утверждается (например, I. Fairclough и N. Fairclough 2012), что убеждение является самой распространенной стратегией в политическом дискурсе, и многие авторы признают, что этот процесс охватывает как вербальные, так и невербальные средства. Например, Аткинсон (1984) предпринял успешную попытку описать некоторые невербальные средства убеждения, такие, как тембр говорящего, его интонация, поза, язык тела, взгляд, и т.д., а также некоторые другие невербальные приемы. Несмотря на значимость данного исследования, невербальные средства убеждения не получили достаточного внимания в политической риторике, которая сосредотачивается исключительно на языковых средствах аргументации. Главная цель данной работы — наметить пути для разработки интегрирующей модели анализа политического дискурса. Вместо того, чтобы анализировать отдельные языковые средства, такие как метафора (Charteris-Black 2006), оскорбление (Pie 2004), оценочная лексика или юмор (Swain 1999, 2002), предлагается соединить описание вербальных и невербальных особенностей политического дискурса с целью создания практического инструмента анализа политического дискурса для выявления возможных прагматических эффектов.

Ключевые слова: анализ политического дискурса, мультимодальность, убеждение, вербальные и невербальные средства

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01 июня 2016

Дата принятия к печати: 01 сентября 2016

Для цитирования:

Ponton D. Movement and Meaning: Towards an Integrated Approach to Political Discourse Analysis // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 4. С. 122—139.

Сведения об авторах:

Дуглас Марк Понтон, доктор, доцент, Университет Катании (Италия). *Сфера научных интересов*: прагматика, семантика, анализ дискурса. *Контактная информация*. www.researchgate.net/profile/Douglas_Ponton; e-mail: dmponton@hotmail.co.uk

**“LET ME TELL YOU...”:
AUDIENCE ENGAGEMENT STRATEGIES
IN THE CAMPAIGN SPEECHES OF TRUMP,
CLINTON, AND SANDERS**

Justin Quam, Marianna Ryshina-Pankova

Georgetown University

37th and O Streets, N.W., Washington D.C. 20057, USA

Throughout the 2016 campaign, presidential candidate Donald Trump surprised observers with his ability to maintain his popularity in the face of unorthodox and often offensive statements. Trump likely bolstered his electoral chances by appealing to a large segment of voters with whom other candidates failed to align themselves. To quote one news anchor, “People tried to attack Trump; it just didn’t work — voters liked him anyway”. As previous work by Miller (2002; 2004) has shown, systemic functional linguistic (SFL) analysis (Halliday & Matthiessen, 2004) can illuminate particular strategies politicians employ to strengthen their arguments and exhort their audiences to join their efforts. In this paper, we employ the SFL-based Engagement framework (White, 2003; Martin & White, 2005) to examine ways in which the 2016 presidential candidates aligned themselves with their audiences. Our analysis of the speeches of Donald Trump, Hillary Clinton, and Bernie Sanders reveals markedly different patterns of interaction with the voters in terms of ways expansive and contractive dialogic strategies are used, an intended audience is identified and thematized, and shared assumptions are made. While Trump makes his arguments in a highly constrained dialogic space, taking the agreement with the audience for granted, his opponents often employ a mix of contractive and expansive argumentative strategies and make more explicit overtures to the audiences whose perspectives they share. This study offers insights as to how each candidate identifies and addresses his or her ideological sympathizers or opponents and exhorts the former to intensify their support.

Key words: discourse analysis, political discourse, political speeches, dialogue space communication strategies

1. INTRODUCTION

Donald Trump’s electoral victory has already sparked much soul-searching on a wide array of topics, from the empirical (the reliability of political forecasting) and the ideological (the disconnect between parties’ platforms and the beliefs of their core supporters) to the rhetorical (the relevance of debates and advertisements). Most political analysts predicted, after he had announced his candidacy, that Trump’s support would collapse during the primary season (Silver, 2015) for reasons that seemed logical at the time: He was the first major party nominee since 1952 to have had no previous political experience; he won the nomination despite well-documented apostasies on core Republican issues (Bierman, 2016); and his bare-bones organization eschewed the data analysis and voter contact apparatus of a typical campaign (Parker & Haberman, 2016). His narrow victory throws the relevance of these points into question and demands a wide-ranging effort to understand his appeal.

The hallmark of Trump’s campaign was the rally speech. Rather than devote his time to meeting individual constituents and interest groups, Trump addressed large

crowds with off-the-cuff, tangential speeches, during which he discussed topic after topic in meandering fashion. These addresses departed from the well-established patterns of the political speech in terms of both rhetorical style and content. During the primary, Trump often made statements that went well outside the political mainstream yet seemed to increase his support. Among the strangest phenomena of the 2016 race was the disconnect between the horror of political pundits — who pronounced with almost comical frequency that Trump’s unpolished remarks concerning Mexicans, Muslims, or women would cost him the nomination—and the favorable response of Trump supporters to unconventional and often unconstitutional proposals such as a religious test for immigrants. Throughout the primary and the general election, both pundits and politicians underestimated Trump’s ability to drum up support through these atypical political speeches.

Since an election campaign is an example par excellence of ‘doing things with words’ (Austin, 1975), a canonical instance of the speech act intended to spur action on the part of the audience (Chang & Mehan, 2006), we believe a linguistic investigation of Trump’s speeches may throw light on how he achieves his communicative and political goals. Whereas linguists and political scientists with an interest in rhetoric have investigated presidential candidates’ speeches for decades, tracking such formal features as lexical frequency, complexity, and pronoun use, in our study we take a functional approach and draw on the system of Engagement as proposed by Martin and White (Martin & White, 2005; White, 2003, 2015). This framework allows us to focus on the semantic strategies that Trump uses to position himself and relate to the audience — and thus capture a greater range of linguistic features that realize these strategies.

In order to highlight the unconventionality of Trump’s rhetorical style, we compare one of his primary election victory speeches to victory speeches by Secretary Hillary Clinton and Senator Bernie Sanders. While the focus on three speeches cannot yield conclusive results about the style and strategies of the presidential candidates, we believe that the analysis of these examples can suggest some salient patterns and differences in the ways the candidates chose to relate to their audience.

We begin by discussing existing commentary on the political discourse surrounding these three candidates. We then provide an overview of the Engagement approach to discourse analysis, sketch out the methodology of the current study, which was conducted just after the 2016 primary campaign concluded, and outline the findings of our analysis of Trump, Clinton, and Sanders’s speeches. We conclude with preliminary thoughts as to why, in the political environment of 2016, Trump’s particular style may have been well suited to persuade and engage a wide swath of Americans.

2. PREVIOUS ANALYSES OF CANDIDATES’ LANGUAGE

The political speech is far from a novel subject for linguistic analysis. In recent decades, rhetorical and linguistic studies have gained the attention of political consultants and the public at large (Clark, 2007), with scholars such as Westen (2008) and Lakoff (2004) arguing that candidates’ choice of linguistic frames can decisively alter an audience’s response, to the degree that “specific words and phrases (...) have the ability to

elicit core value systems” (Iyengar, 2005, p. 4). Numerous empirical studies have explored Lakoff’s framework (see, e.g., Barreto, Redlawsk, & Tolbert, 2009; Knoll, Redlawsk, & Sanborn, 2011); Degani (2016b), for example, drew on Lakoff to analyze specific candidates’ speeches, arguing that John McCain and Barack Obama’s divergent ideological ways of seeing the world were expressed in the usage frequency of certain lexical items. Following the 2008 election, Barack Obama’s obvious effectiveness as an orator provided data for semiotic and metaphorical analysis guided by Lakoff’s work (Catalano, 2011), as did the sometimes racially charged language used by his critics (Sparks, 2009). Pennebaker, Slatcher, and their colleagues have also used the political speech in a broader, not exclusively political context to illustrate how the usage of lexical categories and types of verbs can contribute to a speaker’s overall linguistic style (Slatcher et al., 2007) and how insights on speakers’ psychological states might be gleaned by analyzing the usage of personal pronouns and emotionally weighted words (Pennebaker, Slatcher, & Chung, 2005).

Trump’s political language, however, seems to veer away from what observers of political discourse have come to expect: Speeches crafted by a team of professionals that express a coherent vision, repeat talking points that reflect party views, and explicitly appeal to a broad voter base. Instead, Trump’s rally speeches meandered, to the extent that writers at the online news magazine *Slate* asked readers for crowd-sourced help in diagramming one of Trump’s more rambling sentences (*Lexicon Valley*, 2015). Political analysts and linguists also struggled to parse Trump’s syntax; Pullum (2015), for example, noted that the sentence in question “has no structure at all”. In an interview with *Vox*, Pullum went so far as to claim that Trump’s aversion to embedded clauses reflects an undisciplined mind:

When you say something like “While Congress shows no interest in doing X, I feel that the American people believe it is essential”, the clause “it is essential” is inside the clause “the American people believe it is essential” which is inside the clause “I feel that the American people believe it is essential”, and so on. You get no such organized thoughts from Trump. It’s bursts of noun phrases, self-interruptions, sudden departures from the theme, flashes of memory, odd side remarks. (...) It’s the disordered language of a person with a concentration problem (Golshan, 2016).

Other scholars, meanwhile, explain Pullum’s observation by arguing that Trump’s speeches are a better fit for oral genres (we don’t normally speak using clauses like “while...”), while other politicians’ speeches betray more linguistic markers characteristic of written genres — they are more compact, more organized, thought through in advance, for an audience that expects certain written-like conventions. If Trump’s speeches are more suited to oral delivery, this may make them correspondingly difficult to render in prose (Libit, 2016). Liberman (2016a, 2016b) makes a similar point, arguing that while Trump’s style differs from the norm of a political arena, it would be at home in a comedy club: “Donald Trump uses the style of a stand-up comic rather than the style of schoolteacher. But let’s not pretend that the result is incoherent or unintelligible — it’s just a skillful instance of human speech communication in its natural state” (2016a). Furthermore, in line with typical conventions of oral performances, Trump

uses gesture in his speeches to mock, entertain, and show dominance, which has also been linked to his success (Hall, Goldstein, & Ingram, 2016). Whatever the merits or deficiencies of Trump's approach, his addresses clearly depart from the mold of a political speech on many fronts, and we argue that it would not be pejorative to describe Trump's style as simpler than his opponents' communicative styles.

Clinton's and Sanders's long careers have also inspired linguistic analyses on a variety of topics. Anderson (2002), for example, found that Clinton employed what the author characterized as a more 'masculine' style in her 2000 run for the Senate, compared to her rhetoric as First Lady; Bligh et al. (2010) reported a similar result in Clinton's 2008 rhetoric. Degani (2016a) investigated both Clinton's and Trump's 2016 speeches through the lens of lexical frequency as related to the simplification of political rhetoric and construal of Self and Other. She concluded that Clinton uses significantly more complex language, while Trump's rhetoric relies more often on us-versus-them dichotomies.

Studies on Sanders tend to focus on his political views, but his rhetoric also provides plenty of grist for linguistic analysis; Wilz, for example, argues that Sanders was able to win more approving press coverage by adopting a more "hypermasculine" tone than Clinton, despite espousing very similar views (2016: 358). In her master's thesis, Hoel (2016) argues that Sanders exploited an inflection point in American politics by coopting "percentage talk" (2016: 37), rhetorically identifying himself and his supporters with "the 99%" against an Other he refers to variously as "the 1%", "the billionaire class", and "Wall Street", thereby adopting economic inequality as a core Democratic issue (see also Savoy, 2016).

An Engagement analysis of victory speeches by Trump, Clinton, and Sanders, presented below, revealed patterns in the ways the candidates appealed to their supporters and offered their audience opportunities to respond or identify with the speaker.

3. THE PRESENT STUDY

This study draws primarily on the Engagement system (Martin & White, 2005), which provides a framework for analyzing how language users position themselves toward the subject under discussion and interact with an audience through alignment and disalignment strategies. As with other frameworks inspired by Halliday's systemic functional grammar (Halliday & Matthiessen, 2004), the emphasis in the Engagement system is not on formal lexicogrammatical categories — e.g., pronouns, hedges, or mental verbs — but on the functional role of a given linguistic resource. We are interested here, in other words, in *how* language users can create solidarity with an audience and reveal their "attitudes towards the truth value of their propositions" (Simon-Vandenberg, White, & Aijmer, 2007: 33). The theory behind this framework draws on Bakhtin's suggestion that any utterance implicitly reacts to other previous speech; it "take[s] up in some way, what has been said/written before, and simultaneously (...) anticipate[s] the responses of actual, potential or imagined readers/listeners" (White, 2015). Engagement, in other words, allows linguists to analyze how language users respond to both explicit and implicit views of their audience (Martin & White, 2005) and demonstrate

solidarity and alignment not only with their ideological cohort, but also with those with whom they disagree (Miller, 2004). The Engagement framework is particularly suitable for the analysis of political speeches, often aimed at mobilizing a specific interest group or demographic, as it reveals how speakers appeal to their audience through “a set of micro-maneuvers by which different alignments or affiliations are envisaged with an array of different value positions” (White, 2003: 275).

Within the Engagement system, the most general differentiation is made between utterances that admit the possibility of a competing truth claim (considered *heteroglossic*) and those that do not (called *monoglossic* statements or *bare assertions*). In the most basic terms, the utterance “Kathryn Janeway is the best captain on *Star Trek*” would be monoglossic, while utterances that imply a possible rejoinder are heteroglossic:

◆ Jim Kirk is *not* the best captain on *Star Trek*. (This denial implies that it is possible to believe he is.)

◆ *It is clearly beyond the shadow of a doubt* that Kathryn Janeway is the best captain on *Star Trek*. (The very reference to doubt implies that there exists a counter-assertion to be argued against.)

Within the monoglossic statements, a further distinction is made between assertions that present the proposition as currently “at issue or up for discussion” (Martin & White, 2005: 100), as in the examples above, and those that contain presuppositions formulated in a way that does not have an argument structure and “survives even under negation” (Simon-Vandenberg et al., 2007: 35). The following headline illustrates the latter case:

“Barack Obama’s Transformational Success is Only Beginning to Come into View”.
[Jonathan Chait, *New York Magazine*, 7/27/16]¹.

The sentence is monoglossic, but while it might be challenged or qualified, e.g. —

Barack Obama’s Transformational Success is NOT Beginning to Come Into View

— the controversial idea that *Barack Obama has been successful in a transformational way* has been nominalized, and as a result, it is not even open to question.

By choosing such formulations, speakers position their audience to treat their assertions as “generally known or agreed upon, and hence as uncontentious” (Simon-Vandenberg et al., 2007: 32). Furthermore, statements with presupposition enable speakers to assert “solidarity in contexts where interactants already share a great deal of common ground and a common outlook. (...) [B]y encoding something as background, shared knowledge, the speaker at the same time presents a proposition as one whose truth is accepted by the hearer” (Simon-Vandenberg et al., 2007: 46, 49). Simon-Vandenberg and her colleagues label this mode of engaging with the reader as maximally restrictive — even more so than a bare monoglossic assertion because the speaker implicitly presents certain propositions as simply not arguable. At the same time, however, they may widen the circle of their supporters by identifying common ground on which they already agreed.

¹ <http://nymag.com/daily/intelligencer/2016/07/obamas-success-only-beginning-to-come-into-view.html>.

Heteroglossic engagement resources are further categorized as either dialogically expanding (*entertain* and *attribute*), which open up additional dialogic space with the introduction of potential new arguments, and contracting (*disclaim* or *proclaim*), which implicitly or explicitly reject alternative arguments (see Table 1). Together, the heteroglossic and monoglossic assertions map out a continuum of “theoretical possibility of alternative opinion” (Simon-Vandenberg, White, & Aijmer, 2007: 46), with contracting heteroglossic propositions implicitly allowing for more disagreement than monoglossic ones, but still actively closing off potential debate.

Table 1

Engagement System Network

Dialogic Role	Type	Subtype
Expansive	Entertain: the author holds out a dialogic alternative as possible	
	Attribute: the author posits another voice as the source of the assertion	Distance: the author presents an external source’s voice as questionable
		Acknowledge: the author presents an external source’s voice without explicit endorsement, leaving room for countervailing views
Contractive	Disclaim: the author closes off a dialogic alternative	Deny: the author rejects an alternative (thus presupposing that the alternative exists)
		Counter: the author rejects a previous utterance, thereby negating it as an alternative
	Proclaim: the author forcefully argues for a proposition	Concur: the author overtly presents herself and the audience as being in agreement
		Pronounce: the author insists on the validity of a proposition, implying that there is a counterargument against which insistence is necessary
		Endorse: the author presumes an external source to be valid

Appendix 1 describes the various expansive and contractive Engagement strategies as laid out in Martin & White (2005), using examples drawn from the three victory speeches by Donald Trump, Hillary Clinton, and Bernie Sanders that we analyze in this article.

Analyses of political language using other constructs can sometimes also be understood within the Engagement framework. For example, the previously mentioned study of Sanders’s rhetorical strategy of attributing opinions to supporters or opponents is captured by what the Engagement framework labels the *attribute: acknowledge* or *attribute: distance* strategy. Similarly, Obama’s use of personification or polyphony to “get another person (fictitious or, plausibly, real) to voice” the ideas in his speeches (Capone, 2010: 2966) can also be related to the *attribute: acknowledge* strategy in Martin and White’s approach. Furthermore, Slatcher et al.’s (2007) comparison of the 2004 candidates, which evaluates what they call cognitive complexity (including tentative words and negations) can be understood in terms of the *entertain* and *disclaim: deny* Engagement strategies. However, no study so far (to the authors’ knowledge) has explicitly used systemic functional linguistic analysis to examine the 2016 candidates’ efforts to express identification with their audience. We therefore believe an analysis

based on Martin and White’s Engagement framework can provide a fruitful discussion of the hotly contested and groundbreaking 2016 campaign and also offer avenues for future research on political speech.

4. METHOD

For the purposes of this analysis, we selected three speeches: Trump’s victory speech after winning the Indiana primary (and effectively winning the nomination) on May 3, 2016; Clinton’s speech celebrating her victory in California primary on June 7 (likewise securing her the nomination); and Sanders’s remarks after winning the New Hampshire primary in a landslide on February 10 (News Editor, 2016; Reilly, 2016; Washington Post Staff, 2016a).

Candidates’ speeches may vary widely throughout the campaign in terms of their occasion, purpose, and intended audience. We chose to focus on victory speeches because they have a definable communicative purpose, offering candidates the opportunity to restate their vision and what they see as the impetus of the campaign; “they are a modern means by which political leaders define and communicate the ethos of their party” (Malkmus, 2013, p. 283). Speeches at the end of a contested primary also confront candidates with the need to appeal to their opponents’ disaffected supporters. We therefore expect candidates giving victory speeches to engage in some way with the arguments and ideas that motivate their candidacy, and to make a play for votes, both by defending the views of their supporters and countering the arguments of their opponent. Victory speeches also tend to follow some broad generic patterns, making it easier to compare apples with apples (or at least apples with another form of fruit).

Having selected these three texts, we coded each utterance that contained a logical proposition of some kind as either monoglossic (bare assertions and statements with presupposition) or heteroglossic; we then used White’s framework to further categorize each heteroglossic proposition (as *entertain*, *attribute*, *disclaim*, or *proclaim*, including subtypes; see Table 1). Each author coded the texts separately. All coding disagreements were discussed and resolved.

5. RESULTS

Monoglossia vs. Heteroglossia

For each speech, we calculated the ratio of monoglossic to heteroglossic assertions. Overall, Trump relied on bare assertions approximately as often as Clinton or Sanders, with monoglossic statements accounting for 54.28% of his total propositions. (For comparison 55% of Clinton’s utterances were monoglossic, as were 52.83% of Sanders’s.) Two percent of Trump’s monoglossic statements included examples of presupposition, as did 1% of Clinton’s monoglossic statements and 3% of Sanders’s.

Table 2

Summary of Engagement Moves: Monoglossia

Candidate	Monoglossic*	Presuppositions**	Heteroglossic*
Trump	54.27%	2%	45.73%
Clinton	55.00%	1%	45.00%
Sanders	52.83%	3%	47.17%

Note. *as a percentage of all assertions. **as a percentage of monoglossic assertions.

Contracting vs. Expanding

Trump, Clinton, and Sanders all use a mix of contracting and expanding moves in their speeches, as shown in Table 3. As a percentage of all heteroglossic assertions, Sanders used contractive moves most often (41.51%), followed by Clinton (38.57%) and Trump (35.53%).

Table 3

Summary of Engagement Moves: Heteroglossia

Candidate	Heteroglossic*	Contractive**	Expansive**
Trump	45.73%	77.70%	22.30%
Clinton	45.00%	85.71%	14.29%
Sanders	47.17%	88.00%	12.00%

Note. *as a percentage of all assertions. **as a percentage of heteroglossic assertions.

However, as is evident from Table 4, the speakers vary in the use of their favored Engagement moves. While all three used *disclaim: deny* and *disclaim: counter* and either *proclaim: pronounce* or *proclaim: concur* (all contractive moves) on a regular basis, Trump and Sanders used *disclaim: deny*, *proclaim: pronounce*, and *disclaim: counter* nearly to the exclusion of other moves. Clinton, by contrast, used *attribute: acknowledge* (12.70% of heteroglossic propositions) and *proclaim: concur* (12.70%) more often than either of her opponents.

Table 4

Most Common Engagement Strategies

Candidate	Frequency of Engagement Move Usage*			
Trump	Disclaim: deny (39.57%)	Proclaim: pronounce (20.14%)	Disclaim: counter (20.14%)	Entertain (13.67%)
Clinton	Disclaim: deny (41.2%)	Disclaim: counter (19.05%)	Attribute: acknowledge (12.70%)	Proclaim: concur (12.70%)
Sanders	Disclaim: deny (53.33%)	Proclaim: pronounce (16%)	Disclaim: counter (14.67%)	Attribute: acknowledge (6.67%)

Note. *as a percentage of heteroglossic assertions.

6. DISCUSSION

Monoglossia

Bare Assertions. Just over half the statements in all three speeches were monoglossic. While more analysis is needed to determine whether this is characteristic of victory speeches or political speeches in general, this rate of monoglossia may reflect the speaker's felt need to be assertive and take the opinions of the audience for granted.

While Trump offers monoglossic statements with approximately the same *frequency* as Clinton or Sanders, he is more prone to long strings of monoglossic statements without the interruption of a heteroglossic assertion. This has the effect of presenting a stream of assertions that rarely recognizes or references alternative positions. Many sections of Trump's speech, indeed, are almost entirely monoglossic, interspersed only with *disclaim: deny* moves:

- (1) We've been losing all the time. We lose with our military. We *can't* beat ISIS. We lose with trade. We lose with borders. We lose everything. We're *not* going to lose. We're going to start winning again and we're going to win big league.

Excerpts like these are construed as one categorical voice that the audience is expected to believe, one position that the listener agrees with. This single-voicedness in Trump's discourse resembles the language of sermons, which are often characterized by simple sentence structure, common word choice, and repetition. The lack of reference to other voices also contributes to the plainness and simplicity of his deliberations, perhaps reminding the listener of powerful political slogans of the past.

Presuppositions. All three candidates we analyzed take some information for granted and indicate assumptions they expect their audience to share. For example, throughout his New Hampshire victory speech, Bernie Sanders presented controversial arguments as 'old news'.

- (2) Tonight, we served notice to the political and economic establishment of this country that the American people *will not continue to accept a corrupt campaign finance system that is undermining American democracy*, and we will not accept a *rigged economy in which ordinary Americans work longer hours for lower wages*, while almost all new income and wealth goes to the top 1%.

In this excerpt, Sanders's proposition can be simplified as *The American people will not continue to accept the state of affairs*. He makes no explicit argument about what *the state of affairs* actually is, instead presenting that information as beyond debate. In this case, Sanders takes for granted the following propositions:

- *the campaign finance system is corrupt*;
- *the campaign finance system is undermining American democracy*;
- *the economy is rigged*;
- *in this economy, ordinary Americans work longer hours for lower wages*.

Sanders also uses nominalizations to encode his implications of shared understanding:

- (3) When we talk about transforming America, it means ending the *disgrace of this country having more people in jail* than any other country in the world, disproportionately African-American, and Latino.

The implicature here consists in the linkage of a nominalized phrase ("this country having more people in jail than any other country in the world") and an evaluation (a "disgrace"). Sanders is speaking to those who agree with him that America's jails are too full — a common belief, but by no means a universal one.

Clinton takes propositions for granted less often than Sanders, but she does so in a similar way. In her California speech, one instance of assuming shared understandings occurs in the context of the contrasting propositions we have seen before in Clinton's speeches:

- (4) We believe we need to help young people struggling with student debt — not pile more on to our national debt with *giveaways to the super-wealthy*. We believe we need to make America the clean energy superpower of the 21st century — not insist that climate change is *a hoax*.

This formulation assumes agreement that "giveaways to the super-wealthy [are piling] more on to our national debt". Both Sanders and Clinton take for granted propositions that *their voters* can fairly easily be expected to hold. (While it is not universally

acknowledged, for example, that climate change is not a hoax, Democratic voters can probably be counted on to hold this view [Gallup, 2016].)

The question then becomes, why include beliefs to which your audience already subscribes? Simon-Vandenberg et al. (2007) argue that taken-for-granted expressions have an important rhetorical function:

[S]peakers use them for presenting non-shared and even highly contested propositions as if they were shared knowledge. The effect is on the one hand that solidarity is confirmed with those who share the speakers' viewpoint and on the other hand that those who hold alternative opinions are put into a position where more interactive work needs to be done if they want to challenge the speaker's views. (p. 61)

Trump appears to share this view, as he also uses taken-for-granted formulations — though sometimes in a different way from Sanders or Clinton. On occasion, Trump does follow a similar strategy to Sanders in using highly freighted words to encode background information:

- (5) And we're going to have to take out ISIS and we're going to have to take them out fast. We can't allow that *cancer* to continue. We cannot allow it to continue.

The analogy here, one also employed at various times by President Obama and Defense Secretary Ashton Carter, is that ISIS shares essential characteristics with cancer — that is, it is dangerous, constantly growing if unchecked, foreign to its host region, and an existential threat.

Other shared assumptions Trump invokes, however, are more difficult to parse. He often implies an understanding he and his audience have in common, without spelling out what he means.

- (6) You *look at some of our airports*; it's third world.
(7) You *look at what's going on*. They want jobs.

Each of these asides seems to be making some kind of assertion, but it is not immediately clear what is meant. What about America's airports does Trump see as emblematic of a third world country? What is "going on" in Excerpt 7? Despite this vagueness, however, Trump's direct address to his audience (*You look at...*) implies he believes that his audience understands what he means.

In other speeches, Trump has followed a similar pattern:

- (8) We don't win on trade. *You look at what China's doing to us, what Japan does to us, what Mexico is just killing us at the border — at the border and with trade. Mexico is killing us — absolutely.* (Washington Post Staff, 2016b)

In this excerpt, it is not clear what trade policies Trump opposes on the part of China, Japan, or Mexico, nor is it clear that he needs to spell them out. By using the *You look at* phrasing, Trump refers his audience to trade policies they are already unhappy about — and implicitly assumes that they already know enough about those policies to be incensed. The idea that unfavorable trade policies are damaging American economic power and job growth is taken as so far beyond argument that it is not even stated explicitly.

In this light, an observation from Simon-Vandenberg et al. takes on new relevance: “Most importantly however, the tactic has value as a rhetorical device which creates a forceful utterance and as such contributes to the image which politicians wish to project for themselves, i.e. that of someone ‘in the know’” (2007, p. 66). Trump, in these excerpts, suggests that both he and his audience have special knowledge — they are aware of ‘what’s going on,’ of ‘what China’s doing to us,’ in a way that others in the political arena do not understand. Trump does not need to spell out what exactly he is taking for granted to take advantage of this rhetorical effect; indeed, keeping things vague may be more useful for him. By inviting his audience to ‘look at’ the problem as they see it, he can convince listeners with potentially widely varying opinions that he is in solidarity with them all.

Heteroglossia

As mentioned above, while each candidate makes heteroglossic statements at similar rates, they differ markedly with regard to the use of specific heteroglossic moves and ways they are combined.

Disclaim: Deny. The *disclaim: deny* move differs from a bare assertion only in that, by denying a proposition, it implicitly admits the existence of that proposition. While being, therefore, heteroglossic, it still has the effect of closing off debate. Trump often intersperses denials with monoglossic bare assertions and repetitions, as in the following excerpts:

- (9) *Not* going to happen anymore, folks. *Not* going to happen anymore. We’re going to bring back our jobs and we’re going to keep our jobs. We’re *not* going to let companies leave.
- (10) We *don’t* need the credit because we’re going after Hillary Clinton. She will *not* be a great president. She will *not* be a good president. She will be a poor president.

Linguistically, the *disclaim: deny* move is realized by a profusion of words like *no*, *not*, *don’t*, etc., rather than countering prepositions such as *however*, *but*, *that said*, etc. Appearing intermixed with monoglossic statements, *disclaim: deny* as used by Trump may strengthen the perception of his language as rhetorically more straightforward, forceful, and direct, or even truthful.

While Clinton uses *disclaim: deny* at a relatively higher rate than Trump, she employs it more often in combination with other Engagement moves. In many cases, she sets up contrasts between herself and Trump using *disclaim: deny* and follows up with either *disclaim: counter* or *proclaim: concur* to propose her own views in opposition to his.

- (11) It’s clear that Donald Trump *doesn’t* believe [attribute: acknowledge; disclaim: deny] we are stronger together. (...) Well, *we believe* we should lift each other up [proclaim: concur: affirm], *not* tear each other down [disclaim: deny]. *We believe* we need to give Americans a raise [proclaim: concur: affirm] — *not* complain that hardworking people’s wages are too high [disclaim: deny]. *We believe* we need to help young people struggling with student debt [proclaim: concur: affirm] — *not* pile more on to our national debt with giveaways to the super-wealthy [disclaim: deny]. *We believe* we need to make America the clean energy superpower of the 21st century [proclaim: concur: affirm] - *not* insist that climate change is a hoax [disclaim: deny].

While Trump uses *disclaim: deny* to continue hammering a point home, Clinton employs it as part of a mix of Engagement moves in order to constantly defend her own views and highlight the contrast between herself and Trump.

Like his opponents, Sanders uses the *disclaim: deny* move most often out of all the heteroglossic strategies he employs. However, like Clinton, he often interweaves this move with many others in a way that differs sharply from Trump's style.

- (12) *In my view* [entertain] under President Obama's leadership, the Affordable Care Act has been an important step forward, *no question about it* [proclaim: pronounce]. *But* [disclaim: counter] we can, and must, do better. Twenty-nine million Americans should *not* remain uninsured [disclaim: deny], an even greater number should [*not*] [disclaim: deny] remain under-insured with large deductibles and co-payments [disclaim: deny]. We should *not* [disclaim: deny] be paying by far the highest prices in the world for prescription drugs at a time — *listen to this* [proclaim: pronounce], when the top three drug companies in this country made \$45 billion dollars in profit last year. That is an obscenity, and *let me tell you something* [proclaim: pronounce], when we make it to the White House, the pharmaceutical industry will *not* [disclaim: deny] continue to rip off the American people. (...)

My friends, *we all know* [proclaim: concur: affirm]. that we live in a dangerous and complex world. As president I will defend this nation, *but* [disclaim: counter] I will do it responsibly. I voted against the war in Iraq, and that was the right vote. *While* [proclaim: concur: affirm] we must be relentless in combating terrorists who would do us harm, we *cannot* [disclaim: deny], and should *not* [disclaim: deny] be the policeman of the world. *Nor* [disclaim: counter] should we bear the burden of fighting terrorism alone.

This passage illustrates a striking contrast to Trump. While Sanders's tone occasionally seems to veer into Trumpian territory (e.g., "Listen to this," "Let me tell you something"), this paragraph follows an Engagement schema Trump rarely uses. First, Sanders entertains or asserts a proposition meant to appeal to Democrats more broadly (one with which his most fervent supporters might disagree): "the Affordable Care Act has been an important step forward, *no question about it*". He then counters the idea with his own view. Sanders does this again in the next paragraph, balancing the need to be "relentless" (again, his dovish supporters might quibble with him) with a rejection of the idea of being the world's "policemen". Trump rarely introduces his assertions by entertaining or acknowledging opposing views.

In general, Trump relies on a narrower use of *disclaim: deny* than either Clinton or Sanders, which manifests itself linguistically in a narrower array of markers of agreement or disagreement.

Proclaim: Pronounce. The *proclaim: pronounce* move, realized in intensifying, definitive asides (e.g., *let me tell you, it is clear*) or as imperatives to the audience (e.g., *remember this, don't forget this, let us do this*) is perhaps the most characteristic of Trump's speeches in general, accounting for over 20% of his heteroglossic assertions. This move is counted as heteroglossic according to what might be called the 'the lady doth protest too much' theory; by defending a proposition so forcefully, the speaker implies that there is a counter-argument against which it needs defending. That said, the *proclaim: pronounce* move, like *disclaim: deny*, has the effect of restricting space for argument; by using this move, the speaker indicates that debate on the subject should be closed.

The following excerpt illustrates one way in which Trump peppers his otherwise monoglossic assertions with *pronounce* moves:

- (13) *Let me tell you*, the miners in West Virginia and Pennsylvania which was so great to me last week and Ohio and all over, they're going to start to work again. *Believe me*. You're going to be proud again to be miners.

Over the course of the Indiana speech, Trump uses some variation on “Let me tell you” (e.g., “I have to tell you”, “I will tell you”) seven times. While this move works to close off debate, it may also help Trump to foster a more immediate relationship between himself and his audience. Since it is often realized linguistically as an imperative and a second person pronoun, it enhances the impression that Trump is speaking directly to the listener.

Entertain. The *entertain* move generally has the effect of opening up dialogic space, by proposing an idea with which some listeners might agree; it is often realized linguistically by the use of modal verbs (*may, might, could*, etc.), other hedges (e.g., *it seems*), or mental processes (e.g., *I think, I believe*).

Trump uses *entertain* relatively infrequently (fourth most of any Engagement strategy). However, while Clinton and Sanders use the *entertain* move in order to introduce a political argument that they then counter (see Excerpts 11 and 12), Trump most often uses *entertain* when discussing election results and poll numbers, in situations in which the topic under debate is not whether he is winning, but by how much:

- (14) They think it was *probably* \$8 million was spent against me and we spent \$900,000. So, I mean, to me that's the way it's supposed to be.
- (15) *I think* that *might* actually be more and better than getting 62% in New York.
- (16) He [Republican National Committee chair Reince Priebus] had 17 egos and now *I guess* he's down to one. I don't know. Is there a second? I mean, is there a second? I don't know.

Trump does also use *entertain* to hedge a stance that he otherwise describes in hard-line terms:

- (17) Her [Clinton's] husband signed *perhaps* in the history of the world the single worst trade deal ever done. It's called NAFTA.

Here, too, while Trump opens up space for his audience to dissent, it would be disagreement only in degree; he admits only that NAFTA might not be the *very* worst trade deal in humanity's history¹. Excerpt 17, however, is an exception to the trend; all but two of Trump's uses of *entertain* in this speech have to do not with arguments he is making, but with poll numbers or other trivia related to what we might call political throat-clearing (e.g., “but *I actually think* he [Trump's son-in-law Jared Kushner] likes politics”). Trump's heavy use of *entertain* in a way that does not engage any political arguments therefore somewhat inflates the raw numbers of expansive dialogic strategies he uses.

¹ Trump's formulation is strikingly similar to one of the examples of *entertain* given in Martin & White (2005), who quote a 2001 edition of the *Sunday Express* passing judgment on the prime minister as follows: “In fact it was probably the most immature, irresponsible, disgraceful and misleading address ever given by a British Prime Minister” (p. 105).

Proclaim: Concur: Affirm. The *proclaim: concur* move marks a point of contrast between Clinton and Trump. Rather than simply stating her case with *proclaim: pronounce*, Clinton often attributes her arguments to supporters of her campaign and (implicitly) former Sanders supporters:

- (18) *We all believe* that America succeeds when more people share in our prosperity; when more people have a voice in our political system; when more people can contribute to their communities. *We believe* that cooperation is better than conflict, unity is better than division, empowerment is better than resentment, and bridges are better than walls. It's a simple but powerful idea. *We believe* that we are stronger together. And the stakes in this election are high. And the choice is clear.

In this passage, Clinton both defends discrete arguments that her campaign aims to advance (“America succeeds when more people share in our prosperity”; “cooperation is better than conflict”) and simultaneously makes an appeal for the support of erstwhile Sanders supporters by asserting common agreement on these points. The contentious Democratic party primary left many left-leaning Sanders voters, who might otherwise have agreed with Clinton on many issues, skeptical of her candidacy because of her distance from the Vermont senator on some policy issues and the vitriol each candidate deployed against the other. With *proclaim: concur* moves like these, Clinton implicitly identifies those Sanders voters as her audience, reminding them that they may not have voted for her but still share these views. Trump uses this move much less often (it accounts for less than three percent of his heteroglossic statements).

This analysis indicates that Trump differs sharply with both Clinton and Sanders in the way he employs audience engagement strategies. While all of the candidates use *disclaim: deny*, Trump follows that move up with alternatives (via *disclaim: counter* or *attribute: acknowledge*) less than Clinton does. While all of the candidates use *proclaim* moves, Trump relies almost exclusively on *proclaim: pronounce*. Clinton, on the other hand, uses *proclaim: concur: affirm/concede*, which takes the opinions of the audience into consideration to a much greater extent.

These differences lead to striking contrasts in linguistic realizations. In general, the strategies preferred by Trump sketch out a discourse that relies on repetitive language (e.g., *no, not, let me tell you*) and chains of shorter sentences that reiterate and reinforce each other rather than forming interlocking parts of a cohesive paragraph. By contrast, Clinton's and Sanders's reliance on complementary Engagement strategies lends their speeches a more elaborate, written-like quality.

7. CONCLUSION

The question, then, is what relevance these linguistic and rhetorical differences may have for Trump's appeal. This question will probably occupy political scientists and linguists for years, and we do not propose to answer it comprehensively in just 7,000-odd words. While the focus on three campaign speeches is a clear limitation of the study and a more representative corpus would add more value to its results, this analysis does highlight stark differences between Trump's style and that of two more mainstream politicians — differences which, we believe, would hold if a wider swath of speeches from Trump and previous presidential nominees were analyzed using this framework. Future research might draw from a deeper pool of candidate speeches and employ

factor analysis to flesh out a more complete description of various candidates' use of Engagement. These differences may help explain Trump's enduring popularity with a not insignificant segment of the American electorate.

In general, Trump's heteroglossic language is simpler and more straightforward and forceful than his opponents', while his monoglossic statements incorporate more vaguely phrased shared assumptions to connect with his base. As noted earlier, while Trump employs heteroglossic moves approximately as often as Clinton or Sanders do, he relies on a narrower slate of these moves and often deploys the same ones in sequence. This lends Trump's speeches a more repetitive effect, which can work to the speaker's advantage; repetition can give the speaker an air of authority, provoking an unconscious response of support among his listeners (Lakoff, 2016). Journalists such as James Fallows have pointed out that simplicity often represents strength in political addresses, particularly when delivered verbally:

In political language, plainness is powerful. "Of the people, by the people, for the people." "Ask not what your country can do for you." "I have a dream." This is especially so for language designed to be heard, like speeches and debate exchanges, rather than read from a page. People absorb and retain information in smaller increments through the ear than through the eye. Thus, the classic intonations of every major religion have the simple, repetitive cadence also found in the best political speeches. "In the beginning." "And it was good." "Let us pray." (Fallows, 2016)

Trump's selection of simplistic, repetitive assertions and denials, exemplified by eschewing many Engagement moves in favor of *disclaim: deny*, may remind his audience of these powerful political volleys from the past. One of the most famous lines from a political debate, indeed — "Senator, I served with Jack Kennedy. I knew Jack Kennedy. Jack Kennedy was a friend of mine. Senator, you're no Jack Kennedy." — with its melding of monoglossia with a *disclaim: deny* move, sounds almost like it could have come from Trump (*October 5, 1988 Debate Transcripts*, 2015).

The vagueness of some of Trump's assertions may also have helped him reach new audiences who express grievances that other politicians would be loath to air; as *Hillbilly Elegy* author J.D. Vance argued in an interview, "these people — my people — are really struggling, and there hasn't been a single political candidate who speaks to those struggles in a long time" (Dreher, 2016). This may seem paradoxical: Clinton and Sanders, after all, both use a wider array of both expansive and contractive moves in order to broaden their support (see Excerpt 11, in which Sanders uses *entertain* and *disclaim: counter* to construe an audience broader than his most die-hard supporters; or Excerpt 18, in which Clinton uses *proclaim: concur* to implicitly include Sanders supporters in 'we'-statements). In contrast to Clinton's and Sanders's presentations, Trump's speeches seem not to have outreach to potential new supporters as their goal; instead, he aims to foster solidarity among those who already agree with him. There is already anecdotal evidence that Trump's supporters do not need to be persuaded that the propositions he defends are true; according to a journalist at *Vox*, "Trump's audience finishes his sentences for him, [and] the blanks are filled with sentiments that resonate: fears of joblessness, worries about the United States losing its status as a major world power, concerns about foreign terrorist organizations" (Golshan, 2016). The linguistic evidence from these speeches points in the same direction: Trump often bakes

shared assumptions into his monoglossic assertions in a way that leaves it unclear exactly what he means. His audience, however, is meant to get the point—one that usually relates to general dissatisfaction with Democratic policies—without his help, as he implies with *proclaim: pronounce* formulations like “You look at what’s going on”. The vagueness of the shared assumptions, whose existence Trump implies without always being specific, suggests that his audience already knows what he means.

Our analysis suggests that Trump might simply have a different understanding of the goal of a political speech than most mainstream politicians. While Clinton and Sanders use Engagement strategies in order to defend their arguments and broaden their potential audience, Trump’s speeches seem designed to assert, as forcefully as possible, the precepts with which his audience *already* agrees, while leaving certain assertions vague to allow his audience to fill in the blanks.

© Marianna Ryshina-Pankova, Justin Quam, 2016

REFERENCES

- Anderson, K.V. (2002). From spouses to candidates: Hillary Rodham Clinton, Elizabeth Dole, and the gendered office of US president. *Rhetoric & Public Affairs*, 5(1), 105—132.
- Austin, J. L. (1975). *How to do things with words*. Oxford University Press.
- Barreto, M.A., Redlawsk, D., & Tolbert, C.J. (2009). Measuring respondent agreement/disagreement with framing experiments: Race, religion and voting against Barack Obama in 2008. *Paper presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association*, September 3-6, 2009, Toronto, ON, Canada.
- Bierman, N. (2016, July 20). Here are the places where Donald Trump and the Republican Party disagree. *Los Angeles Times*. Accessed 10 December 2016 at <http://www.latimes.com/politics/la-na-pol-trump-gop-positions-20160720-snap-htlmlstory.html>.
- Bligh, M., Merolla, J., Schroedel, J.R., & Gonzalez, R. (2010). Finding her voice: Hillary Clinton’s rhetoric in the 2008 presidential campaign. *Women’s Studies*, 39(8), 823—850.
- Capone, A. (2010). Barack Obama’s South Carolina speech. *Journal of Pragmatics*, 42(11), 2964—2977.
- Catalano, T. (2011). Barack Obama: A semiotic analysis of his Philadelphia speech. *Issues in Political Discourse Analysis*, 8(1), 47—74.
- Chang, G.C., & Mehan, H.B. (2006). Discourse in a religious mode: The Bush administration’s discourse in the War on Terrorism and its challenges. *Pragmatics*, 16(1), 1—23.
- Clark, C. (2007, June 25). Drew Westen’s ‘Political Brain’ gets Democratic candidates thinking. *Emory Report*. Accessed 9 December 2016 at https://www.emory.edu/EMORY_REPORT/erarchive/2007/June/June%2025/Westen.htm.
- Degani, M. (2016a). Endangered intellect: a case study of Clinton vs Trump campaign discourse. *Iperstoria — Testi Letterature Linguaggi*, 8, 131—145.
- Degani, M. (2016b). An investigation of American opposing political cultures in the speeches of Barack Obama and John McCain. Accessed 10 December 2016 at <http://edipuglia.it/wp-content/uploads/2016/08/Degani.pdf>.
- Dreher, R. (2016, July 22). Trump: Tribune of poor white people. *The American Conservative*. Accessed 3 September 2016 at <http://www.theamericanconservative.com/dreher/trump-us-politics-poor-whites>.

- Fallows, J. (2016, October). When Donald meets Hillary. *The Atlantic*. Accessed 24 September 2016 at <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/10/who-will-win/497561/>
- Gallup. (2016). Americans believe 2015 was record-warm, but split on why. *Gallup*. Accessed 13 December 2016 at http://www.gallup.com/poll/190319/americans-believe-2015-record-warm-split-why.aspx?g_source=CATEGORY_CLIMATE_CHANGE&g_medium=topic&g_campaign=tiles.
- Golshan, T. (2016, August 18). Donald Trump's strange speaking style, as explained by linguists. *Vox*. Accessed 3 September 2016 at <http://www.vox.com/2016/8/18/12423688/donald-trump-speech-style-explained-by-linguists>.
- Hall, K., Goldstein, D.M., & Ingram, M.B. (2016). The hands of Donald Trump: Entertainment, gesture, spectacle. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 6(2), 71—100.
- Halliday, M.A.K., & Matthiessen, C.M.I.M. (2004). *An introduction to functional grammar*. London: Arnold.
- Hoel, N.S. (2016). *Challenging social class in American political discourse: Bernie Sanders, Occupy Wall Street, and the new discourse of inequality*. (Unpublished MA thesis). Oslo: University of Oslo.
- Knoll, B.R., Redlawsk, D.P., & Sanborn, H. (2011). Framing labels and immigration policy attitudes in the Iowa caucuses: "Trying to out-Tancredo Tancredo". *Political Behavior*, 33(3), 433—454.
- Lexicon Valley*. (2015, July 31). Help us diagram this sentence by Donald Trump! *Slate Magazine*. Accessed 10 December 2016 at http://www.slate.com/blogs/lexicon_valley/2015/07/31/donald_trump_this_run_on_sentence_from_a_speech_in_sun_city_south_carolina.html.
- Iyengar, S. (2005). Speaking of values: The framing of American politics. *The Forum*, 3(3), 1—8.
- Kruse, M., & Weiland, N. (2015, May 5). Donald Trump's greatest self-contradictions. *Politico*. Accessed 3 September 2016 at <http://www.politico.com/magazine/story/2016/05/donald-trump-2016-contradictions-213869>.
- Lakoff, G. (2004). *Don't think of an elephant! Know your values and frame the debate. the essential guide for progressives, including post-election updates*. Chelsea, VT: Chelsea Green Publishing.
- Lakoff, G. (2016, July 23). Understanding Trump. [Blog post]. Accessed 13 December 2016 at <https://georgelakoff.com/2016/07/23/understanding-trump-2>.
- Liberman, M. (2016a, August 16). The rhetorical style of spontaneous speech. [Blog post]. *Language Log*. Accessed 3 September 2016 at <http://languageblog.ldc.upenn.edu/nll/?p=27515>.
- Liberman, M. (2016b, August 15). The em-dash candidate. [Blog post]. *Language Log*. Accessed 3 September 2016 at <http://languageblog.ldc.upenn.edu/nll/?p=27479>.
- Libit, D. (2016, August 15). Transcribers' agony: Frustrated not by what Trump says but how he says it. *CNBC*. Accessed 13 December 2016 at <http://www.cnbc.com/2016/08/15/transcribers-agony-frustrated-not-by-what-trump-says-but-how-he-says-it.html>.
- Malkmus, T. (2013). "Marco and micro, quantitative and qualitative: An integrative approach for analyzing (election night) speeches". In *Discourse approaches to politics, society and culture. Analyzing genres in political communication: Theory and practice* (pp. 267—296). Philadelphia/Amsterdam: John Benjamins.
- Martin, J.R., & White, P.R.R. (2005). *The language of evaluation*. London: Palgrave Macmillan.
- Miller, D.R. (2002). Multiple judicial opinions as specialized sites of ENGAGEMENT: conflicting paradigms of valuation and legitimation in Bush v. Gore 2000. In M. Gotti, D. Heller, & M. Dossena (Eds.), *Conflict and negotiation in specialized texts* (pp. 119—141). Bern: Peter Lang.

- Miller, D.R. (2004). "...to meet our common challenge": ENGAGEMENT strategies of alignment and alienation in current US international discourse. *Textus*, 18(1), 39—62.
- News Editor. (2016, May 4). *Transcript: Donald Trump's remarks after winning the Indiana primary — Part 1 | What The Folly?!. Whatthefolly.com*. Accessed 14 December 2016 at <http://www.whatthefolly.com/2016/05/04/transcript-donald-trumps-remarks-after-winning-the-indiana-primary-part-1>.
- October 5, 1988 Debate Transcripts*. (2015). *Commission on Presidential Debates*. Accessed 14 December 2016 at <http://www.debates.org/index.php?page=october-5-1988-debate-transcripts>.
- Parker, A., & Haberman, M. (2016, May 28). Donald Trump's campaign stumbles as it tries to go big. *The New York Times*. Accessed 10 December 2016 at <http://www.nytimes.com/2016/05/28/us/politics/donald-trump-campaign.html>.
- Pennebaker, J.W., Slatcher, R.B., & Chung, C.K. (2005). Linguistic markers of psychological state through media interviews: John Kerry and John Edwards in 2004, Al Gore in 2000. *Analyses of Social Issues and Public Policy*, 5(1), 197—204.
- Pullum, G. (2015, August 5). Trump's aphasia. [Blog post]. *Language Log*. Accessed 3 September 2016 at <http://languageelog ldc.upenn.edu/nll/?p=20490>.
- Rappeport, A., & Haberman, M. (2016, June 30). How Donald Trump keeps changing his mind on abortion, torture and banning Muslims. *The New York Times*. Accessed 3 September 2016 at <http://www.nytimes.com/2016/06/30/us/politics/donald-trump-flip-flop.html>.
- Reilly, K. (2016). *Read Hillary Clinton's historic primary victory speech*. *TIME.com*. Accessed 14 December 2016 at <http://time.com/4361099/hillary-clinton-nominee-speech-transcript>.
- Savoy, J. (2016). *Analysis of the style and the rhetoric of the 2016 US presidential primaries*. Accessed 13 December 2016 at https://www.researchgate.net/profile/Jacques_Savoy/publication/310674208_Analysis_of_the_Style_and_the_Rhetoric_of_the_2016_US_Presidential_Primarys/links/58353f1908ae102f07397219.pdf.
- Silver, N. (2015, Nov. 23). Dear media, stop freaking out about Donald Trump's polls. *FiveThirtyEight*. Accessed 10 December 2016 at <http://fivethirtyeight.com/features/dear-media-stop-freaking-out-about-donald-trumps-polls>.
- Slatcher, R.B., Chung, C.K., Pennebaker, J.W., & Stone, L.D. (2007). Winning words: Individual differences in linguistic style among US presidential and vice presidential candidates. *Journal of Research in Personality*, 41(1), 63—75.
- Sparks, A. (2009). Minstrel politics or "He speaks too well": Rhetoric, race, and resistance in the 2008 presidential campaign. *Argumentation and Advocacy*, 46(1), 21—38.
- Washington Post Staff. (2016a, February 20). The transcript of Bernie Sanders's victory speech. *The Washington Post*. Accessed 14 December 2016 at https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2016/02/10/the-transcript-of-bernie-sanderss-victory-speech/?utm_term=.5a96b1148168.
- Washington Post Staff. (2016b, February 20). *Transcript: Trump's victory speech after the South Carolina GOP primary*. *The Washington Post*. Retrieved 13 December 2016, from https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2016/02/20/transcript-donald-trumps-victory-speech-after-the-south-carolina-gop-primary/?utm_term=.808a763f71b4.
- Westen, D. (2008). *The political brain: The role of emotion in deciding the fate of the nation*. Public Affairs.
- White, P.R.R. (2003). Beyond modality and hedging: A dialogic view of the language of intersubjective stance. *Text*, 23(2), 259—284.
- White, P.R.R. (2015) *Appraisal and the resources of intersubjective stance*. Accessed 12 April 2016 at <http://languageofevaluation.info/appraisal/engagement/engagementlatest.doc>.

APPENDIX
Engagement System Network with Examples

Dialogic Role	Type	Subtype	Linguistic markers	Examples
Expansive	Entertain: the author holds out a dialogic alternative as possible		Hedges (<i>I think...; it seems...; possibly; apparently</i>) Pseudo-questions	<i>In my view</i> , under President Obama's leadership, the Affordable Care Act has been an important step forward... (Sanders) Her husband signed <i>perhaps</i> in the history of the world the single worst trade deal ever done. (Trump)
	Attribute: the author posits another voice as the source of the assertion	Distance: the author presents an external source's voice as questionable	Verbal processes with inscribed meaning that suggests skepticism (e.g., <i>the defendant claims...</i>)	Well, <i>my critics say</i> , you know, Bernie, that's a great idea, you're into all this free stuff. (Sanders)
		Acknowledge: the author presents an external source's voice without explicit endorsement, leaving room for countervailing views	Verbal processes without inscribed meaning (e.g., <i>say, state, argue</i>) Referential prepositions (e.g., <i>according to, in</i>)	What the American people are <i>saying</i> (...) is that we can no longer continue to have a campaign finances system in which Wall Street and the billionaire class are able to buy elections. (Sanders)
Contractive	Disclaim	Deny: the author rejects an alternative (thus presupposing that the alternative exists)	Negation	We <i>will not</i> accept a rigged economy in which ordinary Americans work longer hours for lower wages. (Sanders) <i>Not</i> going to happen <i>anymore</i> , folks. <i>Not</i> going to happen <i>anymore</i> . (Trump)
		Counter: the author rejects a previous utterance, thereby negating it as an alternative	Conjunctions (e.g., <i>but, however, despite that</i>)	... <i>But</i> don't let anyone tell you that great things can't happen in America. (Clinton)
	Proclaim:	Concur: the author overtly presents herself and the audience as being in agreement		Concede: So yes, yes, there are still ceilings to break —for women and men, for all of us. But don't let anyone tell you that great things can't happen in America. (Clinton) Affirm: We all believe that America succeeds when more people share in our prosperity; when more people have a voice in our political system; when more people can contribute to their communities. (Clinton)
		Pronounce: the author insists on the validity of a proposition, implying that there is a counterargument against which insistence is necessary	(e.g., <i>It is clear that..., it is incontrovertible that..., let me tell you...</i>)	<i>Let me tell you</i> , the miners in West Virginia and Pennsylvania (...) they're going to start to work again. (Trump) <i>It's clear that</i> Donald Trump doesn't believe we are stronger together. (Clinton)
	Endorse: the author presumes an external source to be valid	Verbal processes with inscribed meaning that suggests confidence (e.g., <i>the analysis proves...; the judgment established...</i>)	n/a	

Article history:

Received: 01 September 2016

Revised: 10 October 2016

Accepted: 01 November 2016

For citation:

Quam J., Ryshina-Pankova M. (2016). “Let Me Tell You...”: Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches of Trump, Clinton, and Sanders. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 140—160.

Bio Note:

Justin Quam, PhD Student. Research interests: Second Language Acquisition, Discourse Analysis, Advanced Foreign Language Literacy Development and Instruction. *Contact Information*: <http://explore.georgetown.edu>; e-mail: jq89@georgetown.edu

Marianna Ryshina-Pankova, DSc, Associate Professor, Director of curriculum in the German department at Georgetown at Georgetown University (Washington D.C., USA). Research interests: Second Language Acquisition, Discourse Analysis, Advanced Foreign Language Literacy Development and Instruction. *Contact Information*: <http://explore.georgetown.edu>; e-mail: ryshinam@georgetown.edu

УДК: 811. 112. 42

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-140-160

**«ВОТ ЧТО Я ВАМ СКАЖУ...»:
СТРАТЕГИИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ АУДИТОРИЕЙ
В ПРЕДВЫБОРНОЙ РЕЧИ ТРАМПА, КЛИНТОН И САНДЕРСА**

Джастин Куам, Марианна Рышина-Панькова

Университет Джорджтаун
20057, Вашингтон, США, 37th and O Streets

Во время предвыборной кампании 2016 г. кандидат на пост президента Дональд Трамп удивил своей способностью поддерживать популярность несмотря на неподобающие и часто оскорбительные высказывания. Вероятно, Трамп увеличил свои шансы на победу, обращаясь к тому значительному сегменту электората, которые не встали на сторону других кандидатов. В одной телевизионной программе было сказано: «Люди пытались дискредитировать Трампа, но ничего не вышло — он все равно нравился избирателям». Как утверждают исследователи (Miller 2002; 2004), благодаря системно-функциональному лингвистическому анализу (Halliday & Matthiessen, 2004) можно выявить конкретные стратегии, которыми пользуются политики для подкрепления своих аргументов и побуждения аудитории поддержать их. В данной статье мы опираемся на модель взаимодействия (Engagement framework) (White, 2003; Martin & White, 2005), основанную на системно-функциональном анализе для определения приемов, с помощью которых кандидаты на пост президента 2016 г. привлекали симпатии избирателей. Проведенный нами анализ речи Дональда Трампа, Хиллари Клинтон и Берни Сандерса показал совершенно разные способы взаимодействия с аудиторией в плане использования экспансивной и контрактивной диалогических стратегий, определения целевой аудитории и общих взглядов. В выступлениях Трампа прослеживается тенденция вести диалог в узком диалогическом пространстве, в котором аудитория по определению с ним согласна, в то время как его соперники часто сочетают контрактивную и экспансивную аргументативные стратегии и ведут более открытый диалог с аудиторией, чьи идеи они разделяют. В статье исследуется, как каж-

дый из кандидатов определяет свою аудиторию и обращается к сторонникам или противникам своих политических взглядов и призывает их оказать им поддержку.

Ключевые слова: дискурс-анализ, политический дискурс, политическое выступление, коммуникативные диалогические стратегии

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01 сентября 2016

Дата принятия к печати: 01 ноября 2016

Для цитирования:

Quam J., Ryshina-Pankova M. (Washington DC, USA) “Let Me Tell You...”: Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches of Trump, Clinton, and Sanders // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 4. С. 140—160.

Сведения об авторах:

Джастин Куам, аспирант кафедры немецкого языка, Университет Джорджтаун (Вашингтон, США). *Сфера научных интересов:* Методика преподавания второго иностранного языка, теория дискурса, формирование грамотности, речевых навыков и умений в рамках изучения иностранного языка. *Контактная информация:* <http://explore.georgetown.edu>; e-mail: jq89@georgetown.edu

Марианна Рышина-Панькова, доктор, профессор, кафедра немецкого языка, Университет Джорджтаун (Вашингтон, США). *Сфера научных интересов:* Методика преподавания второго иностранного языка, теория дискурса, формирование грамотности, речевых навыков и умений в рамках изучения иностранного языка. *Контактная информация:* <http://explore.georgetown.edu>; e-mail: ryshinam@georgetown.edu

ДЕСТРУКТИВНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Я.А. Волкова, Н.Н. Панченко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, Волгоград, Россия, пр. им. В.И. Ленина, д. 27

Деструктивность относится к числу фундаментальных дискурсивных категорий, которые играют значительную роль в организации коммуникативного взаимодействия и определяют прагматику дискурса; ее изучение способствует пониманию некоторых механизмов и принципов коммуникации, а также идентификации стратегий и тактик, используемых деструктивной коммуникативной личностью. Актуальность настоящего исследования определяется нарастающими проявлениями агрессивности в различных типах дискурса и, соответственно, необходимостью расширения знаний о деструктивном поведении коммуникативной личности. Исследование базируется на теории дискурс-анализа и теории деструктивности (Z. Harris, T. van Dijk, A. Buss, E. Fromm, D. Ponton, K. Hacker, R. Wodak, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, Е.И. Шейгал и др.). Развивая теорию деструктивности Э. Фромма (1973), авторы уточняют понятие деструктивности по отношению к политическому дискурсу и соотносят его с родственным понятием агрессивности. В статье на материале отрывков из выступлений кандидатов на пост президента 2016 г. анализируется категория деструктивности в современном политическом дискурсе США. Особое внимание уделяется доминирующей деструктивной интенции — нанести вред репутации оппонента и уменьшить его политические шансы, а также функциям вербальной агрессии: с одной стороны, дискредитировать оппонента, с другой, настроить аудиторию против него/нее и вызвать у аудитории ощущение опасности, исходящей от политического оппонента. Проводится анализ вербальных и невербальных средств выражения деструктивности в политическом дискурсе США. Делается вывод о том, что оскорбительные реплики политиков — результат не спонтанного эмоционального всплеска, а тщательно продуманной деструктивной стратегии, в которой агональная природа политического дискурса стимулирует использование средств инструментальной агрессии (Басс, 1971) ради борьбы за власть, понижения статуса оппонента и ухудшения его публичного имиджа.

Ключевые слова: политический дискурс, деструктивность, агрессия, деструктивное общение, дискурсивная стратегия, дискурсивная категория

1. ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время серьезные изменения в жизни общества и функционировании языка, процессы трансформации и гибридизации речевых жанров позволяют констатировать, что изучение дискурса приобретает особую ценность. С исследованием дискурса связано появление новых областей изучения, в частности, когнитивно-дискурсивной парадигмы, а также анализа дискурсивных категорий, позволяющего глубже осмыслить механизмы и принципы коммуникации. К числу фундаментальных дискурсивных категорий, определяющих прагматику дискурса, обнаруживаемых в различных типах дискурса и разнообразных речевых жанрах, относится деструктивность.

Поскольку дискурсивные категории как элементы коммуникативного сознания на сегодняшний день практически не изучены, анализ их реализации позво-

ляет говорить о теоретической значимости и научной новизне представленного исследования. Кроме того, в коммуникативном взаимодействии, наряду с провозглашенным П. Грайсом (Grice, 1975) принципом кооперации, нередко соседствует принцип соперничества (Земская, 1988), играющий значимую роль в политическом дискурсе, который, будучи агональным по своей природе (Шейгал, 2000), генетически связан с проявлениями деструктивности.

Цель данной статьи — проанализировать специфику реализации дискурсивной категории деструктивности в политическом дискурсе, выделив совокупность вербальных и невербальных средств ее объективации. Анализ реализации деструктивности проводится на материале современного политического дискурса США, используются отрывки из дебатов и предвыборных речей кандидатов на пост президента Д. Трампа и Х. Клинтон.

Выявление механизма реализации дискурсивной категории «деструктивность» в процессе политической коммуникации опирается на теоретические положения и научные исследования зарубежных и отечественных лингвистов, посвященные дискурс-анализу, теории дискурса и политическому дискурсу, теории деструктивности (А. Buss, P. Chilton, van Dijk, C. Ilie, E. Fromm, D. Ponton, K. Hacker, Z. Harris, G. Weiss, R. Wodak, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.).

Обобщению теоретически значимых положений дискурс-анализа в их корреляции с поставленными в настоящем исследовании задачами посвящен следующий раздел, призванный также выделить параметры, которые релевантны для дискурс-анализа категории деструктивности, реализуемой в политическом дискурсе.

2. ДИСКУРС-АНАЛИЗ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

2.1. Понятие «дискурс» и дискурс-анализ

Прочно закрепившийся в конце XX в. в научной практике термин «дискурс», фиксирующий тем самым интерес лингвистов к устной коммуникации, является сегодня привлекательным для современных зарубежных и отечественных ученых объектом исследования. По сей день самым популярным в отечественной лингвистике определением остается предложенная Н.Д. Арутюновой лаконичная трактовка дискурса как текста, погруженного в жизнь (Арутюнова, 1998), которой вторят В.И. Карасик (текст в ситуации общения [2002]) и Г.Н. Манаенко (смысловое взаимодействие, погруженное в социально-культурные условия [2008: 325]), т.е. понятие «дискурс» определяется как связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами. Хотя, как признают Г. Вайс и Р. Водак, 'In the English-speaking world, 'discourse' is often used for both written and oral texts' (Weiss, Wodak, 2003: 13).

Неоднородность и многогранность дискурса породила его многочисленные трактовки, разработанные зарубежными и отечественными лингвистами, обзор и систематизация которых позволяет ученым (см., например, Е.В. Якимович

[2007], Т.Г. Добросклонская [2014]) выделить несколько ключевых подходов к его определению — структурного (учитывающего ситуативный контекст и экстралингвистические факторы), функционального (демонстрирующего взаимосвязь с различными сферами человеческой деятельности — научной, политической, педагогической и т.д.), тематического (обозначающего отрезки коммуникации, которые выделяются на базе сходства отдельных характеристик, например, авторства (дискурс писателя), тематики (террористический дискурс) и др.).

Введенное З. Харрисом в середине XX в. понятие дискурс-анализа (Harris, 1952) стимулировало появление самостоятельного научного направления, которое сложилось в 1980-е гг. на базе теории речевых актов, прагмалингвистики, лингвистики текста, семиотики и пр., получило дальнейшее развитие в трудах многих отечественных лингвистов.

По мнению исследователей, основной задачей дискурс-анализа в политической коммуникации (Political Linguistic Discourse Analysis) — вскрыть механизм сложных взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением (Hacker, 1996: 51).

В лингвистических работах, посвященных анализу политического дискурса, выделяются два основных подхода: дескриптивный и критический (Chilton, 1994). Дескриптивный подход фокусирует внимание на риторическом анализе публичных выступлений, в рамках данного подхода выполняются исследования языковых средств, риторических приемов и манипулятивных стратегий, используемых политиками в целях убеждения; подвергаются анализу содержание политических текстов, при этом позиция исследователя при описании феноменов политической коммуникации остается нейтральной. «В зарубежной политической лингвистике сосуществует множество вариантов дескриптивного анализа политического дискурса, представляющих собой набор методик и подходов, объединяемых по принципу „фамильного сходства“» (Будаев, Чудинов, 2008).

При критическом подходе особое внимание уделяется социальному, гендерному и этническому неравенству, интерес исследователей сосредоточен на анализе фактов злоупотребления властью, которые находят выражение в языке или дискурсе. ‘CDA (Critical Discourse Analysis) takes a particular interest in the relationship between language and power. The term ‘CDA’ is used nowadays to refer more specifically to the critical linguistic approach of scholars who find the larger discursive unit of text to be the basic unit of communication’. ... ‘CDA often chooses the perspective of those who suffer and critically analyses the language use of those in power; those who are responsible for the existence of inequalities and who also have the means and the opportunity to improve conditions’ (Weiss, Wodak, 2003: 12—14).

Принимая во внимание факт, что дискурс-анализ «представляет собой обширную группу разнообразных по своей сути, лингвистически ориентированных подходов» (Леонтович, 2011: 105), методологическую актуальность приобретает выработка специфических процедур анализа разнообразных типов дискурсов. В задачи настоящего исследования, в частности, входит формулирование принципов и выделение параметров дискурсивного анализа деструктивности применительно к политическому дискурсу. Для этого, не останавливаясь подробно на рассмотре-

нии существующих, порой сильно отличающихся друг от друга подходов и предлагаемых методик, сконцентрируем внимание на тех ключевых моментах, которые будут выступать параметрами дискурс-анализа категории деструктивности.

2.2. Методика и материал исследования

Поиск единицы дискурс-анализа, безусловно, всегда мотивирован конкретными целями исследования. Одной из основных дискурсивных и дискурсообразующих единиц принято считать понятие *речевое событие / коммуникативное событие*. Оно обладает свойством выделенности из потока происходящего, наличием причины, временной протяженностью, трактуется как тип взаимодействия, которому присущи обязательная пространственная и темпоральная локализация, приписывается идея регулярности, повторяемости структуры, выделяются участники и границы события, обстановка, тема, правила взаимодействия (Дубровская, 1999). К единицам членения дискурса также относится *речевой жанр*, вступающий с коммуникативным событием в различные отношения: тождества (один речевой жанр может полностью покрывать определенное коммуникативное событие), включения (речевой жанр может выступать как часть данного события) или пересечения (речевой жанр может входить в разные коммуникативные события) (Hymes, 1977).

Политический дискурс представляет собой сложное многомерное образование, в пространстве которого для нашего исследования представляют интерес институциональные (публичные) жанры со следующими существенными признаками: массовый гетерогенный адресат, общественно-значимая ориентация содержания коммуникации, особый социальный статус говорящего, обладающего «правом на речь», его профессионально-речевые навыки.

Анализ категории деструктивности в данном исследовании осуществляется на материале прототипных жанров институциональной политической коммуникации, в качестве основных единиц анализа выступают публичные политические дискуссии/дебаты (статусно-индексальное общение на уровне «политик — политик»), которые, вслед за Т. ван Дейком, мы относим к числу сложных коммуникативных событий (ван Дейк, 1994) и публичные выступления, речи политических лидеров (статусно-индексальное общение на уровне «политик — общество» / «политик — большие социальные группы»), рассматриваемые нами как жанр.

Интенциональная база политического дискурса концентрируется вокруг основной коммуникативной цели — борьбы за власть, агональный характер политического дискурса, в свою очередь, накладывает отпечаток на выбор стратегии и тактики коммуникативного взаимодействия. С точки зрения выделяемой Е.И. Шейгал (Шейгал, 2000) базовой семиотической триады «интеграция — ориентация — агональность» данные коммуникативные события и жанры по характеру ведущей интенции относятся к агональным жанрам.

К категориям дискурс-анализа, которые могут служить его критериями, М.Л. Макаров среди прочего относит коммуникативную стратегию, метакоммуникацию и дейксис дискурса (Макаров, 2003).

Поскольку дискурсивная категория понимается нами как единство структурно организованного коммуникативно значимого содержания и комплекса лингвистических

тических и паралингвистических средств его выражения и непосредственно связана с выбором коммуникативной личностью базовой целеустановки, стратегии и тактики коммуникативного поведения (Панченко, 2010), то для дискурс-анализа категории деструктивности, реализуемой в политическом дискурсе, основополагающую роль будут играть коммуникативные стратегии и тактики говорящего, мотивационно-интенциональная база его коммуникативного поведения. Не менее важными факторами для анализа деструктивности нам представляются следующие:

— участники коммуникативного взаимодействия (включая статусно-ролевые характеристики, эмоциональное состояние в момент коммуникации, степень близости отношений и пр.);

— хронотоп (взаимосвязь социально значимого места общения и времени события);

— тип речевого взаимодействия (монолог, диалог, полилог), наличие/отсутствие наблюдателя, форма коммуникации (прямая/непрямая) и т.д.;

— соотношение эмоционального/рационального компонентов в ситуации общения, эмотивная экологичность высказывания.

Выбор инструментов анализа обусловлен эмпирическим материалом: используются видеозаписи общей продолжительностью 739 минут (речь Х. Клинтон и публичные выступления Д. Трампа, включая официальное объявление о намерении баллотироваться в президенты США, речи перед избирателями в разных штатах Америки, участие в дебатах с членами Республиканской партии) с последующим транскрибированием вербальной составляющей и фиксацией невербальных компонентов, сопровождающих акт общения. Примеры содержат ссылку на дату выступления.

3. ДЕСТРУКТИВНОСТЬ КАК ДИСКУРСИВНАЯ КАТЕГОРИЯ

3.1. Понятие «деструктивность»

В современной науке деструктивность рассматривается как характеристика особого типа человеческой деятельности — деструктивной деятельности, которая проявлялась на всех этапах развития человечества. Деструктивная деятельность определяется как «специфически человеческая форма активного отношения к миру, основное содержание которой составляет разрушение существующих объектов и систем» (Лысак, 1999: 5).

Деструктивность неразрывно связана с понятием агрессии. Все существующие теории агрессии (см. обзор работ З. Фрейда, К. Лоренца, И. Эйбл-Эйбесфельдта, Н. Тинбергена, А. Басса, Л. Берковица, А. Бандуры, Р. Велдера и др., представленные в [Волкова, 2014]), так или иначе сталкиваясь с многообразием форм и причин агрессии, не смогли внести полную ясность в толкование данного понятия. Впервые это сделал немецкий психолог и психоаналитик Э. Фромм, которому и принадлежит заслуга введения в научный обиход термина «деструктивность».

Главная идея Э. Фромма состоит в том, что объяснение жестокости и деструктивности человека следует искать не в унаследованном от животного разрушительном инстинкте, а в тех факторах, которые отличают человека от его животных предков: необходимо строго различать доброкачественную агрессию, т.е. агрессию «биологически адаптивную, способствующую поддержанию жизни», от «злокачественной агрессии, не связанной с сохранением жизни» (Фромм, 1994: 163). Если доброкачественная агрессия есть реакция на угрозу витальным интересам индивида, которая заложена в филогенезе, свойственна как животным, так и людям и возникает спонтанно как реакция на угрозу, то деструктивность характеризуется полностью противоположными качествами, т.е. не является защитой от нападения или угрозы, не заложена в филогенезе, не свойственна животным, носит осознанный характер. «В основе злокачественной агрессивности не инстинкт, а некий человеческий потенциал, уходящий корнями в условия самого существования человека» (Фромм, 1994: 21).

Очевидно, что различия между агрессией и деструктивностью значительны. Агрессия, реализуемая на пути удовлетворения человеком своих потребностей, исчезает, как только цель достигнута. Деструктивность же ненасытна. Мы разделяем точку зрения Э. Фромма, что деструктивность не является врожденным человеческим инстинктом и теория врожденной агрессивности и деструктивности избавляет человечество от задачи поиска причин роста деструктивности в современной мире, «успокаивает нас и заявляет, что даже если все мы должны погибнуть, то мы, по меньшей мере, можем утешать себя тем, что судьба наша обусловлена самой „природой“ человека и что все идет именно так, как и должно было идти» (Там же).

Действительно, рассматривая, например, политический дискурс, проще и легче рационализировать деструктивное коммуникативное поведение политика природной вспыльчивостью, филогенетически заложенным агрессивным инстинктом, нежели нежеланием контролировать свои эмоции и/или сознательным нарушением коммуникативных норм.

Анализируя мотивы агрессии, А. Басс разграничивает гневную и инструментальную (хладнокровную) агрессию, вызванную намерением победить соперника в соревновании или стремлением заполучить нечто, чем обладает другой индивид (Buss, 1971: 10). Нам представляется, что данное противопоставление частично коррелирует с дифференциацией понятий агрессии и деструктивности.

Несмотря на то, что «доброкачественная» (оборонительная) агрессия, нейрофизиологический механизм которой сходен у животных и человека, является фактором биологической адаптации, Э. Фромм отмечает важнейший факт: у человека агрессия проявляется гораздо сильнее, чем у животного.

В.И. Добренков высказал мнение о том, что современная гуманитарная наука не дает бесспорного перечня витальных интересов человека. Это чрезвычайно важный вопрос, так как «защита витальных интересов» есть критерий различения доброкачественной и злокачественной агрессии. Например, потребности в свободе и самоактуализации, в психическом комфорте и социальном успехе, в уважении,

признании, любви и в сохранении своей системы ценностей относятся к витальным интересам личности, а значит, их защита является примером доброкачественной агрессии (Добренков, 2006: 94). С другой стороны, для человека не является жизненно необходимым иметь три квартиры или машины, видеть врага в каждом, кто исповедует отличные от него взгляды, оскорблять и унижать того, кто выражает противоположную точку зрения, но он это делает с завидной регулярностью, рассматривая свои действия как защиту своих витальных интересов.

Мы полагаем, что часть изначально доброкачественных агрессивных проявлений в человеческом обществе трансформируется в деструктивные, и именно на этих, изначально доброкачественных проявлениях агрессии, лежит ответственность за большинство деструктивных действий в современном обществе.

Резюмируя, отметим, что, несмотря на схожесть внешних проявлений, агрессия и деструктивность представляют собой явления разной природы. В отличие от естественной, «доброкачественной» агрессии, которая свойственна всем представителям животного мира, деструктивность есть сложный феномен, свойственный только человеку. Одним из возможных каналов проявления деструктивности является общение — самый распространенный вид человеческой деятельности.

3.2. Понятие «деструктивное общение»

Основной постулат деструктивного общения — «я хозяин положения, а мой собеседник — жертва, и причинить ей боль любыми способами — доблесть». В современной «жизненной философии» именно такой тип общения поощряется новыми социальными нормами, и есть все основания полагать, что деструктивное общение отвоевывает все более значительные позиции во всех без исключения сферах человеческой коммуникации, в том числе и в политической.

В теории коммуникации термин «деструктивное общение» трактуется весьма широко: это «формы и особенности контактов, которые пагубно сказываются на личности партнера и осложняют взаимоотношения» (Куницына и др., 2001: 271). В качестве примеров приводятся манипулятивное общение, авторитарный стиль, распад и осложнение отношений по вине партнера вследствие патологической ревности, зависти, нарциссизма. Деструктивным характером может обладать даже молчание, если оно принимает форму наказания партнера, а также умолчание.

В основе деструктивного общения, по мнению авторов, может лежать немало личностных черт: лицемерие, хитрость, склонность к клевете, мстительность, язвительность, цинизм, ханжество и т.д. Такое общение не обязательно преследует личную материальную выгоду. Личность в таком общении может руководствоваться неосознаваемыми мотивами самоутверждения, злорадства, мести, соперничества и т.д. К деструктивному общению относят не только агрессивно-конфликтное и криминогенное общение, но и ложь, обман, манипулирование и «другие формы воздействия, направляемые корыстными мотивами» (Куницына и др., 2001: 280).

На наш взгляд, само понимание корыстности мотивов допускает неоднозначное толкование, манипулирование же охватывает широкий круг понятий (в том числе и ложь/обман) и является скорее общей стратегией поведения, нежели

конкретным проявлением разрушительности. Изучение языка лжи представляет собой отдельное исследование (Панченко, 2010), в котором вранье, обман не всегда деструктивны. Известные выражения «ложь во благо», «ложь во спасение» служат небольшой иллюстрацией к данному тезису.

Итак, что же мы вкладываем в понятие деструктивного общения? Прежде всего, необходимо вернуться к пониманию деструктивности Э. Фромма. Деструктивный — это не просто синоним слова ‘разрушительный’. Деструктивный, по нашему мнению, означает ‘сознательно совершающий агрессивные действия с целью причинить страдания другому индивиду, при этом не чувствуя угрызений совести и получая удовлетворение от совершенных деяний’. Таким образом, деструктивное общение представляет собой тип общения, направленного на сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и сознанием собственной правоты.

4. ДИСКУРС-АНАЛИЗ ДЕСТРУКТИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

4.1. Специфика реализации деструктивности в политическом дискурсе

Специфика проявлений деструктивности в политическом дискурсе предопределяется сущностными признаками данного типа дискурса, а именно его мотивационно-интенциональной направленностью (борьба за власть) и доминированием манипулятивной функции. Деструктивная интенция направлена на ниспровержение оппонента и/или понижение его политического статуса.

Оба кандидата на пост президента США предоставили массу примеров реализации деструктивности в политической коммуникации, однако бесспорным лидером в этом отношении является Д. Трамп. На основе анализа практического материала выделим ключевые моменты реализации деструктивной интенции в выступлениях Д. Трампа.

Стратегия положительной самопрезентации, реализующаяся в паре с негативной презентацией политического соперника и «работающая» в конечном итоге на дисфемизацию его отрицательных характеристик, в выступлениях Д. Трампа предельно и откровенно гиперболизирована. Проявление ее можно наблюдать в высказываниях, демонстрирующих высокомерие и превосходство, граничащее с бахвальством. Подобному восприятию во многом способствует частотность употребления конструкций с личным местоимением I, как, например, в следующих примерах:

- (1) *I look presidential ... Most people like me* (8-6-16).
- (2) *I've always had a talent* (6-22-16).
- (3) *I'm the only person running for the presidency who understands this* (4-27-16).
- (4) *My financial statement is so strong* (3-3-16).

Деструктивность высокомерия Д. Трампа «просвечивает» и в невербальном поведении, например, реплика в адрес М. Ромни: *I could have said Mitt drop to*

your knees сопровождается директивным жестом указательного пальца правой руки вниз, напоминающим поведение императора по отношению к слугам (3-3-16).

В публичных выступлениях Д. Трамп деструктивность реализуется в огромном количестве критических высказываний, как адресованных непосредственным участникам дискуссии: *Marco is not a negotiator / I watched him melt down and I'll tell you it was one of the saddest things I've ever seen ... You're not a negotiator / you'll never bring peace* (GOP debate, 2-25-16), так и направленных на политические фигуры, не участвующие в данном коммуникативном событии (так называемая критика «за глаза»). Мишенями подобных атак становятся:

а) непосредственный политический конкурент:

(5) *Hillary Clinton has perfected the politics of personal profit and even theft ... we don't need or want another Clinton or Obama / we just can't take it any more ... The most corrupt person* (6-22-16);

(6) *Hillary Clinton and her campaign of fear will try to spread the lie that these actions will start a trade war* (6-28-16);

б) члены Республиканской партии

(7) *Mitt (Romney) is a failed candidate / he failed / he failed / horribly.... He ran a horrible campaign ... he was horrible in the 3d debates / horrible ... the 2d (о попытке выборов) was a great catastrophe* (3-3-16);

(8) *(Romney) incompetent, nasty guy ... (Rubio) you're a joker and we don't want jokers in our administration ... (Romney) he's never going to win* (2-26-16);

в) конкретные репортеры / СМИ в целом

(9) *The media is among the most dishonest groups of people I've ever met ... The NY Times is one of the dishonest outlets I've ever seen in my life* [2-26-16];

г) действующий президент и его администрация

(10) *I'm not a fan of Barack Obama ... These people are such liars ... stupidity of the U.S. ... we are going to get rid of Obamacare and we are going to repeal and replace it* (3-3-16).

(11) *Obama is totally incompetent ... inept president ... Horrible and incompetent group that we have in Washington / They're absolutely terrible / it doesn't get worse / it can't get worse* (8-6-16).

(12) *President Obama has weakened our military ... logic was replaced by foolishness* (4-27-16).

Как видно из приведенных выше примеров, для реализации деструктивности характерны обвинительный характер высказываний, разная степень интенсивности критики — от резкой до злобной, превалирование отрицательной оценочности.

С одной стороны, Д. Трамп предстает как некий критик-правдолюб, который открыто и нелюбезно обвиняет в некомпетентности, коррупции, бездействии и т.д., демонстрируя при этом прямолинейность, категоричность и безапелляционность:

(13) *She should not be president on any circumstances ... (Clinton) may be the most corrupted person ever to seek the presidency of US* (6-22-16).

С другой стороны, обвинительный характер его выступлений не всегда связан с наличием фактов, а напоминает некорректный демагогический прием «переход на личности», нацеленный на дискредитацию политического соперника:

(14) *Mitt was looking for zoning 49 car garage or something in California* (3-3-16).

(15) *He (Obama) plays more golf than professionals* (8-6-16).

(16) *We have Kerry that goes on bicycle races / he's in bicycle race / he's 73 years old / 73 years old! / And I said it the last time I spoke / I swear to you I will never enter a bicycle race if I'm president* (8-26-15).

(17) *Obama is going to be out playing golf / He might be on one of my courses / I would invite him / I actually would say / I have the best courses in the world / so I'd say / you what / if he wants to / I have one right next to the White House / right on the Potomac* (6-22-16).

Следует отметить, что содержащиеся в речах Д. Трампа негативные оценки в адрес действующего президента и политических противников соотносятся преимущественно с концептуальным полем «ложь» (*Lie / liar, false, deceptive, cheating, to rig, to steal*):

(18) *and when the president lies / which is a perfect lie / just as he lied on Obamacare ...* (8-6-16).

(19) *she is unbalanced ... she is a dangerous liar ... she is not a winner ... false statements of Clinton* (8-6-16).

(20) *(Clinton) as you know / Most people know / she is a world-class liar* (6-22-16).

Оскорбительная семантика усиливается за счет свойственных для стиля кандидата стилистических приемов — многократных лексических повторов: *She is a horrible horrible human being* (8-6-16), анафорических повторов и клаймакса:

(21) *How are these people gonna lead us / How are we gonna / how are we gonna go back and make it great again? / We can't / They don't have a clue / **They** can't lead us / **They** can't / **They can't** even answer simple questions / It was terrible* (6-16-15).

(22) *it's virtually useless / It's virtually useless / **It is a disaster*** (6-16-15).

(23) ***We will lose jobs / we will lose employment / we will lose taxes / we will lose everything / we will lose our country*** (6-22-16).

Менее оскорбительным по форме, но отнюдь не по содержанию является апеллирующее к интеллектуальной сфере обвинение, сформулированное в виде риторического вопроса:

(24) *But all of these politicians that I'm running against now / they're trying to disassociate / I mean / you looked at Bush / it took him five days to answer the question on Iraq / He couldn't answer the question / He didn't know / I said / **Is he intelligent?*** (6-16-15).

Деструктивная интенция объективируется также в тональности пренебрежения и презрения, унижающей достоинство политического соперника: *This is what we're going to have as president* (указывая на М. Рубио, стоящего справа [GOP debate, 2-25-16]). Иронизирующая интонация: *if she (Clinton) ever became president / God help us* (6-22-16) также служит иллюстрацией деструктивности.

Кроме того, на реализацию стратегии деструктивного поведения работают следующие коммуникативные приемы:

— прямые оскорбления — *She took a little short circuit in the brain* (оскорбительное высказывание, адресованное Х. Клинтон, сопровождается характерным жестом «палец у виска» [8-6-16]); *When you (М. Ромни) walk into a stage you cannot walk like a penguin / he walks like a penguin* (2-26-16);

— оскорбительные ярлыки и прозвища — так называемые транспонированные знаки агрессии (Шейгал, 2000). К подобным ярлыкам относятся неполитические пейоративы, например, *John Kasich — dummy; Karl Rove — irrelevant clown; an establishment dope*; а также оскорбительные прозвища с инвективной функцией *Crooked Hillary; low energy, loser* (Jeb Bush) и многие др.;

— намеки неприличного содержания в адрес журналистки *Megyn Kelly (blood coming out of her wherever)*; в ответ на высказывание М. Рубио (демонстрируя руки публики) *are they small? / and he referred to my hands / if they are small something else must be small / I guarantee you /there's no problem* (GOP debate, 3-3-16).

К специфическим знакам агрессии, имеющим оскорбительную природу, следует отнести также издевки и передразнивания, которые обнаруживаются практически в каждом публичном выступлении Д. Трампа.

Для иллюстрации деструктивности в коммуникативном поведении Х. Клинтон проведем анализ выступления Х. Клинтон перед избирателями в г. Рено, штат Невада, 25 августа 2016 г.

Вступительная часть речи представляет собой образец реализации стратегии самопрезентации в целях установления контакта с аудиторией и получения социального одобрения. Так, Х. Клинтон заявляет свою принадлежность к людям из «малого бизнеса» (*I want to be a small business president. My father was a small business man*), обещая уменьшить роль бюрократии, ослабить налоги и предоставить малому бизнесу возможности роста (*This week we proposed new steps to cut red tape and taxes to make it easier for small businesses to get the credit they need to grow and hire*). Слово сочетание *small business* используется в кратком вступлении шесть раз. Однако, установив контакт с аудиторией, Х. Клинтон немедленно переходит к реализации основной цели своего выступления — критике политических взглядов своего оппонента Д. Трампа.

Речь построена в форме воображаемого диалога с аудиторией, поддерживающей Д. Трампа, и реализует деструктивную стратегию диффамации в рассматриваемом дискурсе. Напомним, что в широком понимании данный термин обозначает дискредитацию, которая рассматривается как «агональная коммуникативная стратегия, предназначенная для победы над противником в коммуникативном конфликте и пользующаяся этически недопустимыми средствами» (Иссерс, 1999: 45). Отметим, что во избежание обвинений в диффамации Х. Клинтон не использует прямых оскорбительных номинаций в адрес Д. Трампа, описывая его действия с помощью широкого диапазона отрицательно-окрашенной эмотивной лексики:

(25) *From the start Donald Trump has built his campaign on prejudice and paranoia.*

(26) *He is taking hate groups mainstream.*

- (27) *But what he's doing here is more sinister.*
- (28) *Trump took this fringe bigot with a few dozen followers and spread his message to 11 million people.*
- (29) *He promoted the racist lie that President Obama is not really an American citizen...*
- (30) *He described Mexican immigrants as rapists and criminals.*

С одной стороны, Х. Клинтон использует стратегию митигации, которую можно определить как an attribution transfer strategy (Пие, 2004), когда прямая негативная квалификация самого человека (*Трампа — параноик*) трансформируется в описание его действий и слов (*Он построил свою кампанию на паранойи*). С другой стороны, подобное не прямое указание на личные качества Д. Трампа является эффективным приемом, подчеркивающим «зловещий» облик оппонента.

Эмоциональную доминанту выступления можно обозначить как «расовая ненависть», и Х. Клинтон обыгрывает ее с помощью различных стилистических приемов. Во-первых, это прием повтора определенной лексики: лексемы с корнем hate- используются в речи пять раз, с корнем race- (*racism, racial discrimination, racial resentment, racist (racist lie, racist comment, racist undertones, racist ideology), racially-tinges rumours, racialists*) — тринадцать раз, *supremacist* — четыре, *bigot/bigotry* — три, *paranoia/paranoid* — четыре, *prejudice* — четыре раза. Столь высокая плотность эмоционально нагруженной лексики в тексте способствует созданию образа Д. Трампа как расиста, шовиниста и параноика, т.е. личности, несовместимой с идеальным образом американского президента.

Во-вторых, одним из наиболее частотных приемов стратегии дискредитации в речи Х. Клинтон выступает метафора. В политическом дискурсе традиционно использование стертых публицистических метафор, основные функции которых — усиление эмоциональной оценочности высказывания и моделирование действительности. Приведем некоторые примеры из рассматриваемого выступления:

- (31) *Trump is reinforcing harmful stereotypes and offering a dog whistle to his most hateful supporters.* — Выражение ‘dog-whistle politics’ обозначает политику со скрытым расистским или националистическим содержанием, аналогия проводится с ультразвуковыми свистками для собак, которые неразличимы для человеческого уха.
- (32) *A man with a long history of racial discrimination, who traffics in dark conspiracy theories drawn from the pages of supermarket tabloids and the far / dark reaches of the internet / should never run our government or command our military.* — Развернутая метафора, в которой реализуется повтор лексемы ‘dark’.
- (33) *The last thing we need in the Situation Room is a loose cannon / who can't tell the difference / or doesn't care to / between fact and fiction / and who buys so easily into racially-tinged rumors.* — Выражение ‘a loose cannon’ обозначает человека, от которого всего можно ожидать, источник повышенной опасности по аналогии с пушкой, сорвавшейся с лафета.

Следующие примеры описывают Д. Трампа как человека, оторванного от реальности, вносящего смуту, жестокого и бесчеловечного:

- (34) *Someone so detached from reality should never be in charge of making decisions that are as real as they come.*

(35) *And don't be distracted by his latest attempts to muddy the waters.*

(36) *He would form a deportation force to round up millions of immigrants and kick them out of the country.*

Х. Клинтон подчеркивает близость взглядов Д. Трампа и В. Путина, открыто называя последнего «крестным отцом крайнего национализма»:

(37) *And the grand godfather of this global brand of extreme nationalism is Russian President Vladimir Putin.* — таким образом, экстраполируя оскорбление на Д. Трампа (*Trump himself heaps praise on Putin and embraces pro-Russian policies*).

В целом, Х. Клинтон стремится создать атмосферу страха и напряженности вокруг личности своего оппонента, посеять сомнения в его нормальности, способности принимать ответственные решения и руководить страной.

4.2. Дискурс реагирования

Деструктивность в дискурсе политиков тесно связана с дискурсом реагирования, т.е. с вербальной и/или невербальной реакцией адресата и третьих лиц (прессы, политологов, широкой аудитории и пр.) на дискурсивные проявления деструктивности. Напомним, что согласно С.Н. Плотниковой, под «дискурсом реагирования» понимается любой дискурс, произведенный в качестве реакции на дискурс политика (Плотникова, 2005).

Естественная спонтанная реакция на оскорбление — это ответное оскорбление, и этот принцип четко прослеживается в предвыборном «диалоге» Трамп — Клинтон. Так, в ответ на оскорбительное обвинение Д. Трампа “*Hillary Clinton is a bigot who sees people of color only as votes not as human beings worthy of a better future*” Х. Клинтон сначала отвечает достаточно корректно, используя прием сравнения: “*You don't build up coalition by insulting our friends or acting like a loose cannon*”. Однако в последующей речи в Рено Х. Клинтон уже не стесняется в выражении своего отрицательного отношения к Д. Трампу, используя «язык ненависти» (анализ речи приведен нами в предыдущем разделе). Ответной реакцией на оскорбительный выпад может быть также игнорирование деструктивных намерений адресанта и перевод их в иронично-юмористическое пространство. Так, например, Х. Клинтон объясняет, что единственная проблема с ее здоровьем — это аллергия на Д. Трампа:

(38) *Every time I think about Trump I get allergic.*

Реакция аудитории представлена как медиарезонансом, так и высказываниями граждан на форумах, комментариями в сети и т.п. Например, на уже упомянутое обвинение Д. Трампа ведущие СМИ отреагировали волной шока и возмущения. CNN опубликовала видео женщины в аудитории, интерпретировав ее выражение лица как возмущение словами Д. Трампа. На интернет-форумах представлены многочисленные реплики, как оправдывающие оскорбительные выпады Д. Трампа, так и порицающие их.

Несмотря на то, что анализ дискурса реагирования представляет собой тему отдельного исследования, он также может быть включен в анализ деструктивности в политическом дискурсе.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деструктивность в политическом дискурсе интенциональна и реализуется как специфическая стратегия говорящего. Оскорбительные реплики политиков — результат не спонтанного эмоционального всплеска, а тщательно продуманной стратегии понижения статуса оппонента, ухудшения его публичного имиджа.

В проанализированных публичных дебатах и предвыборных выступлениях политиков представлены все признаки деструктивного общения: ряд вербальных и невербальных ключей — показателей прямой и косвенной агрессии.

Сходные черты и средства выражения деструктивного поведения, демонстрируемые кандидатами на пост президента США, обусловлены общей стратегией агональности политического дискурса (борьбы за власть) и интенцией унижения и/или дискредитации политического соперника.

Поведение Д. Трампа характеризуется открытым стремлением к конфронтации, повышенной конфликтностью, высоким градусом экспрессивности и эмоциональности. Деструктивность реализуется при помощи использования речевых актов положительной самооценки, включая хвастовство, и резко отрицательной оценки оппонентов, включая прямые оскорбления, высмеивания, иронию, издевки и унижения.

Х. Клинтон реализует деструктивную интенцию дискредитации соперника при помощи непрямых приемов, переноса ассоциаций, метафор и высокой частотности эмоционально окрашенной лексики.

© Волкова Я.А., Панченко Н.Н., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арутюнова Н.Д. *Дискурс // Языкознание. Большой лингвистический словарь*. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. С. 136—137.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. *Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие*. М.: Флинта, Наука, 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://profilib.com/chtenie/130642/anatoliy-chudinov-zarubezhnaya-politicheskaya-lingvistika-11.php> (дата обращения: 15.08.2016).
- Волкова Я.А. *Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: монография*. Волгоград: Перемена, 2014. 324 с.
- Дейк Т.А. ван. *Принципы критического анализа дискурса / пер. с англ. // Перевод и лингвистика текста*. М.: ВЦП, 1994. С. 169—217.
- Добреньков В.И. *Психоаналитическая социология Эриха Фромма*. М.: Альфа-М, 2006. 448 с.
- Добросклонская Т.Г. *Массмедийный дискурс в современной системе дискурсивных практик // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы*. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. С. 106—108.
- Дубровская О.Н. *Сложные речевые события и речевые жанры // Жанры речи: сб. науч. ст.* Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999. С. 101—106.
- Земская Е.А. *Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи*. М.: Наука, 1988. С. 5—44.
- Иссерс О.С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Омск, 1999. 284 с.
- Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

- Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 544 с.
- Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
- Лысак И.В. Человек — разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999. 55 с.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
- Манаенко Г.Н. Мир текста и мир дискурса // Предложение и Слово: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. С. 325—331.
- Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: монография. Волгоград: Перемена, 2010. 395 с.
- Плотникова С.Н. Политик как конструктор дискурса реагирования // Под ред. В.Н. Базылева, В.Г. Красильниковой. *Политический дискурс в России 8: Святыне без житий: материалы постоянно действующего семинара*. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 22—26.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 447 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
- Якимович Е.В. Лингвоаксиологический анализ дискурса // Под ред. Н.А. Красавского. *Антропологическая лингвистика*. Волгоград: «Колледж», 2007. Вып. 7. С. 3—11.
- Buss, Arnold (1971). *Aggression Pays. The Control of Aggression and Violence*. NY, London. 18—35.
- Chilton, Paul A. (1994). *Politics and Language*. In R.E. Asher (Ed.), *The Encyclopedia of Language and Linguistics* (pp. 3214—3221). Oxford, New York: Pergamon Press.
- Dijk, van Teun A. (1972). *Some aspects of text grammars. A Study in theoretical poetics and linguistics*. The Hague: Mouton, 1972.
- Grice, Paul H. (1975). *Logic and Conversation*. In P. Cole and J.L. Morgan (Eds.), *Syntax and Semantics* (pp. 41—58). Vol. 3. New York: Academic Press.
- Hacker, Kenneth L. (1996). *Political Linguistic Discourse Analysis. The Theory and Practice of Political Communication Research*. 28—55. NY: State University of New York Press.
- Harris, Zellig S. (1952). *Discourse Analysis: A Sample Text. Language*. 474—494.
- Hymes, Dell (1977). *Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach*. London: Tavistock.
- Ilie, Cornelia (2004). *Insulting as (un)parliamentary practice in the British and Swedish parliaments: A rhetorical approach*. In P. Bayley (Ed.), *Cross-cultural Perspectives on Parliamentary Discourse* (pp. 45—86). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Ponton, Douglas M. (2010). *The Female Political Leader: a Study of Gender-identity in the Case of Margaret Thatcher. Journal of Language and Politics*, Vol. 9 (2), 195—218.
- Weiss, Gilbert, Wodak, Ruth (2003). *Introduction: Theory, Interdisciplinarity and Critical Discourse Analysis*. In G. Weiss and R. Wodak (Eds.), *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity* (pp. 1—32). Palgrave Macmillan Ltd.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 16 июня 2016

Дата принятия к печати: 21 сентября 2016

Для цитирования:

Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 161—178.

Сведения об авторах:

Волкова Яна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград, Россия. *Сфера научных интересов*: теория коммуникации, коммуникативные категории, деструктивное общение, дискурс-анализ, эмотивность в языке, лингвоэкология. *Контактная информация*: e-mail: yana.a.volkova@gmail.com

Панченко Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград, Россия. *Сфера научных интересов*: достоверность в коммуникации, коммуникативные категории, массмедийный дискурс, дискурс-анализ, коммуникативные типы, лингвоэкология, речевые жанры. *Контактная информация*: e-mail: panchnn@yandex.ru

УДК: 811.114.42

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-160-178

DESTRUCTIVENESS IN POLITICAL DISCOURSE

Yana Volkova, Nadezhda Panchenko

Volgograd State Social-Pedagogical University
27, Lenin Prospekt, Volgograd, Russia, 400066

Destructiveness is among the fundamental discourse categories that play a significant role in the organization of communicative interaction and define the pragmatics of discourse; its study helps to understand some mechanisms and principles of communication, identify strategies and tactics used by a destructive communicative personality. The relevance of this study is determined by the increasing aggressiveness in various types of discourse, and, accordingly, by the need to extend the knowledge of destructive behavior of a communicative personality. The study is based on the theory of discourse-analysis and theory of destructiveness (Z. Harris, T. van Dijk, A. Buss, E. Fromm, D. Ponton, K. Hacker, R. Wodak, N. Arutyunova, V. Karasik, M. Makarov, E. Sheigal et al). Developing the theory of destructiveness and relying on Erich Fromm's research (1973), we specify the concept of "destructiveness" in relation to the political discourse and compare it with the related concept of aggressiveness. The paper analyses the category of destructiveness in modern US political discourse, using excerpts from the speeches of the candidates for presidency of 2016. Particular attention is paid to the dominant destructive intention — to harm the reputation of the opponent and reduce his political chances, as well as to the functions of verbal aggression: on the one hand — to discredit the opponent, bring accusations, on the other hand — to poison the audience mind against him/her and arouse the feeling of danger posed by a political opponent. The analysis of verbal and nonverbal means of destructiveness in the US political discourse is carried out. The article concludes that abusive remarks of politicians do not result from spontaneous emotional outburst, but from an elaborated destructive strategy where the agonistic nature of political discourse stipulates the use of instrumental aggression (Buss, 1971) for the sake of the conquest of power, lowering the opponent's status, deteriorating his/her public image.

Key words: political discourse, destructiveness, aggression, destructive communication, discursive strategy, discursive category

REFERENCES

Arutyunova, N.D. (1998). *Diskurs* [Discourse]. *Yazykoznanie*. Bol'shoj lingvisticheskij slovar'. Moscow: Bol'shaya Ros. Ehntsikl, 136—137. (In Russian).

- Budaev, E.H.V., Chudinov, A.P. (2008). *Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika* [Foreign political linguistics]. Moscow: Flinta, Nauka. Retrieved from: <http://profilib.com/chtenie/130642/anatolij-chudinov-zarubezhnaya-politicheskaya-lingvistika-11.php> on 15.08.2016. (In Russian).
- Buss, Arnold (1971). Aggression Pays. *The Control of Aggression and Violence*. NY, London, 18—35.
- Chilton, Paul A. (1994). Politics and Language. In R.E. Asher (Ed.), *The Encyclopedia of Language and Linguistics* (pp. 3214—3221). Oxford, New York: Pergamon Press.
- Dijk, van Teun A. (1972). *Some aspects of text grammars. A Study in theoretical poetics and linguistics*. The Hague: Mouton, 1972.
- Dejk, T.A. van. (1994). Principles of critical discourse analysis. *Perevod i lingvistika teksta*. Moscow: VTSP. 169—217. (In Russian).
- Dobren'kov, V.I. (2006). *Psikhoanaliticheskaya sotsiologiya EHrikha Fromma* [Psychoanalytic sociology of Erich Fromm]. Moscow: Al'fa-M. (In Russian).
- Dobrosklonskaya, T.G. (2014). Massmedijnyj diskurs v sovremennoj sisteme diskursivnykh praktik [Mass media discourse in the modern system of discursive practices]. *Diskurs kak sotsial'naya deyatel'nost': priority i perspektivy*. Moscow: FGBOU VPO MGLU. S. 106—108. (In Russian).
- Dubrovskaya, O.N. (1999). Slozhnye rechevye sobytiya i rechevye zhanry [Complex speech event and speech genres]. *Speech genres*. Saratov: Izd-vo Gosudarstvennogo uchebno-nauchnogo tsentra «Kолledzh». 101—106. (In Russian).
- Fromm, E.H. (1994) *The Anatomy of Human Destructiveness*. Moscow: Respublika. (In Russian).
- Grice, Paul H. (1975). Logic and Conversation. In P. Cole and J.L. Morgan Eds.), *Syntax and Semantics* (pp. 41—58). Vol. 3. New York: Academic Press.
- Hacker, Kenneth L. (1996). Political Linguistic Discourse Analysis. *The Theory and Practice of Political Communication Research* (pp. 28—55). NY: State University of New York Press.
- Harris, Zellig S. (1952). Discourse Analysis: A Sample Text. *Language*. P. 474—494.
- Hymes, Dell (1977). *Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach*. London: Tavistok.
- Ilie, Cornelia (2004). Insulting as (un)parliamentary practice in the British and Swedish parliaments: A rhetorical approach. In P. Bayley (Ed.), *Cross-cultural Perspectives on Parliamentary Discourse*, 45—86. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Issers, O.S. (1999). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Omsk. (In Russian).
- Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoj krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concept, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002. (In Russian).
- Kunitsyna, V.N., Kazarinova, N.V., Pogol'sha, V.M. (2001). *Mezhlichnostnoe obshhenie* [Interpersonal communication]. St. Petersburg: Piter. (In Russian).
- Leontovich O.A. (2011) *Metody kommunikativnykh issledovanij* [Methods of communicative researches]. Moscow: Gnozis. (In Russian).
- Lysak, I.V. (1999). *CHelovek — razrushitel': destruktivnaya deyatel'nost' cheloveka kak sotsiokul'turnyj fenomen* [Man as a destroyer: destructive human activity as socio-cultural phenomenon]. Taganrog: Izd-vo TRTU. (In Russian).
- Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow: ITDGK «Gnozis». (In Russian).
- Manaenko, G.N. (2008). *Mir teksta i mir diskursa* [The world of text and the world of discourse]. *Predlozhenie i Slovo*. Saratov: Izdatel'skij tsentr «Nauka». 325—331. (In Russian).
- Panchenko, N.N. (2010) *Dostovernost' kak kommunikativnaya kategoriya* [Authenticity as communicative category]. Volgograd: Peremena. (In Russian).

- Plotnikova, S.N. (2005). Politik kak konstruktor diskursa reagirovaniya [Politician as a creator of response discourse]. *Politicheskij diskurs v Rossii 8: Svjatye bez zhitij* / pod red. V.N. Bazyleva, V.G. Krasil'nikovoj. Moscow: MAKS Press. 22—26. (In Russian).
- Ponton, Douglas M. (2010). The Female Political Leader: a Study of Gender-identity in the Case of Margaret Thatcher. *Journal of Language and Politics*, Vol. 9 (2), 195—218.
- Shejgal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
- Volkova, YA.A. (2014). *Destruktivnoe obshhenie v kognitivno-diskursivnom aspekte* [Destructive communication in cognitive and discursive aspects]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
- Weiss, Gilbert, Wodak, Ruth (2003). Introduction: Theory, Interdisciplinarity and Critical Discourse Analysis. In G. Weiss and R. Wodak (Eds), *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*, 1—32. Palgrave Macmillan Ltd.
- Yakimovich, E.V. (2007). Lingvoaksiologicheskij analiz diskursa [Linguistic analysis of discourse]. *Anthropological linguistics* / pod red. prof. N.A. Krasavskogo. Volgograd: «Kolledzh». Vyp. 7. 3—11. (In Russian).
- Zemskaya, E.A. (1988). Gorodskaya ustnaya rech' i zadachi ee izucheniya [Urban Russian language and aims of its study]. *Raznovidnosti gorodskoj ustnoj rechi*. Moscow: Nauka. 5—44. (In Russian).

Article history:

Received: 16 June 2016

Revised: 01 September

Accepted: 21 September 2016

For citation:

Yana Volkova, Nadezhda Panchenko (2016). Destructiveness in Political Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 161—178.

Bio Note:

Yana A. Volkova, Doctor of Philology, professor, Chair of Linguistics, Volgograd State Social-Pedagogical University, Volgograd, Russia. *Research Interests*: theory of communication, communicative categories, destructive communication, discourse analysis, emotiveness in language, linguoecology. *Contact Information*: e-mail: yana.a.volkova@gmail.com

Nadezhda N. Panchenko, Doctor of Philology, professor, Head of Chair of Linguistics, Volgograd State Social-Pedagogical University, Volgograd, Russia. *Research Interests*: authenticity of communication, communicative categories, discourse of mass media, discourse analysis, communicative types, linguoecology, speech genres. *Contact Information*: e-mail: panchnn@yandex.ru

УДК: 811.111.42

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-179-196

AMERICAN POLITICAL DISCOURSE: IRONY IN PRE-ELECTION CAMPAIGN 2016

Anna Gornostayeva

Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka str., 119034, Moscow, Russia

This article represents the analysis of American modern political discourse, mainly the field connected with the pre-election campaign 2016. It explores primary genres of political discourse (speeches, announcements, debates, party programmes), as well as secondary genres (commentaries, discussions, interpretation, political interviews). Owing to the fact that political communication embraces the whole range of informal political processes in society, the field of research includes the so-called informal political socializing. The aim of the paper is to study the use of irony and its functions in political discourse. The data used for the study were taken from candidates' speeches, interviews with political and public figures, and recent witty sayings/comments. The study is based on the theory of critical discourse analysis (M. Bilig 2007, Teun A. van Dijk 2009, N. Fairclough 1996, P. Graham 2007, J. Lemke 2007, S. Scollon 2007), political discourse analysis (A. Beard 2001, D. Ponton 2011 etc.) and theory of irony (L. Alba-Juez 2014, S. Attardo 2007, R. Giora 2001, 2003, L. Hutcheon 2005, B. Komlosi 2010 etc.). The analysis showed that irony is a frequent communicative strategy used by politicians in pre-election campaigns, it performs different functions, such as aggression, defense, entertainment and some others and plays a positive role in communication with the audience. When used expertly, irony contributes to making political discourse more expressive and convincing. An ironic politician is a better manipulator of public opinion than one unable to use irony.

Key words: irony, politician, political genres, functions, mechanisms, linguistic means

1. INTRODUCTION

As the time of the presidential elections, 2016 in the USA is approaching, candidates and their pre-election campaigns attract increasing attention. As usual, there are obvious leaders who are very likely to be successful and those who take part in the event to gain popularity, or out of pure interest or for some other reason. In the Democratic Party, the highest position has always been held by Hilary Clinton (with the only serious rival Joe Biden, but he refused to take part in the election). The Republican party has been represented by many well-known figures, among whom are Jeb Bush, Mitt Romney, Ben Carson and, as it turned out during the election campaign, the most interesting and influential candidate — Donald Trump. The final battle is between the two charismatic and most articulate persons — Clinton and Trump whose influence upon an audience is great.

The aim of this study is to state the role of irony in the speeches of the candidates and draw a conclusion whether it helps them to create a positive image and achieve their goals. The material analysed proves that the use of irony by the speaker and its interpretation by the recipient do not depend on ideology or membership of the Republican or Democratic party. It rather depends on individual characteristics, the

situation, and the cultural level. The candidates whose speeches are analyzed in this paper are the following:

Jeb Bush (uses irony quite sparingly);

Ben Carson (rare cases of irony, mainly to attack his opponent);

Bernie Sanders (occasional cases of irony);

The final contestants — Hilary Clinton (sticks to an official tone, practically no irony at all during the whole campaign, apart from Al Smith dinner) and Donald Trump (a really ironic speaker, bright examples of the use of irony). Mrs. Clinton is often criticized for not having a sense of humour and using ready-made jokes prepared by her speechwriters — as Donald Trump ironically remarks at Al Smith Memorial foundation dinner (October, 20, 2016):

I am sure Hilary is going to laugh quite a bit tonight, sometimes even at appropriate moments.

And:

You'll notice Hillary's not laughing. That's because she knows the jokes and all the jokes were given to her before the dinner by Donna Brazile¹.

Mrs. Clinton wisely admits to not being as amusing as her opponent:

I am not known for my sense of humour... people say I am boring compared to Donald...

And adds ironically, saving her face and stressing her own positive sides:

...but I am not boring at all! In fact I am the life of every party I attend... and I have been to three. And when the parties get out of hand it is important to have someone responsible to get everyone home safe.

The main genres of political discourse which are involved in the current US pre-election campaign are as follows: public speech, presidential debates, political interview and informal talk on political subjects which includes the exchange of opinions, parody, jokes about politics and politicians, discussions of political events in blogs (for example, the death of Margaret Thatcher caused the real battle between her fans and opponents in the Internet [Ponton 2011]). Thus, in this paper, I am going to analyze the speech of those running for presidency along with the comments of journalists and cultural figures which contain ironic comment. The material includes ironic remarks of political and cultural figures (current American president Barack Obama, former president Bill Clinton, senator Alan Greyson, actor Seth Meyers, actor Jimmy Fallon etc.), devoted to the candidates and their pre-election campaign.

2. IRONY AND HUMOUR IN POLITICAL DISCOURSE, NOW AND THEN

The role of humour and irony in political life as a means of attacking opponents was noted long ago and widely used by rhetors of ancient times (e.g. by Cicerone). A particular device known as Socratic irony (when one person pretends to be ignorant about an issue to lure the other person into explaining it) performs a defensive function and has been widely used in rhetoric up to the present day.

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=Q0ryocAv8Zw>.

Some decades ago, researchers defined political humour as “public property reworked and applied to new situations over and over again” [Schutz 1977: 25], with one of the main functions — discharging tension and relieving the situation: “For politicians: you can’t simply deny the matter... the obvious alternative is humour... craft a joke or two about the issue... the issue will shrink in importance” [Lewis 2006].

Researchers of modern American political humour stress the two-pronged attitude to it in society. On the one hand, humour is considered a source of pleasure, an antidote to stress. On the other hand, humour can produce different effects: it may convey trustworthy or false information, cause love or hatred, reveal a problem or disguise it [Lewis 2006]. The situation has resulted in deep confrontation between the elaborate integration of humour in American political discourse and the opposite process — using it more sparingly to observe political correctness.

Some linguistic cultures (e.g. British, Greek, Italian) are characterized by a long tradition of using irony in political debates as a way of manifesting the eloquence of skillful speakers. Modern political discourse uses irony as well as other stylistic devices to ensure an influence on the audience and maintain its interest. Political discourse, highlighting events and facts from an ironic point of view, presupposes the active role of the audience; it gives up conventional views, as scientists state [Beard 2001]. The addressee turns into an active interpreter, rather than a passive information consumer.

Ideally, every politician should be a speaker and a writer, defending a definite platform. His/her language activity creates a certain image which may be more or less convincing for the audience. Rhetoric skills, the ability of weighing up words and ideas, formulating the style of social life via the style of speech have always been the tasks of any politician. As many researchers of critical discourse analysis state [Bilig 2007, Fairclough 1996, Gouveia 2007, Graham 2007, Lemke 2007, Scollon 2007, van Dijk 2009], there is a direct established relationship between society and discourse and while “being influenced by policy at the same time a politician “does” such policy” [van Dijk 2009: 86].

Political speech of a high quality should strike the right balance between a serious side and entertainment which presupposes inserting ironic comment, humour, anecdotes, and references to funny situations. The skillful use of irony contributes to political discourse and makes it more vivid and convincing, whereas an ironic speaker masters the art of manipulating public opinion far better than one devoid of irony.

3. IRONY AS A LINGUISTIC PHENOMENON

Irony is a notion viewed and understood widely from different points of view. Leaving out interpretations of irony as a philosophical and ethical category, I concentrate on its definitions from the point of view of the language:

“Irony — language which expresses a meaning other than that literary conveyed by the words, usually for humorous or dramatic effect” [Cristal 1995: 170].

“Irony — the use of words to convey a meaning that is the opposite of its literal meaning: the irony of her reply, “How nice!” when I said I had to work all weekend”².

² <http://dictionary.reference.com/browse/irony>.

“Irony — the use of words that mean the opposite of what you really think in order to be funny; a situation that is strange or funny because things happen in a way that seems to be the opposite of what you expected”³.

“Irony: 1. a form of humour in which you use words to express the opposite of what the words really mean; 2. a strange, funny, or sad situation in which things happen in the opposite way to what you would expect”⁴.

“Irony — the expression of one’s meaning by using language that normally signifies the opposite, typically for humorous or emphatic effect; a state of affairs or an event that seems deliberately contrary to what one expects and is often amusing as a result”⁵.

It can be derived from the definitions that the key words in most of them are *opposite* and *contrary*. Consequently, literally irony is associated with something not true. Indeed, as irony is connected with violation of contextual coherence and cultural norms and does not correspond to addressee’s expectations [Attardo 2007], some scholars characterize it as insincerity and pretense.

This study regards irony from different angles — as an utterance, as a speech act, as a speech genre. All these notions are united by the sense they convey. An ironic utterance existing separately, without connection with the interlocutor’s reaction cannot be considered a speech act. It is a text, containing irony as a stylistic device. Ironic speech act (both successful and unsuccessful) exists only in discourse, as a result of the speaker’s and listener’s collaboration. It cannot be fully realized without understanding on behalf of the addressee. Irony as a speech genre is more complicated and functions in the framework of a situation, event, text. It uses certain mechanisms and corresponds to the author’s communicative intentions. Thus, the following definition of irony may be acceptable.

Irony is a speech genre which is based on language manipulation and presupposes the use of a word, expression or saying in a sense, different from its literal meaning. The function of irony corresponds to the communicative intention of the speaker; irony reflects people’s mentality and has ethnic and cultural peculiarities.

Irony is viewed from different positions: there are theories supporting the speaker’s position as well as those focusing on the listener which are based on a high degree of ironical speech creativity on the part of both participants — the addresser and the addressee [Hutcheon 2005]. Irony cannot realize its functions to the full if, owing to some reasons, the interlocutor fails to recognize and interpret it. So, irony is not always a ready-made tool — it is a form of cooperation between the addresser and the addressee. The interplay between speaker and listener should naturally be taken into account when analysing irony.

Much has been written about the negative modality of irony. Traditionally, this phenomenon is regarded as “inferred contradiction” [Alba-Huez 2014] with a disguised negative sense. However, irony can convey positive sense and is not necessarily connected with the meaning of the opposite. Linguists point out that irony is based not only on contradiction but also on hyperbole and litotes [Giora 2003]. There is a distinct connection between what is said and what is meant but these components are not identical

³ <http://www.thefreedictionary.com/irony>.

⁴ MacMillan English Dictionary for Advanced Learners.

⁵ Oxford dictionary.

and cannot replace each other. The pragmatic sense of the utterance should be clarified and amended by the context.

Sometimes, it is difficult to define whether irony is based on “contrary sense” because the word does not have it. B. Komlósi gives an example of non-existing contrary sense to the notion “white”:

What a beautiful white wedding dress she has! Context: Contrary to the traditions and expectations (i.e. the bride’s dress is white), the bride’s dress is pink.

This example does not correspond to the common idea that irony is based either on the contrary meaning or exaggeration or understatement. A dress cannot be whiter or less white; there is no colour opposed to white. This phrase conveys an ironic sense based on a connection between what is said (*What a beautiful white wedding dress she has*) and what is meant (*the wedding dress is pink, not white*). The meaning, contrary to *white* is undefined; it may acquire different forms: *white/not white*, *white/pink*, *white/black* [Komlosi 2010]. The point is that in reality the dress is not white as the words claimed it to be. Therefore, listeners, applying Grice’s truthfulness maxim, are forced to recognise this as ironic in order to account for the discrepancy between what their eyes tell them and what the speaker’s words mean.

Other researchers support this idea and state that the functions of irony are much wider and emotions conveyed by it are far richer than just a negative attitude: “When a speaker is being ironical, he is not always trying to convey the opposite of the proposition or the literal meaning of the utterance; nor is he always echoing some previous utterance; nor is he always pretending. The ironic speaker may be doing all, some or none of these things and still be ironic” [Alba-Huez 1995: 14].

The idea of the functions of irony being wider and more variable than just a negative attitude can be proved by numerous examples of discourse. There is irony which has the function of hyperbole or understatement, as well as irony as a function of correction, rather than negation:

- (1) *The storm brought us a little rain today.* (A camper describes nasty weather: irony as understatement.)
- (2) *The whale is not very thin.* (A girl describes her friends: irony as understatement.)
- (3) *I am extremely popular. I am the God.* (said by the guest star to the host of the show: self-irony as exaggeration.)
- (4) *I come from Bolton. Not from Michael Bolton.* (said by the guest star to the host of a show: irony as correction.)

Success or absence of success in using irony in speech communication depends a lot on the skills of the speaker, propriety and ethics, but in general, the use of irony makes a welcome contribution. When it is necessary to lower tension and optimize interpersonal relations, irony is a useful tool. It is often used to avoid negative estimation, to soften critics and to defuse strong emotions: “...the author avoids being directly critical... this is construed as a matter of appreciation rather than judgement. Here the use of irony enables one to be positive rather than negative” [Martin, White 2005: 221].

Ironic utterances may be intended as well as unintended. If the author did not try to convey an ironic message but the addressee found one, this utterance contains unintended irony. R. Giora remarks: “An utterance is considered an unintended irony in

case it is unintended literally but is perceived as ironic by overhearers. Intended ironies take longer to read than their unintended equivalents” [Giora 2003: 176] and gives an example of cheating at the exam as a context for an utterance which can be considered willingly or unwillingly ironic: “I would never be involved in any cheating”. These are the words of a good student whose notes were copied by his badly-prepared friend who eventually got a good mark. The phrase is considered ironic no matter whether the first student was aware of his friend’s cheating or not. Even if the phrase is devoid of irony, the addressee (who is well aware of the bad student’s cheating) perceives it as ironic. As irony is a product of collaboration between the speaker and the listener, in this case it is the addressee whose interpretation contributes to the ironic effect. In any case, taking into consideration the inability of the bad student to pass the exam, the remark of the good student sounds ironic.

4. FUNCTIONS AND MECHANISMS OF IRONY IN A POLITICAL CONTEXT

The skill of inserting witty sayings in a political dialogue is an integral part of a successful politician’s image. This analysis shows that ironic speakers are more efficient in influencing and manipulating an audience than those avoiding irony. Self-irony helps to prevent possible criticism or discourage opponents. Ironic statesmen know how to use this tool: “Politicians use jokes as a strategy aiming to embarrass their opponents in the eyes of other politicians. They joke to avoid discussions of pressing issues” [Fialkova, Yelenevskaya 2013: 218]. By contrast, those who stick to the official style are less popular. Obviously, to make an ironic speech popular, a lot of conditions should be fulfilled, such as the historical and cultural context, and the extralinguistic situation. The addressee should be aware of the present political and economic situation: “...in order to fully appreciate the meaning and significance of political humour one has to be familiar with the relevant political culture, the nature of disagreements and conflicts that are derided or condemned, and the goals of competing and struggling political forces” [Fialkova, Yelenevskaya 2013: 216].

Researchers single out a number of functions of irony, ranging from turning a dull political text into a vivid colourful one to self-expression of a political leader or political analyst. Irony and humour serve as an effective instrument during pre-election campaigns and as a channel to release tension and aggression: “When people need to relieve tension and pain, give vent to anger and reinforce the boundaries between in- and out-group members, they often resort to humour and ridicule” [Fialkova, Yelenevskaya 2013: 215—216]. It is possible to group all the enumerated functions of irony into three streams: attack, defence and entertainment.

As for the mechanisms of irony, the following ones can be singled out: paradox; breaking communicative expectations; ambiguity; an absurd conclusion; revealing the self-evident; denying the self-evident; a sudden change of style register et cetera. [Gornostaeva 2013: 172—190]).

5. ATTACK

Irony in its attacking function has a social character, and is directed to accentuating the faults of society and is similar to satire. It is meant to criticize and accuse.

Debates in American parliament often contain sharp criticism. For example, in a debate in the House on health care reform in 2009, senator Alan Grayson uses irony while accusing the Republicans of being unfair:

They understand that if Barack Obama were somehow able to cure hunger in the world the Republicans would blame him for overpopulation. They understand that if Barack Obama could somehow bring about world peace they would blame him for destroying the defense industry⁶.

The phrase contains ironic paradox — the deliberate construction of illogical sequence which suggests a hidden sense (in this case, the speaker's negative attitude to the Republicans).

Ironic attacks often contain ambiguity which can only be understood by those familiar with the extralinguistic situation:

In an interview with Diane Sawyer, Hillary Clinton said she would make her decision on running for president 'by the end of the year.' Specifically, the year 1998⁷.

This phrase of an American actor and host of a TV show has bitter irony, referring to the period when ex-president Bill Clinton's adultery became widely known. According to Seth Meyers, it is the desire to take revenge on her disloyal husband that dominates Hilary Clinton's pre-election campaign. He thinks it was in 1998 when she took the decision to outperform him in politics because of jealousy which has influenced her all these years.

The mechanism of absurd conclusion is used in candidate Ben Carson's speech to attack his opponent:

If Hilary is the candidate, which I doubt... That would be a dream come true. She is taking advantage of useful idiots⁸.

The combination of a positive idea *a dream come true* and a paradox *useful idiots* create an ironic effect. Mr. Carson proceeds his ironic attack, using an unusual tactics of giving advice on what to do to make things worse:

If I tried to destroy this country what I would do is trying to increase the national debt and step off the stage as a world leader and our enemies would increase while we decrease our capacities and that's what she is doing.

Criticizing an opponent becomes more effective if ironic ambiguity is involved. For example, speaking about Donald Trump, Hilary Clinton refers to his past involvement in estimating models at beauty contests:

People look at the Statue of Liberty and they see a proud symbol... a beacon of hope for people around the world. Donald looks at the Statue of Liberty and sees a four. Maybe a five if she loses the torch and tablet and changes her hair⁹.

⁶ 09.10.2009 <http://yquotes.com/quotes/alan-grayson>.

⁷ Seth Meyers, <http://politicalhumor.about.com/od/hillaryclinton/fl/Hillary-Clinton-Jokes.htm>.

⁸ YouTube. Dr. Ben Carson's Speech — 2016 First Republican Presidential Debate. 7.08.2015, Fox Channel.

⁹ <https://www.youtube.com/watch?v=Q0ryocAv8Zw>.

Indeed, Trump's track record with women is notorious and comparing the Statue of Liberty to one of his girlfriends is truly ironic. Later in the same speech, Mrs. Clinton again used ambiguous hints and referred Trump's concern for her health:

Donald really is as healthy as a horse. You know, the one Vladimir Putin rides around on.

Here, she implicitly accuses Trump of being too loyal to Russia, and at the same time, uses a defensive function of irony which helps to avoid questions about her own health.

6. DEFENCE

Irony as a means of defence is a very productive tool in political debates. Here is a dialogue between two Republican candidates running for presidency — Donald Trump and Jeb Bush:

- Interviewer. *Are you a puppet for your donors?*
Bush. *Absolutely not. The only guy who wanted me to change my views and gave me money is Donald Trump. He wanted casino gambling in Florida.*
Trump. *No. I promise — if I wanted it I would have got it.*
Bush. *You got Hilary Clinton to come to your wedding because you gave her money. Maybe you work for Hilary Clinton...*
Trump. *I am a businessman, I've got to get along with everybody.*
Bush. *But the fact is...*
Trump. *Excuse me... Jeb, for a second...*
Bush. *No!*
Trump. *More energy today, I like that*¹⁰.

While Jeb Bush conforms to an officially serious style, and accuses his opponent, Donald Trump feels at ease and discharges tension with the aid of irony (*if I wanted it I would have got it, More energy today, I like that*), which helps him sound superior and tolerant.

Sometimes, Trump's irony of defence turns into aggression, such as in the debate with Hilary Clinton:

- Clinton. *It is just awfully good that someone with the temperament of Donald Trump is not in charge of the law in our country.*
Trump. *Because you would be in jail*¹¹.

Mr. Trump uses ironic exaggeration, and speaks about imprisoning his opponent. It helps him to deny her accusations and turn the tables on her.

The strategy of defense is used by Jeb Bush at the end of his speech to avoid an awkward silence:

*I will be a Commander-in-Chief to get back in the business of creating a more peaceful world... Please clap!*¹²

¹⁰ YouTube. Donald Trump vs. Jeb Bush | Presidential Debate Highlights 16.09.2015.

¹¹ YouTube. Presidential Debate — DT: Bc you'd be in jail! — Hillary Clinton vs. Donald Trump 09.10.2016.

¹² YouTube. Jeb Bush: "Please Clap..." 3.02.2016.

Here, irony arises precisely from the disruption of a normal scheme: the audience applause follows their spontaneous approval of a performance. Asking for applause in its absence means not being successful, so the speaker tries irony in a defence function, and saves his face.

During political interviews, politicians are bombarded by tricky questions and often irony is the only way to react and save their face:

Interviewer. *When it comes to foreign policy you say there is a lot to learn. You admit that you have to study up. You said that The Baltic States are not a part of the NATO. You are unfamiliar with the major political parties in Israel and domestically you thought that Alan Greenspan had been a treasury secretary instead of Federal reserve chair. Aren't these basic mistakes? And don't they raise a legitimate question about whether you are ready to be a president?*

Ben Carson. *The most important thing is to have brain...*¹³

Here, the candidate uses the mechanism of revealing the obvious: it is evident that every person has a brain and there are many more other conditions to be fulfilled in order to become the head of state. Rather than denying accusations or justifying himself, he focuses on the positive side. Eventually, it helped him to avoid a direct answer.

Another important function of irony is relieving tension at dangerous moments when a heated debate is likely to turn into a fight. The skill to defuse arguments and stop confrontation with a joke is an important ability of a wise leader. Press conferences can be especially thrilling for the ready-made remarks and questions of journalists, and may catch a politician off his guard. Irony, used at the right time and on purpose, contributes to the positive image of the speaker. Sometimes, irony is not only desirable, but necessary, like in the case of Bill Clinton's remark about his wife:

*She's having a little fun being a private citizen. Not Bill Clinton fun, but fun nonetheless*¹⁴.

Everybody understands the hidden sense in former president's words and what "fun" he refers to, and it seems the only way to preserve dignity — to speak openly about some unpleasant events.

This strategy is used by Donald Trump at Al Smith dinner (October, 20, 2016), when he deliberately raises an unpleasant issue and makes fun of it:

*The press this year is more biased than ever. You want an example? Michelle Obama gives a speech and everyone loves it, it's fantastic. They think she's absolutely great. My wife, Melania, gives the same exact speech and people get on her case and I don't get it!*¹⁵

This ironic response to allegations of plagiarism levelled at his wife's Convention speech should stop all criticism for ever.

The current US president Barack Obama employs the same strategy. Here is his self-irony in response to accusations from the Republicans:

*I've been called worse on the basketball court*¹⁶.

¹³ YouTube. Dr. Ben Carson's Speech — 2016 First Republican Presidential Debate. 7.08.2015 Fox News Channel.

¹⁴ <http://politicalhumor.about.com/od/hillaryclinton/fl/Hillary-Clinton-Jokes.htm>.

¹⁵ <https://www.youtube.com/watch?v=Q0ryocAv8Zw>.

And a phrase prepared in advance for the speech in Westminster abbey:

*In this hall people who spoke were the Pope, her Majesty the Queen, Nelson Mandela, and now me... which is either a very high bar or the beginning of a very funny job*¹⁷.

Comparing himself to other famous people, Obama deliberately diminishes his role, using irony in a preventive function.

Politicians are ironic about themselves in pre-election speeches, speaking about personal traits, appearance or, for example, age:

*When I was a little boy my father used to love coming here. It's a long time ago... I won't say how many years because I love to think I am a young man*¹⁸.

In the same speech, Trump uses ironic exaggeration to stress his popularity among women:

Nobody could be better or do better for women than Donald Trump. I'd rather do well with women than with men. With men I am doing great — I am just killing everybody. With women... they are not so terrible but they could do better.

The mechanism of irony violates communicative expectations: instead of stressing such traits as generosity, a concern about the electorate, Trump shocks the public with uncommon announcements in a political context: *I am just killing everybody, women are not so terrible*. It makes his speech informal and narrows the distance between the speaker and the audience.

7. ENTERTAINMENT

Entertainment is one of the main functions of irony in modern political discourse. Linguists even suggest the new term — “infotainment” which means “information + entertainment” [Fialkova, Yelenevskaya 2013], becoming more and more popular today when the public craves for fun and sensation rather than political news. One of the ways to create “infotainment” is irony.

The coming presidential election poses a vast field for irony, sarcasm, and witty remarks. Journalists and observers never miss a chance to exploit the topic:

Hillary Clinton is now in Iowa. She's spending every waking minute of her day meeting ordinary people, and it's to prepare her for a job in which she will never again meet an ordinary person (David Letterman).

Bill Clinton was being interviewed recently, and he said that despite all the speculation, Hillary hasn't said anything to him about running for president in 2016. Though in fairness, she hasn't said anything to him since 1998 (Jimmy Fallon).

Republicans are already trying to paint Hillary Clinton as too old to be president. In fact, a new ad claims she's so old that she could be a Republican (Conan O'Brien).

This week in New Orleans, Hillary Clinton said she still doesn't know if she's running for president in 2016. Isn't that unbelievable? With 315 million Americans, what

¹⁶ http://www.allgreatquotes.com/barack_obama_funny_quotes.shtm.

¹⁷ YouTube. President Obama Addresses the British Parliament, 25.05.11.

¹⁸ YouTube. Presidential Election 2016: Donald Trump in Miami FULL Speech HD 3.02.2016.

are the odds she's the only one in the country who doesn't know she's running for president in 2016? (Jay Leno)¹⁹.

Jeb Bush may run for President. Bush Presidencies are like 'Caddyshack' movies. They should have stopped with one (David Letterman).

Jeb announced on the Internet that he is exploring a 2016 bid for president. And to increase his chances, he's going to run as just 'Jeb.' He said, 'My last name? It's not important (Seth Meyers)²⁰.

Such informal talks about political events are popular with an audience and play a big role in either supporting a candidate's image or ruining it. Irony in these phrases is mostly based upon ambiguity, and is clear for those who are aware of the circumstances. The addressee is supposed to know certain facts about the Bushes and the Clintons. Other candidates are less often the laughing stock. The general trend is: the more popular the statesman, *the bitterer* the irony. Still, there are some witty sayings about less successful candidates (they are often mentioned in opposition to Hilary Clinton):

Mitt Romney we think is going to run again. He says he has no plans to run, but he said if he did run, this time things would turn out differently. Yes they would. This time he would get his ass kicked by a woman (Bill Marr).

Joe Biden said that Hillary Clinton's decision to run for president won't affect his decision to launch a campaign. While Hillary says Biden's decision to run for president won't affect her becoming president (Jimmy Fallon).

A New York Times poll says that eight out of ten Democrats want Hillary Clinton to run for president in 2016. The same poll also shows that ten out of ten Democrats want Chris Christie to run against her (Seth Meyers).

Joe Biden said this week that he still dreams of being president. To which Hillary said, 'Keep dreaming' (Jay Leno)²¹.

It is clearly seen that Mrs. Clinton as the leader is an object of irony, while her rivals are far less interesting for journalists' and analysts' bitter remarks. It is unlikely to be her platform or ideology that attracts so much attention; rather it seems to be her character, her lack of humour, and some facts from personal life.

Clinton's main opponent, Mr. Trump, is known to laugh at himself (and at the whole race for presidency), and probably this feature spares him bitter remarks from others. Here are some of his phrases after the heated debates are over:

I'm a modest person, in fact, many people tell me that modesty is perhaps my best quality. Even better than my temperament.

We can be civil to each other. Hillary accidentally bumped into me and she very civilly said, 'Pardon me', and I very politely replied, 'Let me talk to you about that after I get into office'.

¹⁹ <http://politicalhumor.about.com/od/hillaryclinton/fl/Hillary-Clinton-Jokes.htm>.

²⁰ <http://politicalhumor.about.com/od/2016-Election/fl/2016-Election-Jokes.htm>.

²¹ <http://politicalhumor.about.com/od/2016-Election/fl/2016-Election-Jokes.htm>.

*If by any chance she gets elected she wants me to be either her ambassador to Iraq or Afghanistan. It's my choice*²².

Trump's self-irony, his readiness to make a witty remark defend him from a lot of criticism and make him a charismatic political figure.

8. MEANS OF EXPRESSING IRONY

Irony poses great challenges for creativity and variety — including the ways of expressing it. Ironic utterances are based on metaphors, hyperbole, litotes, comparison, quotation, and word play et cetera. This paper concentrates on language means only, and disregards non-verbal ways (widely practiced by the so-called “third American party” — Libertarians)²³.

Metaphors are one of the favourite ways of expressing irony. The most interesting ones are newly composed words based on well-known expressions. For example, Barack Obama speaks about the attitude of his opponents to himself:

*My campaign is criticized because I talk about hope too much: “he is so naïve... he is idealist. His head is in the clouds, he is a hopemonger... he is peddling false hopes”*²⁴.

The new word hopemonger (antonym to warmonger) stuck to the current president in 2007. Obama deliberately stresses his nickname with a great deal of self-irony.

Some ironic metaphors can sound quite offensive:

*Mitt Romney said he is considering a third presidential bid. Romney said he got the idea from watching his dog repeatedly run into an electric fence (Seth Meyers)*²⁵.

A similarity between a candidate for presidency and a stupid animal is not pleasant. The same is true about the following remark characterising Joe Biden and made by president Obama:

*He is warm, he is cuddly, loyal, enthusiastic; you just have to keep him on a tight leash — every once in a while he goes charging off and gets himself into trouble. Enough about Joe Biden*²⁶.

Despite positive attributes, the general attitude is indulgent and superior which is emphasised by the metaphor to keep on a tight leash, which is associated with dogs. The irony seems to derive from the application of animal characteristics to something that is not an animal.

²² <https://www.youtube.com/watch?v=Q0ryocAv8Zw>.

²³ The Libertarians use funny and tricky ways of capturing attention of the audience, like the strip-tease performed by James Weeds at Libertarian Party Convention, Orlando, 30th of May 2016. Wearing boots on their heads, transparent raincoats with no underwear, dressing like Batman, Superhero or Harry Potter are also ways of expressing their own position and ironic attitude to politics in general used by some party members.

²⁴ YouTube. Barack Obama Best speech ever, 19.09.13.

²⁵ <http://politicalhumor.about.com/od/2016-Election/fl/2016-Election-Jokes.htm>.

²⁶ President Barack Obama, at the 2009 White House Correspondents' Dinner.

Another metaphor refers to the strong character of Hilary Clinton:

Scandals don't weaken Hillary Clinton, they only make her stronger. Hillary Clinton eats scandals for breakfast (Bill Maher)²⁷.

Hyperbole is another productive way of expressing irony. To stress the role of his party in the political arena, the Libertarian leader Gary Johnson uses exaggeration and ironic paradox:

I think the majority of people in this country are libertarians, but they don't know about it²⁸.

Donald Trump ironically exaggerates the role of money in pre-election campaign:

When you are going to be Number 1 everybody is willing to give you money. It's incredible!²⁹

Hilary Clinton, speaking about her husband and the advantages of the Democrats, uses quotation:

When my husband was asked: "What did you uniquely bring to Washington?" — he answered: "Arithmetic"³⁰.

In this phrase irony functions as a violation of communicative expectations — instead of naming something significant, great and pompous, the answer is simple and unambitious.

Ironic comparisons create vivid images which stick in people's minds:

Being president is like running a cemetery: you've got a lot of people under you and nobody's listening (Bill Clinton)³¹.

Or:

Some of the candidates... they didn't know the air conditioning didn't work. They sweated like dogs... how are they going to be nicest?³²

Mr. Trump's speech is full of bright comparisons. For example, he speaks about restoring Miami Hall and draws parallel to reviving the country:

About reconstruction:

This room new... We have five ball rooms We have 700 rooms we have golf courses... A man came up to me and said: Mr. Trump it is a tremendous place... it is a really successful place! If you could do the same for the US that would be unbelievable! And you know: doing it for the US might be easier to do than doing this job here³³.

Here, Mr. Trump may be quite serious and non-ironic, but listeners can perceive his words as full of irony, as common sense says that the whole country is certainly bigger and harder to reconstruct than one building.

²⁷ <http://politicalhumor.about.com/od/hillaryclinton/fl/Hillary-Clinton-Jokes.htm>.

²⁸ YouTube 01.06.2016. The party crashes: meet the Libertarians.

²⁹ YouTube 3.02.2016 Presidential Election 2016: Donald Trump in Miami FULL Speech HD.

³⁰ 22.12.15 <http://hillaryspeeches.com>.

³¹ <http://quotes.lifehack.org/quote>.

³² YouTube. Donald Trump Presidential Announcement Full Speech 6.16.15.

³³ YouTube. Donald Trump Presidential Announcement Full Speech 6.16.15.

Finally, word play is a very efficient tool of irony. Here are some examples. Introducing her father to the audience, Ivanka Trump says:

*My father is the opposite of politically correct: he says what he means and he means what he says*³⁴.

Ironic paradox here is built on parallel constructions and the new positive sense of “*the opposite of politically correct*”. The intended meaning is to describe Trump as a sincere, straightforward person, not a hypocrite. Ms. Trump continues:

When it comes to building bridges, he can do so figuratively but also has the rare ability to do so literally on time and under budget.

The set expression to build bridges is used in one sentence in both meanings — literal and figurative.

The same strategy is applied by Bernie Sanders, expressing the desire to beat Donald Trump — figuratively, of course, during the presidential race. However, the literal meaning of the verb is still present in his ironical tone:

— *Do you focus on beating Donald Trump or Hilary Clinton?*
— *I am looking forward to beating Donald Trump. I will enjoy this race. And with secretary Clinton... I think we will do it as well*³⁵.

Irony here arises from the extra linguistic situation (Mr. Sanders would eagerly give Mr. Trump a good beating if he could). Saying that he is *looking forward to beating Donald Trump*, he means both senses of the verb to beat, so irony is based on word play.

9. DISCUSSION

As can be seen from the examples above, modern political discourse is full of ironic remarks. Irony in the US pre-election campaign is used by those running for presidency in formal and informal speeches as well as those who afterwards comment on the situation. Irony plays an essential part in debates in order to belittle opponents and seem superior, to persuade the audience, to save your face in an awkward situation, and to avoid answering tricky questions. At the same time, irony helps to hold the attention of an audience, to accentuate important points, and to contribute to the positive image of the speaker. Thus, all these three functions — attack, defence and entertainment — cooperate to achieve the ultimate goal of political discourse — to gain power.

It has been noticed that those political figures who lack a sense of humour and take themselves too seriously invite a lot of jokes and bitter remarks from observers of the political scene. By contrast, fun-loving politicians, who master irony and self-irony receive fewer negative reviews and are rarely made fun of. Ironic utterances are a way to prevent criticism, to bring an undesirable issue to a quick end, or switch to a new topic.

Different mechanisms of irony are often combined to produce the necessary effect. In the examples above, the most effective ones are paradox, ambiguity, absurd conclu-

³⁴ YouTube. Donald Trump Presidential Announcement Full Speech 6.16.15.

³⁵ YouTube. 9.12.15. Bernie Sanders Looks Forward to Beating Donald Trump.

sion, and revealing the self-evident. The boundaries between the mechanisms are not always distinct: in combination, they serve the same aim. Speakers use irony in the form of metaphors, ironic comparisons, hyperbole, and word play et cetera. All these means serve to make a speech bright, memorable and appealing to an audience.

10. CONCLUSIONS

1. Political discourse is a form of communication which presupposes an active role of the audience, and turns the addressee into a concerned interpreter. Given the current trend of combining information with fun, modern political speech of high quality should strike the right balance between a serious side and entertainment. The attitude to irony and humour in modern American political discourse is different, but practice shows that skillfully used irony contributes to the effect of a speech, helps to achieve a communicative function and increases the speaker's influence on an audience.

2. A skillful speaker strikes the right balance between a serious message and fun. Ironic comments help to relieve tension, attract attention to certain points and, ultimately, contribute to the positive image of a politician. Public attitude shows that ironic speakers are more popular and more successful than those who only maintain an official style. Thus, irony is an important and integral part of modern political discourse.

3. The material analysed shows that irony is used by all candidates in the presidential race (at different frequency and in various functions). Even those who tend to stick to the official style and be reserved in their speech (e.g. Hilary Clinton) use irony in order to draw attention to certain facts, and to entertain an audience. Bernie Sanders disguises (and at the same time, accentuates) his negative attitude to the opponents by means of irony. This device helps Ben Carson to attack opponents, save his own face and avoid unwelcome questions, Jeb Bush — uses the same to fill in awkward silence at the end of his speech. The candidate who applies irony most often is Donald Trump and, therefore, may be defined as an ironic speaker since irony is an inherent trait in his style of speech. This politician employs ironic comments to his opponents in order to criticize and, in the long run, outperform them; he also uses self-irony to prevent attacks or ease tension. In reality, most of his ironic phrases are a part of his show, and are meant to amuse and please his audience.

It is still a debatable question whether irony helps to win an election campaign, but it certainly contributes to the image of the speaker and influences an audience.

It may be noted that ironic remarks as comments on election campaign are mostly about Mrs. Clinton, and include hints on her family situation and her past (made by Bill Marr, Jay Leno, Seth Meyers etc). Jeb Bush, being a member of a famous family, also attracts many ironic remarks by such show-men such as David Letterman, Jay Leno et cetera. Other candidates deserved less attention from observers.

© Anna Gornostayeva, 2016

REFERENCES

- Alba-Juez L. (1995) *Irony and the other off record strategies within politeness theory*. *Miscelanea* 16, 13—23.

- Alba-Juez L. (2014) Irony as inferred contradiction // *Russian Journal of Linguistics* 4, 139—152.
- Attardo S. (2007) Irony as a Relevant Inappropriateness // *Irony in Language and Thought*. A Cognitive Science Reader. Ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs. New York, London: Lawrence Erlbaum Associates, 135—172.
- Beard A. (2001) *The language of politics*. Taylor & Francis e-Library.
- Billig M. (2007) Critical Discourse Analysis and the Rhetoric of Critique // *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*. Palgrave Macmillan, 35—47.
- Crystal D. (1995) *The Cambridge Encyclopedia of the English Language* / D. Crystal. Cambridge: CUP.
- Fairclough N. (1996) *Language and power*. Longman.
- Fialkova L., Yelenevskaya M. (2013) *In Search of the Self: Reconciling the Past and the present in Immigrants' Experience*. Tartu ELM Scholarly Press.
- Gornostaeva A.A. (2013) *Irony as a component of the English communication style*. [Ironia kak component angliiskogo stilya kommunikatsii]. Moscow, Maska. 240 p. [in Russian].
- Giora R. (2001) *Irony and its discontent* // Utrecht publications in general and comparative literature. Vol. 35. John Benjamins publishing company. Amsterdam, Philadelphia, 165—185.
- Giora R. (2003) *On our mind: Salience, context, and figurative language*. New York: Oxford University Press.
- Graham P. (2007) Critical Discourse Analysis and Evaluative Meaning: Interdisciplinarity as a Critical Turn // *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*. Palgrave Macmillan, 110—130.
- Gouveia Carlos A.M. (2007) *Critical Discourse Analysis and the Development of the New Science* // *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*. Palgrave. Macmillan, 47—63.
- Hutcheon L. (2005) *Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony* / L. Hutcheon. New York: Routledge.
- Komlósi B. (2010) *Irony in the semantics-pragmatics interface: A reconstructional model*. November 11. [http://www.eotvos.u-szeged.hu/~vozparag/komlosi_irony.pdf].
- Lemke J. (2007) *Texts and Discourses in the Technologies of Social Organization* // *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*. Palgrave Macmillan, 130—150.
- Lewis P. (2006) *Cracking up: American humour in a time of conflict*. The University of Chicago Press.
- Martin J.R., White P.R.R. (2005) *The Language of Evaluation. Appraisal in English*. Palgrave Macmillan New York, N.Y. 278 p.
- Ponton D.M. (2011) *For Arguments' sake: speaker evaluation in modern political discourse*. Cambridge Scholars Publishing. 110 p.
- Schutz C.E. (1977) *Political humour from Aristophanes to San Ervin*. Associated University presses, London 1977.
- [https://books.google.com.tr/books?id=Q7i40PY6AzgC&printsec=frontcover&hl=tr&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false].
- Scollon S. (2007) Political and Somatic Alignment: Habitus, Ideology and Social Practice // *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*. Palgrave Macmillan, 167—199.
- Van Dijk Teun A. (2009) *Society and discourse: how social contexts influence text and talk*. Cambridge University Press, 2009. 299 p.

Article history:

Received: 20 October 2016

Revised: 21 November 2016

Accepted: 29 November 2016

For citation:

Gornostayeva, A. (2016). American Political Discourse: Irony in Pre-Election Campaign 2016. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 179—196.

Bio Note:

Anna Gornostayeva, PhD, Associate Professor of The General Translation Department, Faculty of Intercultural Communication at Moscow State Linguistic University. *Research Interests:* discourse analysis, political discourse, intercultural communication, pragmatics, translation and interpreting. *Contact information:* e-mail: anngornostaeva@yandex.ru

УДК: 811.111.42

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-179-196

АМЕРИКАНСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ИРОНИЯ В ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ 2016 г.

А.А. Горностаева

Московский государственный лингвистический университет
119034 Россия, ул. Остоженка, д. 38

Статья представляет собой анализ современного политического дискурса США, а именно той области, которая связана с предвыборной кампанией кандидатов в президенты на выборах 2016 г. Рассмотрены как первичные речевые жанры (речи, заявления, дебаты, партийные программы), так и вторичные (комментирование, обсуждение, интерпретация, политические интервью). Поскольку политическая коммуникация подразумевает весь диапазон неформальных политических процессов в обществе, в сферу исследования вошло так называемое неформальное политическое общение. Цель статьи — показать роль иронии в американском политическом дискурсе и выделить ее функции. Приводится подробный анализ механизмов и языковых средств выражения иронии. В качестве анализируемого материала использовались отрывки из предвыборных речей кандидатов на пост президента, интервью с политическими и общественными деятелями США, а также современные афоризмы известных лиц. Методологической основой статьи послужили работы по критическому анализу дискурса (M. Bilig 2007, Teun A. van Dijk 2009, N. Fairclough 1996, P. Graham 2007, J. Lemke 2007, S. Scollon 2007), анализу политического дискурса (A. Beard 2001, D. Ponton 2011 и др.), работы, представляющие различные подходы к осмыслению иронии (L. Alba-Juez 2014, S. Attardo 2007, R. Giora 2001, 2003, L. Hutcheon 2005, V. Komlosi 2010, и т.д.). Статья содержит выводы о том, что ирония является одной из наиболее распространенных стратегий, используемых в предвыборных выступлениях кандидатов, она выполняет разные функции, среди которых нападение, защита, развлечение и др., она может играть положительную роль во взаимодействии с аудиторией — умело использованная ирония делает политический дискурс более ярким, экспрессивным и убедительным, а ироничный политик владеет искусством манипулирования общественным мнением лучше, чем оратор, обходящийся без иронии.

Ключевые слова: ирония, политик, политический жанр, функции, механизмы, языковые средства

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 октября 2016

Дата принятия к печати: 29 ноября 2016

Для цитирования:

Gornostayeva A. American Political Discourse: Irony in Pre-Election Campaign 2016 // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 4. С. 179—196.

Сведения об авторах:

Горностаева Анна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего переводоведения, факультет межкультурной коммуникации, Московский государственный лингвистический университет. *Сфера научных интересов*: анализ дискурса, политический дискурс, прагматика, межкультурная коммуникация, перевод и переводоведение. *Контактная информация*: e-mail: anngornostaeva@yandex.ru

ХРОНИКА CHRONICLE

РЕЦЕНЗИИ **BOOK REVIEWS**

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-197-201

**ДИСКУРСИВНЫЕ ЭМОЦИИ:
КООПЕРАЦИЯ И ДИССОНАНС. Шаховский В.И. Диссонанс
экологичности в коммуникативном круге:
человек, язык, эмоции (монография). — Волгоград:
Изд-во «ИП Поликарпов И.Л.», 2016. — 504 с.**

Вышло в свет уникальное издание — монография профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета В.И. Шаховского «Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции».

Кажется, что проблемы, поднимаемые в книге, лежат на поверхности и знакомы каждому из нас: без эмоций немислима жизнь человека; в разных ситуациях эмоции могут помогать или мешать взаимопониманию; словом можно убить и возродить; эмоции передаются словами, но это не всегда искренний отчет о внутреннем состоянии; любой язык располагает многими вариантами для передачи наших чувств; следует учиться в коммуникативных ситуациях управлять своими эмоциями и считывать чужие психологические состояния; классическая литература учит наилучшим образом вербализации наших чувств и т.д.

Можно с уверенностью сказать, что названные темы стали настолько привычными в том числе благодаря многолетней научной и просветительской работе профессора В.И. Шаховского, его книгам, выдержавшим многие переиздания: «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» (1987), «Лингвокультурология эмоций» (2004); «Лингвистическая теория эмоций» (2008), «Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология» (2010), «Голос эмоций в языковом круге *homo sentriens*» (2012), «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве» (2013), а также публикациям в изданиях «Мир русского слова», «Русистика», «Стратегия России» и др., востребованных

не только учеными, но всеми, кто имеет дело с эмотивным словом, заботится о судьбе национального языка, определяет пути российской политики. Так осваиваемая читателями информация постепенно «овладевает массами» и становится знанием.

Однако суть большого ученого состоит в том, чтобы видеть то, что видели все, но думать так, как не думал никто. И новое издание — прямое подтверждение этому: новый материал — современные дискурсы и новые коммуникативные ситуации, опосредованные эмоциями; новые задачи — «демонстрация модуса экологичности коммуникации всех видов, коррелирующих с психоэмоциональными факторами, конкретными эмоциогенными ситуациями, в которые попадает эмоциональная языковая личность и общество в целом» (с. 2); новая методология — лингвоэкологический взгляд на проблемы коопертивного и диссонирующего коммуникативного поведения эмоциональной языковой личности; новая читательская аудитория тех, кому адресована книга — лингвисты, журналисты, чиновники всех ветвей госслужбы, педагоги.

Достаточно объемный труд (504 с.) включает в себя предисловие автора, шесть частей «От лингвистики эмоций к эмотивной лингвоэкологии», «Эмоции как психолингвистическая основа эмотивной лингвоэкологии», «Общие вопросы эмотивной лингвоэкологии», «Медийная лингвоэкология», «Экология негативного общения», «Экология позитивного общения», состоящих из нескольких глав и параграфов, послесловие автора, максимально полный список литературы, четыре приложения по проблеме экологии эмоций.

Однако книга осваивается без преувеличения «на одном дыхании»: читатель не ощущает тяжеловесности или множественности рассматриваемых вопросов, так как монография написана доступным языком, с использованием вербальных иллюстраций, современного языкового материала, классических цитат, притч, авторских пояснений, анализа конкретных речевых ситуаций, с упоминанием реалий и имен нашего времени. Создается ощущение, что автор помогает разобраться в сложностях дискурсивных эмоциональных ситуаций каждому читателю в отдельности, при этом обобщая и научно обосновывая коммуникативный опыт современников.

За видимой стилистической легкостью, однако, стоят сложные теоретические проблемы лингвистики, одни из которых уже обсуждаются научной общественностью, другие совсем новые и неосвоенные. Ограниченный объем рецензии не позволяет передать все богатство проблематики и дорогих автору идей, представленных в книге. Остановимся на фундаментальных положениях его дискурсивной концепции.

Известно, что эмотивная лингвоэкология — новая отрасль языкознания, выросшая из лингвистики эмоций и ставшая актуальным направлением исследования их дискурсивных метаморфоз и практической ценности для общения. Подробно этот вопрос автор обсуждает с читателем в предисловии, второе название которого «Эмоциональная лингвопластика человеческого общения».

В первых частях книги автор поясняет истоки эмотивной лингвоэкологии исходя из фундаментальных свойств вербализованных эмоций и витальной значи-

мости для человека экологичности дискурсивного его поведения (см., например, раздел 2.2. Части 2: «*Роль эмоционального интеллекта в адаптивном общении (тьюнинг на позитив)*»). Эмотивное слово в работе рассматривается не только как элемент языка, но и как речевое действие, основа дискурсивной активности говорящих (см. например, раздел 1: «*Магическая власть слова как проблема эмотивной лингвоэкологии*» в главе «*Унизительная прагматика эмотивного слова*» Части 3).

Кульминацией рассуждений автора, по нашему мнению, является рассмотрение особенностей медийной коммуникации и реализации в ней фундаментальных принципов кооперативности и диссонанса эмоций, передаваемых словом (Часть 4. «*Медийная лингвоэкология*»). Именно в данном разделе В.И. Шаховский на примере коммуникации в медийном дискурсе демонстрирует креативность эмотивного общения и эмоциогенных текстов: здесь происходят изменения в привычной эмотемности языка, рождаются креатемы как индикатор бесконечных потенций языкового развития, развиваются манипулятивные возможности эмоционального слова (см. раздел «*Психоэмоциональная энергетика «детской кнопки» в предвыборной манипулятивной коммуникации*»).

Особенностям негативного и позитивного эмоционального общения посвящены части 5—6 монографии. Основной тезис автора состоит в следующем: «Огромное количество публикаций различных разделов современной науки (...) свидетельствует о всевозрастающей эмоционализации глобального коммуникативного пространства, об интенсификации социальной, этнической, конфессиональной напряженности, переходящей в активную агрессию»; «Эмоции действительно бросили серьезный вызов и homo sapiens и его языку и фактически трансформировали homo sapiens в homo sentiens. Отсюда — доминирующее несдерживание эмоций во всех сферах человеческого общения, вплоть до деловой и даже дипломатической» (с. 241). В связи с этим ставится вопрос о тензиональности (напряженности) и пассионарности (терпимости) в общении; о необходимости разграничения явлений оскорбления и аффектива (на примере использования мата); важности составления правового словаря аффективной (инвективной) лексики, фразеологии и выражений с когнитивно-дискурсивными дефинициями, «которого пока еще нет даже в проекте» (с. 245); об экологичности/неэкологичности толерантности как преодоления и невыражения своего несогласия с коммуникативным партнером (с. 245); о необходимости разработки специальной методики снижения тензиональности в общении всех уровней: индивидуального, группового и институционального; об эмоциональной природе конфликта, ведущего «к порче самочувствия, к обидам, оскорблениям и прочим неэкологичным переживаниям, ухудшающим качество жизни и самого языка» (с. 251); о степени доверия эмоциональному слову: «Реального мира в языковой репрезентации не существует. И это надо признать раз и навсегда, как методологическое положение лингвистической науки и человековедения в целом» (с. 257); о толерантности и ее соотношении с феноменом смешанных эмоций, который требует специального внимания лингвистов-экологов (с. 275).

Содержание монографии демонстрирует, что в медийном дискурсе отражается коммуникативное поведение носителей языка в иных сферах: см. фреймы политического, экономического, религиозного (РПЦ), медицинского, спортивного, художественного дискурсов, дискурса образования и науки, интернет-дискурса, гей-дискурса, дискурса отдельных политиков (см. дискурс В.В. Жириновского).

Как показывает автор, социальные эмоции болезненно и остро проявляются в современном международном общении и информационных войнах (см. события в Украине, Сирии, Турции, во Франции и Германии и др.). Именно незкологичные эмоции, по мнению автора, лежат в основе порождаемых сегодня образов внутреннего и внешнего врага, стимулируют атмосферу недоверия и подозрительности, которая поддерживается широчайшими возможностями активно порождаемых негативных номинаций.

В то же время дискурсивное изучение эмоционального поведения наших современников позволило В.И. Шаховскому по-иному взглянуть на соотношение экологичности и знака эмоций, в котором часто нет прямой зависимости, многое определяется дискурсивно: «Ситуация рождает Эмоцию, Эмоция рождает номинации-креатемы, последние рождают эмоции, которые в свою очередь рефлексируются в новых номинациях (...)» (с. 461). В этом и проявляется коммуникативный круг, соединяющий человека, язык и эмоции.

Материал Приложения 3 рецензируемого издания наглядно показывает, что в разных дискурсах эмотив может выступать как в своей позитивной, так и в негативной модальности, а нередко проявляет себя амбивалентно. Эмоциональная переориентация слов в современных дискурсах поразительна, иногда противоречит логике здравого смысла, но абсолютно соответствует эмоциональному освоению мира современниками. Этим объясняется положение отдельных слов и речем в таблицах Приложения 3, среди которых множество слов, еще недавно имевших статус эмоционально нейтральных: *репутация (+) и (-); демократия (+); наведение конституционного порядка (-); оппозиционные партии (-); карусель (-); кидать (-); патриотическое движение (+), вертикаль (-); реформа (-); «вежливые люди»; бананотехнологии (-); тренд (+); драйв (+); волонтер (+); пионер (+); Евромайдан (-); открыть (-); девушка с косой (-)* и др.

Вероятно, можно дискутировать с автором относительно эмоционального статуса некоторых единиц в приведенных материалах, однако бесспорно одно — современные дискурсы беспредельно наращивают шкалу отрицательно заряженных эмотивов, все более запуская механизм негативных эмоций в обществе. Шкала позитивных единиц, в том числе новообразований, если не уменьшается, то явно обогащается значительно медленнее, а подчас и переводится в пассивный запас лексики и фразеологии.

Не является исключением в этом смысле и современные художественные произведения, порождающая эмоциональные образы негативной креативности.

Безусловно, материал приложения отражает интроспекцию автора, но вместе с этим он фиксирует интроспекцию языкового освоения жизни наших современников: журналистов, читателей газет, завсегдатаев социальных сетей в Интернете,

политиков и политехнологов. Субъективное и принципиально ненаблюдаемое эмоциональное сознание граждан современной России изменчиво, но, будучи вербально закреплённым, оно становится документальным свидетельством картины мира россиян 10-х гг. XXI в. Кропотливо собранный специалистом в области вербализации эмоций и зафиксированный в монографии, этот материал представляет ценность для практиков, работающих со словом, и для будущих исследований. Это также обращение к государственным и общественным институтам придать социальную значимость существующей проблеме и принять меры к эмоциональной экологизации нашего общества.

Научное сообщество языковедов и практиков, работающих со словом, можно поздравить с появлением фундаментального и социально значимого труда по лингвоэкологии эмоций, который, без сомнения, будет востребован и стимулирует новые работы в этой области.

© Ионова С.В., 2016

Для цитирования:

Ионова С.В. Дискурсивные эмоции: кооперация и диссонанс. Шаховской В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография). — Волгоград: Изд-во «ИП Поликарпов И.Л.», 2016. — 504 с. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 4. С. 197—201.

Сведения об авторе:

Ионова Светлана Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и документалистики Волгоградского государственного университета. *Сфера научных интересов*: лингвистика эмоций, лингвоэкология, лингвистика текста, психолингвистика, теория коммуникации. *Контактная информация*: e-mail: sionova@mail.ru

For Citation:

Ionova, S. Discursive Emotions: Concord and Discord. Shakhovskiy V.I. (2016). *Ecological Discord in Communicative Triangle: Human Being, Language, and Emotions*. Volgograd: “Polikarpov I.L.” *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 197—201.

Bio Note:

Svetlana V. Ionova, DSc, Professor of Russian Language and Documentation Department at Volgograd State University. *Research Interests*: Emotive Linguistics, Linguoecology, Text Linguistics, Pshycolinguistics, Theory of Communication. *Contact information*: e-mail: sionova@mail.ru

ОБЗОРЫ КОНФЕРЕНЦИЙ **CONFERENCES**

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-202-204

ЮБИЛЕЙНАЯ X МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДОЛОГИЯ, АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ» г. Екатеринбург, 26—30 сентября, 2016 г.

Значимым событием в научной жизни исследователей, занимающихся актуальными проблемами политической коммуникации, явилась ставшая традиционной конференция по политической лингвистике при Уральском государственном педагогическом университете (г. Екатеринбург), которая в этом году проводилась в юбилейный, десятый раз. Известность конференции во многом определяется тем, что организационный комитет возглавляет основоположник уральской школы политической лингвистики, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Анатолий Прокопьевич Чудинов. Статус конференции подтверждается авторитетностью ее гостей и участников, а также высоким рейтингом издаваемого в УрГПУ профильного журнала «Политическая лингвистика», включенного в перечень ВАК России.

Конференцию открыли ректор УрГПУ профессор Алевтина Александровна Симонова и председатель организационного комитета конференции профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов. Во вступительной части были обозначены актуальность политической лингвистики для современной российской науки, а также значимость вклада уральской школы в развитие данного направления.

В основные дни конференции проходили как пленарные, так и секционные заседания. По традиции доклады читали ведущие российские исследователи в области лингвистики и смежных гуманитарных дисциплин.

Первое пленарное заседание открыла доктор филологических наук, профессор З.К. Темиргазина, которая посвятила свое выступление стилистическому анализу оппозиционного дискурса Казахстана. Способы создания эффекта демонизации в англоязычном медиа-дискурсе были раскрыты в докладе доктора филологических наук, профессора ЛГУ им. А.С. Пушкина С.В. Ивановой. В результате исследования ею выявлены такие языковые средства, как использование кличек и культурно-обусловленной лексики, реляция к большим ценностям, толкование лексических единиц из чужих языков, авторская энантиосемия и многие другие средства, обуславливающие формирование враждебного образа России в зарубежных СМИ.

Корпусные технологии в исследовании политической метафорологии были представлены в докладе доктора филологических наук О.О. Борискиной (Воронежский государственный университет), в ходе которого участники заседания узнали

о криптоклассной методике анализа. Доктор филологических наук М.В. Гаврилова представила новые направления изучения креолизованных текстов в зарубежной гуманитарной науке. Доклад был посвящен такому междисциплинарному направлению, как социальная семиотика, а также описанию методологических подходов к анализу креолизованных текстов.

Оживленную дискуссию вызвал доклад профессора Сибирского федерального университета, доктора филологических наук А.В. Колмогоровой о языковых маркерах манипуляции в поляризованном дискурсе. Участники конференции вступили в полемику о границах применения термина «манипуляция», а также по поводу некоторых аспектов параметризации поляризованного дискурса. Завершил пленарные выступления доклад заведующего кафедрой общего языкознания и русского языка УрГПУ, профессора Т.А. Гридиной и профессора Н.И. Коноваловой о стереотипах в ментальном пространстве советской сказки. Исследователи продемонстрировали способы трансляции советских идеологем посредством литературного произведения Л. Лагина «Старик Хоттабыч», а также проследили динамику идеологических установок в социуме.

Интерес представили и секционные заседания конференции, на которых выступили доцент Ивановского государственного университета С.А. Маник с докладом «Семантическое поле “terrorism”: от “conventional terrorism” к “lone wolf attack” и “grievance-field violence”» и доцент Пензенского государственного университета О.В. Барабаш с докладом «Особенности категоризации феномена коррупции вне юридического дискурса». Кроме того, прозвучал доклад преподавателя Московского государственного лингвистического университета Е.П. Мурашовой о политическом споте как жанре политической рекламы. Круглый стол «История и лингвистика» привлек участников конференции «французской» тематикой докладов о России глазами Наполеона (доктор исторических наук В.Н. Земцов), влиянии Великой Французской революции на лексический состав языка (доктор филологических наук Е.М. Какзанова), а также Русской кампании Наполеона в зеркале информационной войны (кандидат исторических наук А.А. Постникова). В рамках круглого стола также выступил профессор Прешовского университета Республики Словакии Йозеф Сипко с открытой лекцией об образе России в современной Словакии.

Традиционно конференция привлекает внимание не только лингвистов, но и специалистов из смежных областей знаний, также заинтересованных в данной проблематике. Постоянным участником конференции является кандидат психологических наук К.В. Злоказов, который выступил с докладом о влиянии анонимности автора на параметры угрозы, а также возможности предсказания ее реальности и выполнимости. Конференцию также посетила известный политолог, доктор политических наук О.Ф. Русакова, которая сделала доклад о новом исследовательском поле «Soft Power» (Мягкая Сила). С докладом о тактических медиа выступила доктор политических наук, профессор кафедры периодической печати СПбГУ Г.С. Мельник.

В период проведения конференции участники также получили возможность пройти специально организованные курсы повышения квалификации «Методология психолого-лингвистической экспертизы конфликтных политических (экстрем-

мистских) текстов» в объеме 72 часов. Для этой цели организаторами были приглашены авторитетные специалисты в данной области.

Вводная часть, связанная с уголовно-правовыми основами экспертиз по преступлениям экстремистской направленности, была сделана доцентом кафедры уголовного права УрЮИ МВД России М.Н. Косаревым. Основными докладчиками курсов стали доктор филологических наук А.М. Плотникова, которая сосредоточилась на проблемных вопросах комплексных психолого-лингвистических экспертиз и провокативных речевых жанрах, и кандидат филологических наук М.В. Аблин, который, среди прочего, раскрыл особенности формулирования вопросов и выбора метода при проведении экспертиз, а также представил идеолого-религиозные тексты как объект экспертизы. А.П. Чудинов подытожил программу курсов повышения квалификации, рассказав о традиционных и новых методиках лингвистической экспертизы политического текста.

Важным дополнением конференции стал конкурс международных научных публикаций «Политическая коммуникация». Победители и дипломанты конкурса были награждены соответствующими дипломами и получили право внеочередной публикации в журнале «Политическая лингвистика». Все гости конференции были награждены сертификатами участников. По итогам конференции был опубликован сборник докладов.

Помимо насыщенной научной программы участники конференции также воспользовались возможностью посетить выставки Екатеринбурга или насладиться театральным представлением. Для желающих были организованы пешие экскурсии по центру города с посещением основных достопримечательностей.

© Садуов Р.Т., 2016

Для цитирования:

Садуов Р.Т. Юбилейная X международная научная конференция «Политическая лингвистика: проблемы, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления». Екатеринбург, 26—30 сентября, 2016 г. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 4. С. 202—204.

Сведения об авторе:

Садуов Руслан Талгатович, к.ф.н., доц. кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета. *Сфера научных интересов*: политическая лингвистика, медиа-лингвистика, лингвокультурология, теория коммуникации, межкультурная коммуникация, переводоведение, критика переводов. *Контактная информация*: e-mail: ruslan.saduov@gmail.com

For citation:

Saduov, R. The Milestone 10th International Conference “Political Linguistics: Challenges, Methodology, Research, and Future”, Yekaterinburg, 26—30 September 2016. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 202—204.

Bio Note:

Ruslan T. Saduov, PhD, Associate Professor of English and Intercultural Communication Department, Faculty of Romance and Germanic Philology at Bashkir State University. *Research Interests*: Political Linguistics, Media Linguistics, Theory of Communication, Intercultural Communication, Theory of Translation, Translation Criticism. *Contact information*: e-mail: ruslan.saduov@gmail.com

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ:
«КИТАЙ И РУССКИЙ МИР:
ЯЗЫК, КУЛЬТУРА И „МЯГКАЯ СИЛА“ КУЛЬТУРЫ»
Гуанчжоу, 13—14 ноября 2016 г.**

13—14 ноября 2016 г. в Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли (Гуанчжоу, Китай) состоялся международный форум «Китай и Русский мир: язык, культура и „мягкая сила“ культуры», посвященный обсуждению актуальных проблем языка, культуры и ‘мягкой силы’ культуры, а также и языка, культуры и национальной безопасности. В Форуме приняли участие видные ученые и специалисты из ведущих университетов Китая, России, Казахстана, Киргизии, Индии, Венгрии и США.

Цели и задачи форума заключались в обмене опытом и мнениями о современных тенденциях и взглядах на проблему «язык и культура как ‘мягкая сила’», на вопрос о взаимосвязи языка, культуры и национальной безопасности, а также в привлечении молодых ученых к научной деятельности.

На открытии форума присутствовали и выступили с речью такие почетные гости, как президент Российской академии образования, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета фонда «Русский мир» Л.А. Вербицкая, генеральный консул РФ в Гуанчжоу А.Л. Просвиркин, президент Российской ассоциации прикладной лингвистики, председатель научно-методического совета по преподаванию иностранного языка в неязыковых вузах при Министерстве образования РФ С.Г. Тер-Минасова, глава национального ректората Университета Шанхайской организации сотрудничества в КНР Сунь Юй-хуа, проректор Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли Чжэнь Ли-хань.

Выступления Л.А. Вербицкой, С.Г. Тер-Минасовой и Сунь Юйхуа задали основные векторы работы всего форума.

Работа пленарного заседания началась с доклада проф. Л.А. Вербицкой «Русский язык современной России», в котором подчеркивается, что нет нации без языковой общности, языковой признак наряду с экономическим, территориальным, этническим и психологическим является одним из основных признаков нации. Язык — не просто система знаков, а инструмент организации жизни общества и человека. Язык — средоточие и выразитель всей народной жизни, ее духа и сегодняшнего состояния.

Вслед за Л.А. Вербицкой с докладом выступила глава национального ректората УШОС в КНР проф. Сунь Юй-хуа (Даляньский университет иностранных языков), которая в своем выступлении остановилась на истоках и происхождении идеи евразийской региональной интеграции, а также на идее и основных принципах создания единого гуманитарного пространства Евразии на фоне идеи «Стыковки интеграционных проектов Китая и России». Президент Национального об-

щества прикладной лингвистики проф. С.Г. Тер-Минасова (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) в своем докладе «Язык мой — враг мой или друг мой?» обосновала актуальность исследования проблемы языка, культуры и национальной безопасности, раскрыла роль языка в формировании личности, национального характера, национального менталитета, уделив особое внимание таким вопросам, как агрессия и ксенофобия, лежащим в основе межнациональных и межкультурных конфликтов.

Проблема языковой личности была поднята и в выступлении проф. Сунь Шуфан (Хэйлуцзянский университет, КНР), которое было посвящено проблемам интерпретации центрального термина «языковая личность» в современной лингвистике, истокам его возникновения и основным направлениям исследования.

В рамках форума 13 ноября работали 4 секции, где участники представили результаты своих текущих исследований.

На первой секции — «Национальный язык как основа и гарант национальной культуры и идентичности» — был рассмотрен целый ряд интересных вопросов. Доклад К.М. Алеевой (РХТУ им. Д.И. Менделеева, профессор кафедры философии) был посвящен рассмотрению проблемы языковой картины мира и самобытной идентичности кыргыза. Д.Н. Давлетбаева (Казанский федеральный университет, зав. кафедрой германской филологии) осветила языковую политику в Республике Татарстан. В докладе Е.М. Мишиевой (МГУ им. М.В. Ломоносова), посвященном преподаванию английского языка в России, были подняты вопросы сохранения национальной культуры и идентичности. О.А. Павловская (МГУ им. М.В. Ломоносова) остановилась на династических браках и проблемах национальной идентичности. Л.Ш. Рахимбекова (Московский государственный лингвистический университет, зав. кафедрой восточных языков переводческого факультета) выступила с докладом «Владение родным языком и профессия переводчика».

Вторая секция называлась «Национальный язык как основа и гарант национальной безопасности и независимости». Здесь выступили проф. К.Б. Уразаева (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан) с докладом «Казахское средневековое правосудие: механизм культурной безопасности и сохранения национальной идентичности», проф. О.А. Иванова (МГУ им. М.В. Ломоносова) с докладом «Метафорические репрезентанты беженцев в немецких СМИ»; проф. В.А. Поздеев (Вятский государственный университет) с докладом «Проявление когнитивных стереотипов в иноэтнических прозвищах»; проф. Н.О. Осипова (Вятский государственный университет) с докладом «Гендерный дисплей и конфликт межличностной коммуникации в полиэтничном пространстве»; проф. М.И. Солнышкина (Казанский федеральный университет) с докладом «Средства вербальной агрессии профессиональных субкультур», кандидат филологических наук З.Р. Зиннатуллина (Казанский федеральный университет) с докладом «Образ Китая в современном русскоязычном фольклоре».

Третья секция была посвящена культурным традициям как источнику международных конфликтов. На ней прозвучали доклады проф. О.А. Леонтович (Волго-

градский государственный социально-педагогический университет) под названием «Конструктивная и деструктивная межкультурная коммуникация через призму семейного нарратива»; проф. О.И. Максименко (Московский государственный областной университет) — «Номинация национальностей с отрицательной коннотацией»; проф. И.И. Дзагани (Сухумский государственный университет в Тбилиси, Грузия) на тему «Грузинские застольные традиции в эпоху глобализации» и др. Кандидат исторических наук И.И. Павловский (МГУ им. М.В. Ломоносова) посвятил свой доклад анализу региональной специфики освещения политических конфликтов в европейских СМИ; доцент Д.Р. Шарфутдинов проанализировал влияние географических факторов южного региона Китая на процесс изучения русского языка местными студентами (Московский государственный университет / Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли).

Четвертая секция, которая называлась «Язык и культура как ‘мягкая сила’», проходила на английском языке. Проф. Т.В. Ларина (Российский университет дружбы народов, главный редактор журнала «Вестник РУДН. Серия: Лингвистика») представила исследование на тему «Language and ethnic identity», в котором на материале английского, русского и китайского языков показала, как этническая идентичность отражается на разных уровнях языка и проявляется в дискурсе. Доклад доктора Нилакши Сурьянараян (Делийский Университет, Индия) «Language as a provocater of ethnic discrimination» раскрыл ряд важных социокультурных и социолингвистических проблем, связанных с иммигрантами в Индии и трудностями их адаптации. В.И. Озюменко (Российский университет дружбы народов, доцент кафедры иностранных языков Юридического института) выступил с докладом «Manipulation of public opinion in mass media», где продемонстрировал важность знания механизмов и средств манипуляции общественным сознанием, используемым в политическом дискурсе, для противостояния информационным и психологическим войнам. Модератор секции проф. М.Э. Конурбаев (МГУ им. М.В. Ломоносова) инициировал интересную дискуссию по обсуждаемым проблемам с привлечением присутствовавших на секции китайских студентов.

На заключительном пленарном заседании прозвучали слова благодарности гостям Форума, озвучены планы дальнейшего научного сотрудничества. Участники выразили признательность организационному комитету Форума в лице проф. Ян Кэ, директора Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (ГУИЯ и МТ), руководителя Русского центра при поддержке Фонда русский мир в Гуанчжоу. Все участники отметили высокий научный и организационный уровень Форума, обеспеченный Институтом европейских языков и культур ГУИЯ и МТ и Центром русского языка, и выразили желание сделать его традиционным.

Гости Гуанчжоу побывали на экскурсии по городу, а также посетили университет в сопровождении преподавателей и студентов факультета русского языка.

По итогам форума будет опубликован сборник научных докладов.

Для цитирования:

Ян Кэ. Международный форум: «Китай и Русский мир: язык, культура и ‘мягкая сила’ культуры», Гуанчжоу, 13—14 ноября 2016 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 205—208.

Сведения об авторе:

Ян Кэ, директор Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (ГУИЯ и МТ), руководитель Русского центра в Гуанчжоу (Китай). *Сфера научных интересов:* русский язык, межкультурная коммуникация, анализ дискурса. *Контактная информация:* e-mail: mashayang1963@aliyun.com

For citation:

Yang Ke. International Forum: “China and Russian World: Language, Culture and ‘Soft Power’ of Culture”, Guangzhou, 13—14 November 2016. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 205—208.

Bio Note:

Yang Ke, PhD, Professor, Deputy Director of the Faculty of European Languages and Cultures; Director of the Russian Centre at the Russky mir Foundation (Guangzhou, China). *Research interests:* Russian Language, Intercultural Communication, Discourse Analysis. *Contact information:* e-mail: mashayang1963@aliyun.com